

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

3
МАЙ — ИЮНЬ

Москва

2022

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Стокгольмский университет, Швеция

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: Л. С. Козлов, А. С. Кулева

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2022

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2022

ISSN 0373-658X

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

3

MAY — JUNE

Moscow

2022

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Stockholm University, Sweden
Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

М. Л. Каленчук. Позиция фонетическая, орфоэпическая, произносительная: новые подходы	7
М. А. Егорова. О семантике и дискурсивных функциях аориста и плюсквамперфекта в современном сербском языке (на материале романа Милорада Павича «Внутренняя сторона ветра»)	14
А. М. Петров. Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики	54
Е. А. Лютикова. The structural representation of ergativity in Northeast Caucasian	75
Г. Р. Сулайбанов, Н. Р. Сумбагова. Об одном типологическом раритете: каузатив в цугнинском диалекте даргинского языка	109
Е. К. Скрибник, Н. Б. Даржаева. Бурятские «однократное» и «постоянное» причастия в типологической перспективе	132

Рецензии

Ф. В. Байков. [Рец. на:] О. Kagan. <i>The semantics of case</i> . Cambridge: Cambridge University Press, 2020	155
---	-----

Contents

Maria L. KALENCHUK. Phonetic, orthoepic, pronunciational position: New approaches . . .	7
Maria A. EGOROVA. On the semantics and discourse functions of the aorist and the pluperfect in Modern Serbian: A study of Milorad Pavić's novel <i>The Inner Side of the Wind</i>	14
Alexander M. PETROV. Trochaic tetrameter in Russian folk spiritual verses of late tradition: Some issues of metrics and rhythmicity	54
Ekaterina A. LYUTIKOVA. The structural representation of ergativity in Northeast Caucasian . . .	75
Gasangusen R. SULAIBANOV, Nina R. SUMBATOVA. On one typological rarity: The causative in Tsugni Dargwa	109
Elena K. SKRIBNIK, Nadezhda B. DARZHAEVA. Buryat "semelfactive" and "constant" participles in typological perspective	132

Reviews

Fyodor V. BAYKOV. [Review of:] O. Kagan. <i>The semantics of case</i> . Cambridge: Cambridge University Press, 2020	155
---	-----

Позиция фонетическая, орфоэпическая, произносительная: новые подходы

© 2022

Мария Леонидовна Каленчук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

mkalenchuk@yandex.ru

Аннотация: Понятие «позиции» — одно из основных понятий Московской лингвистической школы.

Под «фонетической позицией» понимают условия употребления и реализации фонем в речи, причем принято считать, что реализация фонемы полностью определяется качеством фонетической позиции, в которой она находится. Из этого следует, что, если известна фонема и фонетическая позиция, в которой она находится, этого достаточно для того, чтобы определить звук, представляющий данную фонему. Лингвисты неоднократно подчеркивали важное ограничение — фонетическая позиция должна определяться чисто фонетическими условиями. Но анализ языкового материала показывает, что процедура приведения фонемы к звуку всегда многоступенчата, с формулированием множества ограничений и условий очень разного (и необязательно фонетического) характера. Это заставляет пересмотреть критерии выделения фонетических позиций и позволяет применить к фонетическим позициям подход, разработанный ранее для выделения орфоэпических позиций. При этом целесообразно ввести понятие «произносительной позиции», которое может объединить понятия фонетической и орфоэпической позиции. Как было показано в более ранних работах автора, между фонетическими и орфоэпическими закономерностями есть общее — обе зоны устроены позиционно. В свете предложенного подхода можно добавить, что объединяет понятия фонетической и орфоэпической позиции и то, что, формулируя эти позиции, мы имплицитно или эксплицитно учитываем и нефонетические факторы разного рода, в первую очередь грамматические и лексические. Можно заключить, что звук является функцией двух определяющих: заданной фонемы и произносительной позиции, которая интегрирует традиционные понятия фонетической и орфоэпической позиции и учитывает любые языковые факторы, способные влиять на реализацию фонемы конкретным звуком.

Ключевые слова: орфоэпия, русский язык, фонетика, фонетические позиции, фонология

Для цитирования: Каленчук М. Л. Позиция фонетическая, орфоэпическая, произносительная: новые подходы. *Вопросы языкознания*, 2022, 3: 7–13.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.7-13

Phonetic, orthoepic, pronounciational position: New approaches

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

mkalenchuk@yandex.ru

Abstract: The concept of “position” is one of the basic concepts of the Moscow Linguistic School. “Phonetic position” is understood as the conditions of use and realization of phonemes in speech, and it is generally assumed that the realization of a phoneme is completely determined by the quality of its phonetic position. It follows from this that knowing the specific phoneme and its phonetic position is enough to determine the sound representing this phoneme. Linguists have repeatedly stressed

an important limitation — phonetic position should be determined by purely phonetic conditions. But the analysis of linguistic data shows that the procedure for bringing a phoneme to sound is always multi-step, involving formulation of many restrictions and conditions of a very different (and not necessarily phonetic) nature. This makes us reconsider the criteria for the allocation of phonetic positions and allows us to apply to phonetic positions the approach developed earlier for the allocation of orthoepic positions. At the same time, it is advisable to introduce the concept of “pronunciational position”, which can combine the concepts of phonetic and orthoepic position. As it was shown in the author’s earlier works, there is a common thing between phonetic and orthoepic patterns — both zones are arranged positionally. In the light of the proposed approach, we can add that the concepts of phonetic and orthoepic positions are also similar in that, when formulating these positions, we implicitly or explicitly take into account non-phonetic factors of various kinds, primarily grammatical and lexical ones. It can be concluded that phonetic sound is a function of two determinants: a given phoneme and a pronunciational position, which integrates the traditional concepts of phonetic and orthoepic position and takes into account any linguistic factors that can influence the phoneme realization.

Keywords: orthoepy, phonetic positions, phonetics, phonology, Russian

For citation: Kalenchuk M. L. Phonetic, orthoepic, pronunciational position: New approaches. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 3: 7–13.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.7-13

1. Термин «фонетическая позиция» используется большинством лингвистов, описывающих звуковую строй языков, но обычно ему не дается специального определения, он функционирует как синоним словосочетания «положение звука» («позиция / положение гласного звука под ударением», «позиция / положение согласного перед паузой» и т. п.). При этом в самом общем виде под позицией понимают окружение языковой единицы, ее положение относительно других единиц. В большинстве научных школ внимание концентрируется на понятии позиций в фонологии и связывается с оценкой таких позиций с точки зрения выполнения / невыполнения фонемами их функций.

Но для Московской фонологической школы понятие фонетической позиции одно из основных. Но «как ни странно, если учесть значение понятия «фонетическая позиция» для теории МЛШ, термин «фонетическая позиция» не имеет строгого определения. Им пользуются, нередко редуцируя его до однословного «позиция», в связи с описанием чередований» [Лихтман 2000: 33]. М. В. Панов [1979: 97] пишет: «Позицией называются условия произношения звуков. Положение под ударением, положение в первом предударном слоге после твердых согласных, положение рядом с мягкими согласными и т. д. — все это позиции». Под фонетической позицией понимают «условия употребления и реализации фонем в речи» [Реформатский 1970: 115].

При этом и А. А. Реформатский, и М. В. Панов неоднократно подчеркивают, что явления, связанные с фонетическими позициями, позиционны, а все непозиционные факты не соотносятся с фонетическими позициями.

Принято считать, что реализация фонемы полностью определяется качеством фонетической позиции, в которой она находится: «...звук является функцией двух определяющих: заданной фонемы и фонетической позиции» [Панов 1961: 15]. Из этого следует, что, если известна фонема и фонетическая позиция, в которой она находится, этого достаточно для того, чтобы определить звук, реализующий данную фонему. Например, фонема /д/ в позиции конца знаменательного слова перед паузой будет представлена звуком [т], и неважно, в каком именно слове или морфеме это происходит.

2. В своих работах московские лингвисты неоднократно подчеркивали одно важное ограничение: фонетическая позиция должна определяться чисто фонетическими условиями (качеством соседних звуков при контактном или дистантном их расположении, началом и концом слова или слога, типом слога, положением по отношению к ударению, длиной слова, соотношением с просодическим центром высказывания и т. п.).

Что имеется в виду, когда говорят, что фонетическая позиция должна определяться только фонетическими условиями? Например, понятия начала или конца слова — это фонетические факторы? Обычная формулировка позиционного чередования по глухости-звонкости: на конце слова перед паузой шумные звонкие согласные заменяются глухими (*ca[д]ы́ — ca[т]*). Можно признать формулировку «на конце слова» фонетическим условием, но только если иметь в виду фонетическое слово, а не лексическое или грамматическое. Но обычно это не принимается во внимание. А что делать в следующем случае: *остри́[г]ли — остри́[к] ли* (*остригли волосы — остриг ли он волосы?*)? В обоих примерах одинаковый фонемный состав и фонема /г/ стоит в одной и той же фонетической позиции перед звуком [л'] внутри фонетического слова, но реализация разная. Какая фонетическая позиция регулирует реализацию фонемы /г/? В формулировку позиции, определяющей реализацию фонемы /л/, необходимо включать указание на положение не просто перед звуком [л'], но перед суффиксом *-л-* прошедшего времени или перед частицей *ли*, что никак нельзя считать фонетическими условиями. Или другой пример — *бе[з] окнá, но скво[с'] окнó*. Шумная звонкая фонема реализуется на конце предлога то глухим, то звонким звуком в одной и той же фонетической позиции перед гласным. Чтобы привести фонему к звуку, необходимо в данном случае оговаривать происхождение предлога — производный он или непроизводный, что никак нельзя считать фонетическим фактором. Подобные примеры можно было бы продолжать и продолжать.

Даже те случаи, когда формулировка приведения фонемы к звуку кажется полностью фонетической, вызывают определенное сомнение. Когда в слове *вода* мы постулируем, что фонема /о/ в первом предударном слоге после твердого согласного реализуется звуком [а²], мы имплицитно имеем в виду, что это слово принадлежит к исконно русской лексике и что фонема /о/ стоит в корневой морфеме однокорневого знаменательного слова, что никак нельзя считать фонетическими условиями. Докажем релевантность каждого из перечисленных факторов:

- находится в слове, относящемся к исконно русской лексике, так как в заимствованных словах возможна другая реализация этой фонемы в той же фонетической позиции (*п[о]э́т, б[о]а́*);
- находится в корневой морфеме, так как, например, в приставке возможна другая реализация этой фонемы в первом предударном слоге после твердого (*д[о]вы́боры, с[о]а́втор*);
- находится в однокорневом слове, так как в первой основе сложных и сложносокращенных слов возможна другая реализация этой фонемы в тех же фонетических условиях (*г[о]ста́йна, г[о]рца́д*);
- находится в знаменательном слове, так как, например, в служебных словах возможна другая реализация этой фонемы в той же фонетической позиции (*вд[о]ль у́лицы, т[о]до́ждь, т[о]сне́г*).

Исходя из сказанного выше, можно заключить, что представление о том, что звук — всегда функция только двух заданных параметров — фонемы и фонетической позиции, в которой она находится, — некая иллюзия. Процедура приведения фонемы к звуку всегда многоступенчата, с формулированием множества ограничений и условий очень разного (и необязательно фонетического) характера.

3. Можно было бы возразить, что некоторые из приведенных примеров относятся не к основной системе русского литературного произношения, а к частным произносительным подсистемам — заимствованных слов, служебных слов, сложных и сложносокращенных слов, приставок и т. д. Многие лингвисты считают, что звуковая система русского литературного языка неоднородна, она состоит из ряда подсистем. А почему нельзя описать все фонетические явления как факты одной языковой системы? Специфичность произносительной подсистемы определяется двумя условиями:

- 1) инвентарем составляющих ее фонем (например, наличием фонемы /w/ в заимствованных словах или фонемы /y/ в междометиях при отсутствии этих фонем в основной системе);
- 2) ее структурой, то есть совокупностью внутрисистемных связей между фонемами, тем, как упорядочены и организованы эти элементы, их способностью различаться в сильных позициях и нейтрализоваться в слабых, особенностями позиционного поведения звуков (так, например, в исконно русских словах звук [н] перед [ч'] обязательно заменяется мягким согласным — *ко́[н']чик*, а в заимствованных может быть твердым — *фра[н]ча́йзинг*).

Вопрос о необходимости выделения различных языковых подсистем, характеризующихся своими фонетическими особенностями, неоднократно обсуждался в лингвистической литературе. Различные исследователи, признавая невозможность построения единого описания для всех слов русского языка, предлагают разные критерии для выделения произносительных подсистем, в большинстве своем эти критерии носят нефонетический характер.

Но есть обстоятельство, заставляющее в принципе сомневаться в правильности и необходимости введения понятия подсистемы в фонетике. Например, в союзе *да* произносится звук [э] вне зависимости от места по отношению к ударению (*ты д[э] я́, ты д[э] о́ни, ты д[э] преподава́тель*). Обычно эта фонетическая «странность», приводящая к нарушению формулы Потемби и наличию одной степени редукции, объясняется тем фактом, что *да* относится к подсистеме союзов (или шире — служебных слов). Достаточно ли констатация того, что *да* — союз для определения поведения в нем гласных? Это было бы так, если бы эта особенность вокализма распространялась на все союзы русского языка, но это не соответствует действительности. Только в этом конкретном союзе наблюдается нарушение обычной для русских слов редукционной схемы.

Другой пример. Известно, что в первых основах сложных и сложносокращенных слов могут произноситься качественно нередуцированные безударные гласные [Каленчук 1993; Скачедубова 2008]. Возможны три разных случая:

- 1) в одних основах никогда не употребляются нередуцированные звуки, например *пяти-* (*п[и^е]тилéтка, п[и^е]тиквартíрный*);
- 2) в других всегда произносятся безударные гласные, не подвергшиеся качественной редукции, например *трéх-* (*т[р^о]хáктный, т[р^о]хрублéвый*);
- 3) в третьих возможны варианты, например *мед-* (*[м^э]до́кмиссия* и *[м^е]до́кмиссия*).

Достаточно ли указания на то, что гласная фонема находится в первой основе сложного или сложносокращенного слова, чтобы определить, каким звуком она будет представлена в речи? Языковой материал показывает, что это не так.

Можно говорить о некотором логическом противоречии. Мы объясняем особенности произношения некоторых слов и морфем их принадлежностью к какой-то лексической или грамматической группе слов, но заключить это можно только после того, как мы констатируем произносительную «странность». То есть не принадлежность к подсистеме определяет особенности произношения, а необычность звуковой формы позволяет отнести слово или морфему к подсистеме. В принятом обычно рассуждении причина и следствие подменяют друг друга. Подобные решения — логически замкнутый круг.

4. Разобранные выше примеры заставляют пересмотреть критерии выделения фонетических позиций и позволяют применить к фонетическим позициям подход, разработанный для выделения орфоэпических позиций.

Автор этой статьи ввела понятие орфоэпической позиции и определила ее как действие «любых факторов, которые могут влиять на реализацию одной и той же фонемы разными звуками при условии тождества фонетических позиций». Языковые факты, приведенные

для доказательства этого положения, позволили выделить орфоэпические позиции весьма разной природы — фонетические, лексические, грамматические, словообразовательные, графические [Каленчук 1993]. При таком подходе под орфоэпической позицией следует понимать любые языковые условия и причины, вызывающие реализацию фонемы конкретным вариантом произношения и опосредующие тем самым связь между фонемой и звуком.

В дальнейшем Л. Л. Касаткин [2017] разработал детальную классификацию орфоэпических условий, разделив все языковые орфоэпические позиции на собственно фонетические и другие языковые — фонологические, лексические, морфематические, морфологические, словообразовательные, стилистические.

Приведем несколько примеров действия орфоэпических позиций (подробнее об иерархии факторов, релевантных для реализации орфоэпических закономерностей [Каленчук 2015; 2021]).

Твердость-мягкость первого звука в сочетании $p[t']$ по-разному реализуется в частотных и более редких словах — произносится только $na[r]tut'ura$, но $a[r']tist'icheskij$ и $a[r]tist'icheskij$. Необходимо включать лексический параметр — частоту употребления слова — в процедуру приведения фонемы к звуку.

При произношении слов *теснее* и *честнее* имеется сочетание $[c'n']$, но в первом примере первый звук обязательно мягкий, а во втором может быть и мягким, и твердым ($te[c'n']éé$, но $ce[c'n']éé$ и $ce[sn']éé$). Это происходит потому, что между контактирующими звуками в примере *честнее* стоит фонема $/t'/$, представленная нулем звука, в слове *теснее* такой фонемы нет. Фонологический фактор влияет на сегментную реализацию фонем и принимается во внимание при выведении алгоритма приведения фонемы к звуку.

Тридцати информантам, носителям литературного произношения разного возраста и пола, было предложено прочитать вслух следующие фразы: *Сорви на огороде какой-нибудь зелени к ужину* и *Он настоящий сорви-голова, мать с ним не справляется*. Слово *сорви* употреблено в этих примерах в свободном значении и в составе фразеологизма, что отражается на их произношении. В первом примере ни один из дикторов не произнес мягкого звука $[r']$ в положении перед $[v']$ — только $so[r]ví$. Во втором случае девять участников эксперимента произнесли $so[r']ví$. Подобное устаревшее произношение слова в составе фразеологизма связано с тем, что в устойчивых выражениях «консервируются» многие языковые особенности, в том числе и фонетические. Следовательно, формулируя условия, релевантные для реализации фонемы в рассмотренном случае, необходимо указывать на то, в свободном сочетании слов или во фразеологизме она находится.

Рассмотренные примеры демонстрируют, что сама по себе фонетическая позиция в ее традиционном понимании не определяет реализацию фонем. Орфоэпические позиции детализируют, уточняют фонетическую позицию. Л. Л. Касаткин предложил считать, что «орфоэпическая позиция — это фонетическая позиция, в которой происходит варьирование звуков или фонем и места ударения в слове (словоформе) под влиянием различных языковых и неязыковых факторов» [Касаткин 2017: 181].

5. Позволяет ли предложенное понимание орфоэпической позиции снять отмеченные ранее противоречия при формулировании фонетических позиций? Как представляется, вполне позволяет. Если согласиться, что **фонетическая позиция** — это условия, определяющие функционирование фонем, то в формулировку позиции надо включать любые языковые факторы, способные предопределять реализацию фонемы тем или иным звуком. При этом оказывается, что между фонетическим и орфоэпическим материалом нет принципиальной разницы. Как было показано в более ранних работах автора, между фонетическими и орфоэпическими закономерностями есть общее — обе зоны устроены позиционно [Каленчук 2015]. В свете предложенного подхода можно добавить, что объединяет понятия фонетической и орфоэпической позиции и то, что, формулируя эти позиции, мы имплицитно или эксплицитно учитываем и нефонетические факторы разного рода, в первую очередь, грамматические и лексические.

Вернемся к разобранным выше примерам и посмотрим на них под немного другим углом зрения, позволяющим расширить наполнение термина «фонетическая позиция». В случае *остри*[г]ли — *остри*[к] ли формулировка приведения фонемы к звуку должна выглядеть так: фонема /г/ в положении перед звуком [л'] в позиции перед суффиксом прошедшего времени *-л-* реализуется звуком [г], а в положении перед частицей *ли* — звуком [к]. В примере *бе*[з] *окна́*, но *сква*[с'] *окно́* нужно постулировать, что шумная звонкая фонема в положении перед гласным реализуется звонким звуком на стыке непроемного предлога со знаменательным словом и глухим — на стыке производного предлога с ударным словом. В примере *вода* фонема /о/ реализуется звуком [а°] в положении первого предударного слога после твердого согласного в корне исконно русского однокорневого знаменательного слова.

А как быть с описанием произношения гласного в союзе *да*? В безударном положении в этом союзе произносится качественно нередуцированный звук [э], и это произношение «прикреплено» к этому конкретно слову. И это один из наиболее частотных факторов, определяющих произношение слова при действии орфоэпической закономерности.

Прикрепленность к морфеме или слову следует также считать особой позицией. В корне слов *модель*, *модельер*, *моделировать* твердая согласная фонема перед /э/. В данном случае вариант произношения прикреплен к определенной морфеме. А в словах *купе* — *купейный* другая ситуация. В первом слове перед /э/ возможна только твердая фонема, а во втором в том же самом корне — и твердая, и мягкая. Следовательно, в данном случае вариант произношения закреплен за словом, а не за морфемой.

Прикрепленность к слову или морфеме надо расценивать как фактор, который в совокупности с другими условиями определяет реализацию фонемы конкретным звуком. Так, например, фиксируя произношение звуков на месте сочетания букв *иэ*, мы констатируем, что в словах *гигиена*, *спаниель* и *диета* в одинаковых фонетических условиях — между безударным гласным [и°] и ударным [э] — в первом слове обязательно произносится [j], во втором этот звук не произносится никогда, а в третьем возможно произнесение как с [j], так и без него. Произносительная закономерность полностью лексикализована. В формулировку приведения фонемы к звуку необходимо включать указание на конкретное слово, прикрепленность к которому становится компонентом позиции.

6. Снять все выявленные противоречия можно двумя способами. Первый способ — сохранить при выполнении процедуры приведения фонемы к звуку понятия фонетической и орфоэпической позиции. Но вопрос о том, какая позиция фонетическая, а какая орфоэпическая, не имеет однозначного решения. Казалось бы, можно провести границу между ними следующим образом: фонетическая позиция учитывает только фонетические критерии, орфоэпическая — все остальные. Но есть и другой подход к разведению двух типов позиций: фонетическая позиция предсказывает реализацию фонемы стопроцентно, орфоэпическая вероятно. И тогда распределение фактов между ними меняется, так как фонетические критерии могут и не давать безвариантной реализации фонем. Например, реализация фонемы /j/ звуком [й] или нулем звука на месте начальной буквы *е* в безударных слогах зависит наряду с другими условиями и от того, перед каким слогом — дизным, т. е. слогом с мягким согласным и звуком [и°], или недизным, т. е. с твердым согласным и гласным непреднего ряда, — находится фонема /j/. Перед дизным слогом, как показывают данные экспериментов, вероятнее произнесение с [й] (ср. *единица* — *ежевика*; *ехидный* — *ежовый*).

Другой возможный способ преодоления сформулированных проблем — ввести понятие «произносительная позиция», которое может объединить понятия «фонетической» и «орфоэпической».

Перефразируя цитированное выше определение М. В. Панова, можно заключить, что **звук является функцией двух определяющих: заданной фонемы и произносительной позиции**, которая интегрирует традиционные понятия фонетической и орфоэпической

позиции и учитывает любые языковые факторы, способные влиять на реализацию фонемы конкретным звуком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Каленчук 1993 — Каленчук М. Л. *Орфоэпическая система русского литературного языка*. Дис. ... докт. филол. н. М.: МГПУ, 1993. [Kalenchuk M. L. *Orfoepicheskaya sistema russkogo literaturnogo yazyka* [Orthoepical system of standard Russian]. Doctoral diss. Moscow: Moscow State Pedagogical Univ., 1993.]
- Каленчук 2015 — Каленчук М. Л. О позиционном подходе к описанию произносительных явлений. *Русский язык в научном освещении*, 2015, 2(30): 9–20. [Kalenchuk M. L. On the positional approach to the description of articulatory phenomena. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015, 2(30): 9–20.]
- Каленчук 2021 — Каленчук М. Л. Фонетика и орфоэпия: статус, объект и задачи двух дисциплин. *Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература*, 2021, 17(4): 571–581. [Kalenchuk M. L. Phonetics and orthoepy: Status, object, and objectives of the two disciplines. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2021, 17(4): 571–581.]
- Касаткин 2017 — Касаткин Л. Л. Орфоэпические позиции. *Избранные труды*. Т. 1. Касаткин Л. Л. М.: Издательский дом ЯСК, 2017, 175–190. [Kasatkin L. L. Orthoepical positions. *Izbrannye trudy*. Vol. 1. Kasatkin L. L. Moscow: YaSK Publishing House, 2017, 175–190.]
- Лихтман 2000 — Лихтман Р. И. О фонетической позиции. *Фортуатовский сборник: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию московской лингвистической школы 1897–1997 гг.* Красильникова Е. В. (ред.). М.: Едиториал УРСС, 2000, 33–38. [Likhman R. I. On phonetical position. *Fortunatovskii sbornik: Materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu moskovskoi lingvisticheskoi shkoly 1897–1997 gg.* Krasil'nikova E. V. (ed.). Moscow: Editorial URSS, 2000, 33–38.]
- Панов 1961 — Панов М. В. О разграничительных сигналах в языке. *Вопросы языкознания*, 1961, 1: 3–19. [Panov M. V. On the delimitative signals in language. *Voprosy Jazykoznanija*, 1961, 1: 3–19.]
- Панов 1979 — Панов М. В. *Современный русский язык: Фонетика*. М.: Высшая школа, 1979. [Panov M. V. *Sovremenniy russkij yazyk: Fonetika* [Modern Russian language: Phonetics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1979.]
- Реформатский 1970 — Реформатский А. А. *Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия*. М.: Наука, 1970. [Reformatskii A. A. *Iz istorii otechestvennoi fonologii. Ocherk. Khrestomatiya* [From the history of Russian phonology: An outline and an anthology]. Moscow: Nauka, 1970.]
- Скачедубова 2008 — Скачедубова Е. С. *Особенности произношения сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке*. Дис. ... канд. филол. н. М.: ИРЯ РАН, 2008. [Skachedubova E. S. *Osobennosti proiznosheniya slozhnykh i slozhnosokrashchennykh slov v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Features of pronunciation of compounds and acronyms in modern standard Russian]. Candidate diss. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2008.]

Получено / received 13.11.2021

Принято / accepted 25.01.2022

**О семантике и дискурсивных функциях аориста
и плюсквамперфекта в современном сербском языке
(на материале романа Милорада Павича
«Внутренняя сторона ветра»)**

© 2022

Мария Александровна ЕгороваРоссийский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
drajenka@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена семантике и дискурсивным функциям аориста и плюсквамперфекта в современном сербском языке (южнославянская группа славянской ветви индоевропейской языковой семьи). Рассматривается функционирование аориста и плюсквамперфекта в системе с расширенным перфектом. Для аориста выделяются как ожидаемые с типологической точки зрения (перфектив в прошлом, недавнее / пережитое прошедшее), так и нетривиальные (новое / неожиданное событие; событие, имеющее актуальный результат) значения. Для плюсквамперфекта в качестве основного признается значение актуального результата в прошлом. Рассматриваются дискурсивные функции аориста и плюсквамперфекта, важнейшей из которых признается «фокусная» функция, то есть выделение наиболее значимых событий в нарративе.

Ключевые слова: аорист, аспект, время, дискурс, плюсквамперфект, сербский язык, славянские языки

Благодарности: Исследование поддержано грантом РНФ № 22-18-00120 «Полипредикация в жестовых и звучащих языках: грамматика, просодия, дискурс». Мы выражаем благодарность А. Рыбакову, Е. Шатько, М. Макарецу и Т. Бергеру за печатные и электронные материалы, предоставленные в наше распоряжение, Н. Р. Сумбатовой, В. И. Подлесской, М. Макарецу, Н. Гордийчуку, анонимным рецензентам и редакции «Вопросов языкознания» за ценные замечания.

Для цитирования: Егорова М. А. О семантике и дискурсивных функциях аориста и плюсквамперфекта в современном сербском языке (на материале романа Милорада Павича «Внутренняя сторона ветра»). *Вопросы языкознания*, 2022, 3: 14–53.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.14-53

**On the semantics and discourse functions of the aorist
and the pluperfect in Modern Serbian:
A study of Milorad Pavić's novel *The Inner Side of the Wind***

Maria A. Egorova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; drajenka@gmail.com

Abstract: The article deals with the semantics and discourse functions of the aorist and the pluperfect in the modern Serbian language. It considers the functioning of the aorist and the pluperfect in the system with the extended perfect. For the aorist, a bunch of meanings is proposed that includes both typologically trivial aoristic meaning and some less predictable meanings (new and / or unexpected event; event that has an actual result). For the pluperfect, the meaning of actual result in the past is claimed to be the most essential one. Among the discourse functions of the aorist and the pluperfect a so-called focusing function is claimed to be the crucial one — i.e., the function of marking the most salient events in the narrative.

Keywords: aorist, aspect, discourse, pluperfect, Serbian, Slavic, tense

Acknowledgements: The research was supported by Russian Science Foundation grant No. 22-18-00120 “Polypredication in signed and spoken languages: Grammar, prosody, discourse”. We are grateful to A. Rybakov, E. Shat’ko, M. Makartsev and T. Berger for print and digital materials they provided, to N. Sumbatova, V. Podlesskaya, M. Makartsev, N. Gordiychuk, the anonymous reviewers and the editors of *Voprosy Jazykoznanija* for their valuable remarks.

For citation: Egorova M. A. On the semantics and discourse functions of the aorist and the pluperfect in Modern Serbian: A study of Milorad Pavić’s novel *The Inner Side of the Wind*. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 3: 14–53.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.14-53

Введение

В центре нашего внимания находятся употребления аориста и плюсквамперфекта в языке современной сербской прозы. В разделе 1 дан очерк системы прошедших времен современного сербского языка. В разделе 2 рассматривается семантика аориста и плюсквамперфекта. Подраздел 2.1 посвящен аористу. Мы постараемся показать, что аорист не только — и не столько — используется в «особых “реликтовых” контекстах» [Плунгян 2016: 24], но и развивает новые значения, типологически характерные скорее для перфекта. Подраздел 2.2 посвящен плюсквамперфекту. В нем мы рассматриваем широко представленную в славистических работах точку зрения, согласно которой основным нетаксисным значением для сербского плюсквамперфекта является антирезультативное [М. Ивић 1980; Thomas 2000; 2001; Сичинава 2013; Thomas, Osipov 2017; Поповић 2018].

В разделе 3 рассматриваются дискурсивные функции аориста и плюсквамперфекта; в нем отражены результаты исследования, выполненного на целом тексте. Для нашего исследования мы выбрали текст романа Милорада Павича «Внутренняя сторона ветра, или Роман о Геро и Леандре» („Унутрашња страна ветра, или роман о Хери и Леандру“) [Павић 1993]. При написании статьи мы также пользовались изданием романа [Павич 1999] в переводе Л. А. Савельевой, позволив себе корректировать перевод в тех случаях, когда это требовалось для наших целей. Поскольку это роман-клепсидра, или перевертыш, читающийся с двух сторон, нумерация страниц приводится отдельно для половины «Геро» ([X], для русского перевода — [Г]), и отдельно для половины «Леандр» [Л]. Тот же принцип использован для нумерации страниц романа «Невидимое зеркало. История для девочек. Пёстрый хлеб. История для мальчиков» [Павић 2003]: помета [Дев] означает половину «История для девочек».

1. Система финитных форм индикатива сербского языка

Система финитных форм индикатива сербского языка включает три синтетические парадигмы — одно настоящее время (презент) и два прошедших (имперфект и аорист) — и четыре аналитические: будущее I, будущее II, перфект и плюсквамперфект [Гудков 1969: 46–68; Кречмер, Невекловский 2005: 162–165; Пипер, Клајн 2013: 149–151]. К аналитическим временам примыкают так называемый краткий перфект, формы условного наклонения (кондиционала, или, в сербской терминологии, потенциала) с хабитуальной семантикой и так называемое прошедшее предположительное время, выражающее, наряду с темпоральным, эпистемическое значение.

В таблице приведены формы прошедших времен от глаголов *знати* ‘знать’, *сазнати* ‘узнать’. Формы приводятся по работам [Гудков 1969; Речник 2011].

Синтетические формы претерита для многих глаголов могут быть образованы от нескольких альтернативных основ. В таблице мы приводим по две основы для имперфекта

Таблица

Система форм прошедших времен сербского языка

Синтетические формы		Аналитические формы	
Имперфект		Плюсквамперфект	
1 SG зна́х / зна́ђах	‘я знал/а’	1 SG ја сам био знао / сазнао ја бех знао / сазнао	‘я знал / узнал’
2 SG зна́ше / зна́ђаше	‘ты знал/а’	2 SG ти си био знао / сазнао ти беше знао / сазнао	‘ты знал / узнал’
3 SG зна́ше / зна́ђаше	‘он/а знал/а’	3 SG он је био знао / сазнао он беше знао / сазнао	‘он знал / узнал’
1 PL зна́смо / зна́ђасмо	‘мы знали’	1 PL ми смо били знали / сазнали ми бесмо знали / сазнали	‘мы знали / узнали’
2 PL зна́сте / зна́ђасте	‘вы знали’	2 PL ви сте били знали / сазнали ви бесте знали / сазнали	‘вы знали / узнали’
3 PL зна́ху / зна́ђаху	‘они знали’	3 PL они су били знали / сазнали они беху знали / сазнали	‘они знали / узнали’
Аорист		Перфект	
1 SG сазна́х / сазнадох	‘я узнал/а’	1 SG ја сам знао / сазнао	‘я знал / узнал’
2 SG сазна́ / сазнаде	‘ты узнал/а’	2 SG ти си знао / сазнао	‘ты знал / узнал’
3 SG сазна́ / сазнаде	‘он/а узнал/а’	3 SG он је знао / сазнао	‘он знал / узнал’
1 PL сазна́смо / сазнадосмо	‘мы узнали’	1 PL ми смо знали / сазнали	‘мы знали / узнали’
2 PL сазна́сте / сазнадосте	‘вы узнали’	2 PL ви сте знали / сазнали	‘вы знали / узнали’
3 PL сазна́ше / сазнадоше	‘они узнали’	3 PL они су знали / сазнали	‘они знали / узнали’
		Краткий перфект	
		1 SG ја знао / сазнао	‘я знал / узнал’
		2 SG ти знао / сазнао	‘ты знал / узнал’ etc.
		Хабитуальные употребления Кондиционала	
		1 SG ја бих знао / сазнао	‘я знавал / узнавал’
		2 SG ти би знао / сазнао	‘ты знавал / узнавал’ etc.
		Прошедшее предположительное	
		1 SG ја бићу знао / сазнао	‘вероятно, я знал / узнал’
		2 SG ти бићеш знао / сазнао	‘вероятно, ты знал / узнал’ etc.

и аориста, хотя в действительности их может быть больше¹. В современном сербском языке формы имперфекта образуются от основ несовершенного вида, а формы

¹ Так, для *знати* в словаре [Речник 2011] приводится, наряду со *знађах*, вариант *знадијах*. Способы образования простых претеритов от основ различного типа подробно рассматриваются в грамматике [Thomas, Osipov 2017: 394–409, 414–417].

аориста — почти исключительно от основ совершенного вида [Maretić 1963: 232–233; Стевановић 1967: 79 и сл., 99, 102 и сл.; Гудков 1969: 56–57; Стевановић 1989: 633 и сл., 655; Пипер, Клајн 2013: 170–171; Thomas, Osipov 2017: 394, 414]. В языке более ранних эпох возможно образование форм аориста от имперфективных основ²:

- (i) *Аргатовах* три године дана
 батрачить. IPFV. AOR. 1SG три года дней
 и ја вукох дрвље и камење.
 и я таскать. IPFV. AOR. 1SG бревна и камни.

‘Я батрачил три года и таскал бревна и камни.’

Народная песня. Цит. по [Maretić 1963: 232]

Аналитические формы образуются комбинацией вспомогательного глагола с причастиями прошедшего времени на *-l*. Ради краткости в таблице приведены только формы мужского рода. Остальные формы причастия имеют вид: FEM.SG *знала*; NEUTR.SG *знало*; FEM.PL *знале*; NEUTR.PL *знала*. Формы перфекта образуются с использованием вспомогательного глагола *бити* в настоящем времени. Формы плюсквамперфекта образуются с использованием вспомогательного глагола *бити* в перфекте (*ја сам био знао* и т. д.) или имперфекте (*ја бех знао* и т. д.)³. Последние оцениваются как более архаичные и встречаются реже [Thomas 2000: 119; 2001: 28–31; Thomas, Osipov 2017: 422]. Для краткости мы приводим в таблице формы только для экавской произносительной нормы⁴. В приводимых ниже примерах, наряду с экавскими, встречаются иекавские формы, например *беше / бјеше*.

Помимо полного перфекта, формы которого образуются с использованием вспомогательного глагола, в современном сербском языке используется так называемый краткий, или усеченный, перфект, образуемый без вспомогательного глагола [Грицкат 1954; Стевановић 1986: 352; 1989: 616–630; Тошович 2006: 215–217; Пипер, Клајн 2013: 169–170; Попович 2015: 71–74]. Краткий перфект может выражать актуальность действия (результатив или текущую релевантность) [Пипер, Клајн 2013: 169], сообщать высказыванию экспрессивность, эмоциональную окраску [Стевановић 1989: 623; Тошович 2006: 215–216]. В статье [Попович 2015] у краткого перфекта выделяется кластер значений, связанных с категорией эвиденциальности [Якобсон 1972; Dendale, Tasmowski 2001; Plungian 2001; Плуңгян 2011: 449–497], — митаривность (указание на новизну, неожиданность события, противоречие ожиданиям говорящего) и конфирмативность (уверенность в истинности события).

Формы кондиционала образуются при помощи вспомогательного глагола *бити* в аористе. Хабитуальные употребления кондиционала отмечены в сербской грамматической традиции: принято говорить об употреблениях форм кондиционала «для выражения действий, неоднократно повторявшихся в прошлом» [Гудков 1969: 61], о «временном употреблении

² Обстоятельство *три года* в (i) задает типичный для аориста контекст — ограниченный промежуток времени, в течение которого совершалось действие [Стевановић 1989: 636].

³ Формы настоящего времени вспомогательного глагола *бити* являются энклитиками, поэтому в грамматических описаниях перед перфектом, а также другими аналитическими формами прошедшего времени, помещаются личные местоимения.

⁴ Важным основанием для классификации диалектов сербского, хорватского, боснийского и черногорского языков является отражение в них общеславянской фонемы *ě («ять») [Мейе 1951: 39–40, 48]. Сильно упрощая, можно выделить три основных группы: 1) диалекты, в которых *ě отражен в виде *e* («экавские»); 2) диалекты, в которых *ě отражен в виде *je / ije* («иекавские»); и 3) диалекты, в которых *ě отражен в виде *i* («икавские»). Реальная картина намного сложнее: помимо трех чистых типов существует множество переходных [П. Ивић 1985: 56–57]. Экавские и иекавские диалекты легли в основу двух вариантов сербской литературной нормы [Р. Ивић 1984].

потенциала»⁵ [Пипер и др. 2005: 461]⁶. В статье [M. Ivić 1983: 52], посвященной способам выражения повторяющихся событий в славянских языках, в качестве одного из способов упоминается употребление кондиционала от глаголов совершенного вида, см. также обсуждение в статье [Танасић 2020: 26–28]. В монографии [Пипер, Клајн 2013: 407] хаби-туалис упоминается как одно из переносных значений кондиционала.

Что касается «прошедшего предположительного времени», которое образуется с использованием вспомогательного глагола *бити* в будущем I времени, оно выделяется в специальную категорию в грамматическом очерке [Гудков 1969: 56], ср. (ii):

(ii) *Бићете чули да је то лековита вода.*

‘Вероятно, вы слышали, что это целебный источник.’

Д. Шимуновић. Цит. по [Гудков 1969: 56]

Сербский язык сохранил тот же инвентарь основных форм прошедшего времени — имперфект, аорист, перфект, плюсквамперфект, — который наблюдается в самом древнем из засвидетельствованных славянских языков, старославянском [Thomas 2000: 118; 2001: 27–28; Танасић 2020: 2]. В этом заключается особенность сербского, а также хорватского, боснийского и черногорского языков, отличающая их, с одной стороны, от болгарского и македонского, усложнивших глагольные системы путем включения в них эвиденциальных парадигм [Ницолова 2007: 113–114, 130–133; Макарец 2014: 76–144], а с другой стороны, от остальных славянских языков, в которых перфект вытеснил старые синтетические претериты⁷. Однако экспансия перфекта имела место и в сербском языке, хотя и не была проведена до конца. Об «экспансии перфекта как общего претерита» пишет, например, В. Митринович [Mitrinović 1996: 8].

Перфект в современном сербском языке представляет собой типичный пример «расширенного перфекта», который, «не переставая обозначать резульативные ситуации, начинает обозначать и нерезульативные, постепенно смещаясь в сторону глагольной формы с претеритальной временной референцией» [Плунгян 2016: 23]. Перфект является основной, неспециализированной формой прошедшего времени и обозначает действие или состояние в прошлом [Кречмер, Невекловский 2005: 163; Пипер, Клајн 2013: 392; Thomas, Osipov 2017: 279]. Так, в грамматическом очерке [Толстой 2001: 710] говорится: «Формами перфекта выражается действие или состояние в прошлом без уточнения его длительности или момента завершения». В грамматике [Пипер и др. 2005: 390] о перфекте сказано следующее: «Основная синтаксическая функция перфекта — обозначение действия, которое совершалось или совершилось в прошлом, до момента речи. Эта глагольная форма, в отличие от других претеритальных форм, обозначая действие в прошлом, никак его не специализирует (*исказујући прошлу радњу ни у ком погледу је не спецификује*)

⁵ Здесь и далее перевод наш. — М. Е.

⁶ Аналогичная полисемия кондиционала зафиксирована в серболужицком языке. В очерке [Ермакова, Недолужко 2005] в качестве самостоятельной категории выделяется т. н. итеративный претерит, по форме совпадающий с сослагательным наклонением, который «обозначает повторымость событий в прошлом независимо от контекста» [Там же: 328]. См. также выполненную на обширном типологическом материале статью [Cristofaro 2004] о полисемии форм, сочетающих ирреальное и хабиуальное значение.

⁷ Синтетический претерит, в парадигме которого были объединены формы аориста и имперфекта, сохраняется в литературном верхнелужицком языке; в литературный нижнелужицкий формы синтетического претерита введены вторично под влиянием верхнелужицкого [Ермакова, Недолужко 2005: 327–328]. Старые синтетические претериты утрачены в русском, украинском, белорусском, польском, чешском, словацком, словенском языках [Языки мира 2005]. Для древнерусского языка этот процесс зафиксирован уже в XII в.: берестяная грамота № 724, «датируемая с наибольшей вероятностью 12-м веком», представляет собой «самое раннее свидетельство того, что в живой древнерусской речи перфект вытеснил аорист даже в главной его семантической позиции» [Зализняк 1995: 288].

и поэтому имеет весьма широкую сферу употребления в современном сербском языке». В статье [Стојановић 2018: 109] сербский перфект характеризуется как «неспециализированный расширенный».

Согласно монографии [Пипер, Клајн 2013: 168], перфект, обозначая действие, предшествовавшее моменту речи, «употребляется чаще, чем другие прошлые времена, в особенности в научном, административном и публицистическом стиле». В работах [Стевановић 1967: 47; 1989: 605] отмечается, что перфект всё больше вытесняет из употребления остальные претеритальные времена. В монографии [Тошович 2006] для обозначения перфекта, с целью подчеркнуть его неспециализированный характер, принят термин «прошедшее время». О неудачности термина «перфект» упоминается и в монографиях [Стевановић 1967: 47; 1989: 605]. В работе [Тошович 2006: 180] утверждается, что «прошедшее время может заменяться аористом, имперфектом и плюсквамперфектом». Данное наблюдение ценно для нас тем, что Б. Тошович, обладая интуицией носителя языка, признает взаимозаменяемость перфекта и других форм прошедшего времени; однако, по нашему мнению, более корректным было бы обратное утверждение: аорист, имперфект, а в ряде случаев и плюсквамперфект могут быть заменены на перфект как на дефолтную форму прошедшего времени⁸.

2. Семантика аориста и плюсквамперфекта в сербском языке

2.1. Семантика аориста

Под термином «аорист» понимается комбинация в одной граммеме перфективного вида и плана прошедшего времени [Comrie 1976: 12; Плунгян 2003: 302, сноска 7]. В монографии [Comrie 1976: 12] для сочетания перфективного вида и плана прошедшего времени используется ярлык «aoristic». Мы будем использовать ярлык «аористное» в том же значении⁹. Прежде чем перейти к обсуждению особенностей семантики аориста в сербском языке, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Вследствие экспансии перфекта употребление аориста стало более ограниченным. Существуют как территориальные, так и функциональные ограничения на употребление этой формы. Аорист более употребителен в южных диалектах, тогда как в северо-западных крайне редок или полностью утрачен [Maretić 1963: 616; Стевановић 1967: 76–78; 1989: 631–632]¹⁰.

⁸ Т. Маретич замечает, что в тех случаях, когда перфект сохраняет результирующее значение, замена перфекта на аорист оказывается невозможной [Maretić 1963: 628], а в статье [Стојановић 2018: 129] результирующее значение признается основным для перфектов от основы совершенного вида. Как подчеркивает С. Стоянович, перфект остается незаменимым средством выражения собственно перфектной семантики; более того, «в минимальном контексте форма перфекта совершенного вида, как правило, понимается в значении перфектности результата» [Там же: 112].

⁹ Термин «аористное значение» (*aoristno značenje*) для обозначения глагольных употреблений «с референтной точкой в прошлом и синхронной перспективой» упоминается и в статье [Стојановић 2018: 117, сноска 10].

¹⁰ В. Брой [1998: 90–91] рассматривает утрату простых претеритальных форм как т. н. центрально-европейский ареальный феномен, «который охватывает в диалектном отношении, кроме северо-французского, северо-итальянского, множество румынских диалектов, а также южно-немецкой, словенской, северо-западные сербохорватские диалекты и т. д., но не английский, португальский, новогреческий и скандинавские языки».

Формы аориста не встречаются в официально-деловом стиле и исчезающе редки в научных и публицистических текстах; исключения составляют устойчивые выражения типа *како рекосмо* ‘как было сказано’ (досл. ‘как мы сказали’) [Сладојевић 1953–1954: 214; Стевановић 1967: 77]. Аорист сохраняется в языке художественной литературы и в разговорной речи [Стевановић 1967: 76; Гудков 1969: 57; Стевановић 1989: 632; Тошович 2006: 194; Thomas, Osipov 2017: 412]. Что касается употребительности аориста в разговорной речи, на этот счет можно встретить различные мнения. Так, по оценке, данной в очерке [Гудков 1969: 57], «аорист редко употребляется в разговорном языке», тогда как, согласно грамматике [Thomas, Osipov 2017: 410], «в современном языке аорист остается весьма употребимой глагольной формой (*une forme verbale très employée*)». В статье [Ашић, Станојевић 2007: 159] утверждается, что аорист в современном сербском языке «далек от той стадии, на которой можно было бы говорить о том, что он выходит из употребления». В монографиях [Тошович 2006: 205–213; Thomas, Osipov 2017: 410] отмечается рост употребления аориста в языке смс- и интернет-переписки.

В абсолютном большинстве контекстов, в которых допустимо употребление аориста, — опять же, вследствие экспансии перфекта — допустимо и употребление перфекта. С. Стоянович подчеркивает, что «выбор претеритальных форм в сербском языке не всегда автоматически регулируется грамматическими факторами, и существует зона, в которой употребление этих трех претеритальных форм¹¹ частично или полностью пересекается» [Стојановић 2018: 112]. Проблема (взаимо)заменимости аориста и перфекта на материале родственного сербскому старославянского языка рассматривалась в статье [Плунгян, Урманчиева 2017]. «Кажется, нет таких контекстов, — пишут авторы статьи, — в которых мог бы быть употреблен перфект, но не мог бы быть употреблен аорист» [Там же: 20]. В этом отношении современный сербский язык представляет собой как бы зеркальное отражение старославянского¹². Это неудивительно, учитывая, что старославянский перфект только начал эволюционировать в сторону «расширенного перфекта», тогда как сербский перфект проделал этот путь до конца. Впрочем, по мнению авторов, описанная «нестабильность» системы «не связана (...) с семантическим “несовершенством” самих глагольных форм (например, с размыванием перфектной семантики), а составляет самую суть противопоставления аориста и перфекта» [Там же]. «Вероятно, следует признать, — заключают авторы, — что грамматические формы, в употреблении которых говорящий обладает определенной “свободой действий”, востребованы не только в сфере деривационной морфологии (...), но и в сфере сильно грамматикализованных значений» [Там же: 24]. Данное наблюдение, как нам представляется, применимо и к современному сербскому языку.

В грамматических описаниях сербского языка можно встретить, прежде всего, указание на то, что аорист выражает комбинацию граммем перфективности и прошедшего времени [Maretić 1963: 616; Стевановић 1967: 76; Гудков 1969: 57; Стевановић 1972: 83–84; 1989: 631] — значение, которое мы выше обозначили как «аористное». В нарративе такие формы обозначают последовательность событий¹³ (1):

- (1) *Kad se ватра разгоре, сељаци заложеше још две и скупише се око њих.*
 ‘Когда костер **разгорелся**_{AOR}, крестьяне **разложили**_{AOR} еще два и **собрались**_{AOR} вокруг них’.

Д. Ћосић. Цит. по [Гудков 1969: 57]

Эта же комбинация перфективности и плана прошедшего времени, с пунктивным значением всех трех глаголов в аористе в (2) и с отчетливо лимитативным [Плунгян 1998а:

¹¹ Под тремя формами имеются в виду перфект, аорист и краткий перфект.

¹² Аналогичное наблюдение сделал С. Стоянович [Стојановић 2018: 130].

¹³ На тот факт, что цепочка аористов выражает темпоральную прогрессию, то есть последовательность событий обязательно совпадает с последовательностью аористов в цепочке, обратил внимание В. Станоевич [Станојевић 2007; 2013].

377–379; 2011: 385–398] значением глагола *сачеках* ‘я подождал’ в (3), наблюдается в примерах (2–3):

- (2) *Она погледа то место, опази мрљу како се шири и брзо се опрости.*
 ‘Она **посмотрела**_{AOR} на то место, **заметила**_{AOR} расширяющееся пятно¹⁴ и быстро **попрощалась**_{AOR}’.

[Павић 1993: X 15–16]

- (3) *Још имам снаге да забодем гранчицу до доњих спратова — сачеках неколико трену- така да се накупи жућкаст „мрављи мед” по гранчици, на је извукох и освјежих уста.*
 ‘Мне еще хватает сил просунуть веточку до нижних этажей [муравейника] — я **подождал**_{AOR} несколько мгновений, чтобы на веточке собрался желтоватый «муравьиный мед», затем **вытащил**_{AOR} ее и **освежил**_{AOR} рот’.

М. Лалић. Лелејска гора, 1957. Цит. по [Зайцева и др. 2003: 138]

В качестве основного [Толстой 2001: 705; Пипер, Клајн 2013: 170] или одного из основных [Пипер и др. 2005: 424] подзначений аористного значения называется значение действия, завершеного непосредственно перед моментом речи. В грамматике [Thomas, Osipov 2017: 411] такое употребление аориста описывается как «дискурсивное», характерное для разговорной речи и сопоставляется с французским *passé immédiat* (4). В грамматических описаниях [Стевановић 1989: 646; Толстой 2001: 705] есть указания на то, что это значение является для аориста исконным. В пользу этого свидетельствуют и данные архаичного говора галлипольских сербов, приведенные в работе [П. Ивић 1953–1954: 236].

- (4) *Са д је баш сретох на стубишту.*
 ‘Я только что **встретил**_{AOR} ее на лестнице’.

[Thomas, Osipov 2017: 411]

Наряду со значением недавнего прошедшего (4), для аориста в разговорной речи характерно бывает значение ближайшего будущего (5) [Стевановић 1967: 76; Ашић, Станојевић 2007: 166–168; Пипер, Клајн 2013: 395; Thomas, Osipov 2017: 411]:

- (5) *Одох ја да мало одспавам.*
 ‘**Пошел**_{AOR} я немного посплю’ = ‘Пойду я немного посплю’.

[Thomas, Osipov 2017: 411]

Это значение, очевидно, является производным, ср. русское *ну, я пошел*, тамильское *i-t-ō va-nt-iṭ-t-ēn* ‘PROX-NEUTR-EMPH come-CONV-COMPL-PAST-1SG’ со значением ‘уже иду’ [Андронов 1987: 139]. Употребление аориста для обозначения действия в будущем «в контекстах, когда ситуация, находящаяся на грани осуществления, представляется как уже осуществленная», отмечается для агульского и удинского языков в статье [Майсак 2016: 328–329]. В качестве типологической параллели можно привести также т. н. «аорист предвосхищения» в ведийском языке, обозначающий «действие, которое фактически еще не совершилось, но представляется как завершённое» [Елизаренкова 1982: 285–286].

В качестве еще одного основного подзначения аористного значения, наряду со значением действия, завершеного непосредственно перед моментом речи, называется значение действия, которое совершилось задолго до момента речи [Пипер и др. 2005: 424–425; Пипер, Клајн 2013: 391; Thomas, Osipov 2017: 410]. Эти два употребления аориста находятся в дополнительном функциональном распределении: первое характерно для диалога, второе — для нарратива [Стевановић 1972; 1989: 643–651; Thomas, Osipov 2017]¹⁵. Тем не менее очевидная несовместимость двух этих значений побудила отдельных исследователей

¹⁴ Букв. ‘заметила пятно, как [оно] расширяется’.

¹⁵ В нарративе художественной прозы, характеризующемся большей сложностью, встречаются оба эти значения [Вельовић 2016: 55].

акцентировать внимание на значении «пережитости» события как на наиболее существенном компоненте значения аориста [Сладојевић 1955–1956; Стефановић 1984].

Синтетические претериты в сербском языке обозначают событие, имевшее место в определенном моменте или интервал времени в прошлом [Белић 1925–1926: 173; Стевановић 1972: 90–91], выражают пережитое событие в прошлом или представляют его как таковое [Пипер и др. 2005: 424–425, 430; Пипер, Клајн 2013: 391–392; Поповић 2014: 347–349] — в отличие от перфекта, который не специфицирован в данном отношении. Упоминания о том, что формы аориста и имперфекта представляют действие как такое, которое было лично пережито адресантом, — даже в тех случаях, когда речь идет о давно прошедших или вымышленных событиях, — и тем самым придают повествованию живость, экспрессивность, можно найти в работах [Стојићевић 1951: 97–117; Сладојевић 1953–1954: 213–214; 1955–1956: 135–136; Стевановић 1967: 78, 88–90, 111–114; Стефановић 1984: 75, 79; Стевановић 1989: 633; Тошович 2006: 194; Станојевић 2007; Ашић, Станојевић 2007: 161; Попович 2015: 74–76]. Так, в монографии [Тошович 2006: 196] говорится: «...аорист — наиболее удобная форма претерита и вообще глагольная форма для выражения пережитого события (под этим подразумевается и сопереживание писателя тому, что он в действительности, лично не пережил в прошлом с целью изобразить это событие как пережитое или внушить, что оно таковым является; следовательно, речь идет о пережитом в воображении художника)». Согласно заключению Л. Попович [2015: 76], «временными формами аориста и имперфекта в сербском языке маркируется не столько засвидетельствованность, сколько наблюдаемость, когда речь идет о пережитом наяву, либо конформативность — при передаче пережитого в воображении». В этом исследовании за аористом и имперфектом признается особое эвиденциально-эпистемическое значение «пережитости» (серб. *доживљеност*) / конформативности: важно не столько то, был ли адресант свидетелем произошедшего, сколько то, что он воспринимает описываемое событие как пережитое, а следовательно, реальное. В балканославянских языках, обладающих категорией эвиденциальности, — болгарском и македонском — значение засвидетельствованности выражается формами, восходящими к старым синтетическим претеритам, а значение незасвидетельствованности / отсутствия указания на засвидетельствованность выражается формами, развившимися из перфекта [Friedman 1986; 2003; Ницолова 2007; Макарцев 2014]. Развившиеся из синтетических претеритов формы засвидетельствованности в болгарском и македонском языках могут обозначать события, лично не засвидетельствованные адресантом, но воспринимаемые им как истинные [Friedman 1986: 171–173; Ницолова 2007: 114–118; Макарцев 2014: 64]. Таким образом, значение «пережитости» является для сербского аориста старым, что подтверждается и диалектными данными — данными говора галлипольских сербов, говора Пивы и Дробняка и некоторых других [Вуковић 1938–1939: 84; П. Ивић 1953–1954: 241]¹⁶.

Можно выделить также два типа употреблений аориста, нетривиальных с типологической точки зрения. В примерах (6–13), приводимых в грамматике [Thomas, Osipov 2017: 394–409] и демонстрирующих употребление аориста в разговорной речи, формы аориста обозначают ситуацию в (недавнем) прошлом, имеющую актуальный результат и / или новую для говорящего или слушателя и еще не интегрированную в картину мира одного из локуторов:

- (6) *Зарадисте ли шта данас?*
‘Вы сегодня **заработали** _{AOR} что-нибудь?’
- (7) *Изабрасте ли нешто?*
‘Вы что-нибудь **выбрали** _{AOR}?’

¹⁶ Противопоставление засвидетельствованности / незасвидетельствованности может отражать древнее общиндоевропейское состояние. В грамматике санскрита Панини перфект противопоставляется имперфекту и аористу как форма, выражающая незасвидетельствованное событие [Носк 2012: 93].

- (8) *У, што ти порасте од прошле године!*
‘Ух, как ты **вырос**_{AOR} с прошлого года!’
- (9) *Шта уради, човече! Што не гледаш!*
‘Что ты **наделал**_{AOR}, человек! Почему не смотришь!’
- (10) — *Шта је то било?*
— *Ма сад неки мангути отеше човеку ауто!*
‘— Что это **было**_{PF}?’
‘— Сейчас какие-то хулиганы **угнали**_{AOR} у [одного] человека машину!’
- (11) *Поједе нам мачка канаринца, бештија једна!*
‘Кошка **съела**_{AOR} нашу канарейку, зверюга такая!’
- (12) *Украде ми неко паре из џепа!*
‘У меня из кармана **украли**_{AOR} деньги!’
- (13) *Госпођо, испаде вам нешто из торбе!*
‘Госпожа, у вас что-то **выпало**_{AOR} из сумки!’

[Thomas, Osipov 2017: 395–403]

Так, *зарадисте* ‘вы заработали’ в (6), *изабрасте* ‘вы выбрали’ в (7), *порасте* ‘ты вырос’ в (8), *уради* ‘ты сделал’ в (9) называют действия, имеющие результат, актуальный в момент речи, при этом событие ‘ты сильно вырос’ удивляет говорящего, а событие ‘соседа соседний сделал что-то, имеющие негативные последствия для говорящего’, вероятно, является неожиданным для собеседника. Неожиданными для собеседника являются и события ‘хулиганы угнали машину’ в (10), ‘кошка съела канарейку’ в (11) и ‘что-то выпало из сумки’ в (13); неожиданным для говорящего — событие ‘у говорящего украли деньги’ в (12); при этом все перечисленные события также имеют результат, актуальный в момент речи. В статье [Егорова 2018] мы описали аористы с результативной и мигративной семантикой в нарративе сербской прозы.

Во-первых, в нарративе аористом может обозначаться имеющее актуальные последствия событие вхождения в новое состояние — таковы аористы *оболи*, *прихвати*, *одселише* в (14–16).

- (14) *Догодило се да један од њих на путу оболџи, те им је четврти у скупу недостајао за свирку.*
‘**Случилось**_{PF}, что один из них в дороге **разболелся**_{AOR}, и им в ансамбле **недоставало**_{PF} четвертого для игры’.

[Павић 1993: Л 14]

- (15) *...вратише се послови самаца натраг на Атос и Хиландар их прихвати као и остали.*
‘...[привычные] занятия одиночек **вернулись**_{AOR} обратно на Афон, и Хиландар **принял**_{AOR} их вместе со всем остальным’¹⁷.

М. Павић. Предео сликан чајем, 1988. Цит. по [Зайцева и др. 2003: 191]

- (16) *Не дођоше оцу ни четири брата из Војводине које је стално у болести звао, а који пред рат одселише на добровољачку земљу.*
‘**Не приехали**_{AOR} к отцу и четыре брата из Воеводины, которых он постоянно **звал**_{PF} во время болезни и которые перед войной **отселились**_{AOR} на добровольческую землю’.

Р. Братић. Слика без оца, 1997. Цит. по [Зайцева и др. 2003: 260]

Результатом события ‘Хиландар принял занятия одиночек’ в (15) является изменение уклада жизни монастыря, а результатом события ‘братья отселились’ в (16) — их

¹⁷ При работе над статьей мы пользовались русским переводом Н. Вагаповой и Р. Грецкой [Павич 2000].

удаленность от больного, которого они не могут навестить. В (14) событие ‘один из них разболелся’ приводит к отсутствию четвертого инструмента в квартете.

Упоминания о результирующей семантике аориста в современном сербском языке встречаются в работах [Petrović 2012; Стојановић 2018]. Так, в статье [Petrović 2012: 67] упоминается, что аористом может обозначаться «событие, сохраняющее актуальность в момент речи». В статье [Стојановић 2018: 122] обсуждается способность аориста выражать перфектное значение результата, то есть называть «действие, последствия которого релевантны в настоящем». Тонкий анализ семантики аориста в сопоставлении с семантикой перфекта, образованного от перфективных основ, приведен в работах [Ашић, Станојевић 2007; Станојевић 2007; 2013]. Согласно мнению авторов, аорист, являясь маркированным членом в оппозиции ‘засвидетельствованность — отсутствие указания на засвидетельствованность’, делает акцент на самом событии, тогда как при помощи перфекта акцентируются последствия события. Более важным, однако, нам представляется следующий тезис: «Аорист, в отличие от перфекта, сообщает (*сигнализује*) о том, что импликации события не уничтожены (*да импликације догађаја нису поништене*)» [Ашић, Станојевић 2007: 160]. Так, (17), в отличие от (18), не допускает интерпретации, при которой убежавший ребенок вернулся.

(17) *Ју, побегне ми дете!*

‘Ах, у меня **убежал**_{AOR} ребенок!’

(18) *Данас ми је побегло дете и једва смо га пронашли.*

‘Сегодня у меня **убежал**_{PF} ребенок и мы едва его **нашли**_{PF}’.

[Ашић, Станојевић 2007: 160]

Учитывая все вышесказанное, мы хотели бы обратить внимание на особый тип употреблений перфекта, обсуждавшийся в [Tatevosov 2001], — т. н. антериорные (*anterior*) употребления. Антериорные употребления выражают релевантность сообщаемой ситуации, а ‘релевантность’ означает, что «событие имеет определенного рода последствия (*repercussions of some kind*) для участников речевой ситуации» [Ibid: 451]. Приводимые в [Tatevosov 2001: 452] примеры относятся к числу таких, в которых, по выражению В. Станоевича, акцент делается на результате события: ‘мы поели (и поэтому мой брат не пойдет к тебе обедать)’, ‘я поймал вора (и поэтому надо звонить в полицию)’. Можно с уверенностью предположить, что для перевода этих примеров на сербский Станоевич выбрал бы перфект. Так, приемлемым ответом на вопрос (19) авторы статьи [Ашић, Станојевић 2007] считают (20а) с глаголом в перфекте, так как в фокусе внимания находится текущее состояние дел, наступившее в результате события ‘Пера ушел в магазин’: Пера отсутствует и поэтому не может помочь. Ответ (20б) признается неудачным, так как в (20б) в фокусе внимания находится само событие, а не его последствия. В то же время удачным признается пример (21).

(19) *Може ли Пера да ми помогне?*

‘Может ли Пера мне помочь?’

(20) а. *Не, отишао је у продавницу.*

‘Нет, он **ушел**_{PF} в магазин’.

б. *Не, оде у продавницу.*

‘Нет, он **ушел**_{AOR} в магазин’.

(21) *Пре неки дан се толико напих сока да ми је позлило.*

‘На днях я так **напился**_{AOR} сока, что мне **стало_плохо**_{PF}’.

[Ашић, Станојевић 2007: 160]

В примере (21) в фокусе внимания находится событие ‘говорящий выпил слишком много сока’; это событие имело для него негативные последствия. Насколько мы можем

судить, отличие (21) от примеров типа (20а) с прототипическим антериорным значением заключается в следующем. В (20а) утверждается, что наблюдаются последствия Y, так как имело место событие X; таким образом, выражается ретроспективный взгляд на X. В (21) утверждается, что событие X имело место и это повлекло за собой последствия Y; таким образом, выражается проспективный взгляд на Y. В (20а) в фокусе внимания находится Y; в (21) в фокусе внимания находится X. Как и в случае с прототипическим антериорным значением, имеет место ‘релевантное’ событие, имеющее определенные последствия; разница заключается лишь в перспективе. В наших рассуждениях мы полагаемся на лингвистическую интуицию авторов статьи [Ашић, Станојевић 2007]. Мы полагаем при этом, что описанная выше тонкая семантическая разница между употреблением аориста и перфективного перфекта может нейтрализоваться. Так, в примере (16), по нашему мнению, наблюдается прототипическое антериорное значение: важным является тот факт, что братья живут далеко и не могут навестить умирающего, а не само событие ‘братья отселились на добровольческую землю’.

Наряду с событиями, имеющими релевантные последствия, аористом обозначаются внезапные, неожиданные события, не интегрированные в картину мира [DeLancey 1997: 49] одного из локуторов в диалоге или героя нарратива, находящегося в фокусе внимания. Выше, при обсуждении примеров (8–13) из разговорной речи, мы заметили, что в них говорящий констатирует новый и неожиданный для себя или собеседника факт. Это заставляет вспомнить о понятии ‘миративность’ (*mirativity*), которое определяется в [DeLancey 2001: 369] как «маркирование средствами языка высказываний, передающих новую или неожиданную с точки зрения говорящего информацию». Ср. (12) и таджикский пример (22) из статьи [Lazard 1957] — работы, ставшей поворотной в истории изучения эвиденциальности и смежных семантических категорий [Плунгян 2011: 459–461]:

- (22) *quelqu'un fouille ses poches et dit: pul-am nabuday «eh bien! je n'ai pas d'argent».*
 ‘кто-либо роется в карманах и произносит: **pul-am nabuday** «хм! у меня нет денег»’.
 [Lazard 1957: 148]

К «миративным» аористам мы относим аористы, обозначающие внезапные, неожиданные события, события, противоречащие ожиданиям рассказчика / одного из действующих лиц или его представлениям о реальности: *упита* ‘спросил’ в (23), *утиша* ‘стих’ в (24), *чу* ‘услышал’ в (25), *не дршише* ‘не тронули’ в (26), *понудише* ‘предложили’ в (27), *излете* ‘вырвался’ в (28), *сазнадох* ‘осознал’ в (29), *испостави се* ‘выяснилось, обнаружилось’ в (30). Сюда же, возможно, следует отнести и аорист *не дођоше* ‘не приехали’ из примера (16), если предположить, что приезда братьев, несмотря на их отдаленность, все же ждали.

- (23) *Да ли се ти бојши смрти? — упита он Херу изненада.*
 ‘Ты боишься смерти? — неожиданно **спросил**_{AOR} он Геро’.
 [Павић 1993: X 17]

- (24) *Онај лелек се тада не очекивано утиша. Али Јаков и ја смо већ били тачно проценили место одакле је долазио {...}.*
 ‘Тогда этот шум неожиданно **стих**_{AOR}. Но Яков и я уже точно **определили**_{PPF} место, откуда он **исходил**_{PPF}’.
 Б. Шћепановић. Уста пуна земље, 1974. Цит. по [Зайцева и др. 2003: 247]

- (25) *Још док је тако стајао, Свилар чу не обичан звук као хучање воде, али воде негде високо у ваздуху.*
 ‘Пока еще [он.] так стоял, Свилар; **услышал**_{AOR} не обичный звук, похожий на плеск воды, но воды где-то высоко в воздухе’.
 М. Павић. Предео сликан чајем, 1988. Цит. по [Зайцева и др. 2003: 192]

- (26) *А онда, четрдесет друге, он оде у шуму: једне ноћи Германци дођоше по њега, а он им ђалну готово на очи, још му је кревет био топао кад су ушли. Они због нечега не дрпише ни ђалета ни кеву.*

‘А потом, в сорок втором, он **ушел** _{AOR} в лес: однажды ночью за ним **пришли** _{AOR} немцы, а он **удрал** _{AOR} у них прямо из-под носа, его кровать **была** _{PF} еще теплой, когда они **вошли** _{PF}. Они почему-то **не тронули** _{AOR} ни отца, ни мать’.

Д. Михайловић. Кад су цветали тикве, 1968. Цит. по [Михайловић 1996: 21]

- (27) *Чим сам стигла у Грчку, отишла сам на плаку у Атини где је пијаца, али ни ту ни сам нашла невидљиво огледало, које овде продају за слепе. Уместо тога понудише ми одличне лепиње — сомуне.*

‘Как только я **приехала** _{PF} в Грецию, я **отправилась** _{PF} на площадь в Афинах, где находится рынок, но и тут я **не нашла** _{PF} невидимого зеркала, какие здесь продают для слепых. Вместо этого мне **предложили** _{AOR} отличные лепешки — сомуну¹⁸’.

[Павић 2003: Дев 15]

- (28) *Хтела је да продужи уз два рукавца ветра који су долазили са Калемегдана не одговоривши, када јој изненада излете одговор и то у будућем времену: — Скоро ће бити 12 и пет.*

‘Она **хотела** _{PF}, не ответив, продолжить [путь] вдоль двух потоков ветра, что **дули** _{PF} с Калемегдана, когда у нее внезапно **вырвался** _{AOR} ответ, причем в будущем времени:

— Скоро **будет** _{FUT} двенадцать часов пять минут’.

[Павић 1993: X 27]

- (29) *По глави ми се мотала гомила јадних, непотребних филмова бабирчених годинама по три несрећне кино-дворане тамо, код куће; хтео сам да им некако објасним какве бих све правео филмчуге, и тек у непријатном ћутању оне учионице сазнадох колико сам био глуп што сам поверовао њиховим добрим намерама.*

‘В моей голове **крутилась** _{PF} масса жалких, негодных фильмов, собранных за годы в трех несчастных кинозалах там, дома; я **хотел** _{PF} им как-то объяснить, какие бы я стал снимать фильмы, и лишь в неприятном молчании аудитории я **осознал** _{AOR}, насколько я **был** _{PF} глуп, что **поверил** _{PF} в их добрые намерения’.

[Карор 1975: 17]

- (30) *С пролећа, кад су удариле ведрине, кад вид очи шаљу далеко, обе се куле указаше једновремено житељима града (...). И испостави се да петлови на њима не показују исто време.*

‘Весной, когда **наступили** _{PF} ясные дни, когда глаза далеко **видят** _{PRES}, обе башни одновременно **предстали** _{AOR} перед жителями города (...). И **выяснилось** _{AOR}, что петухи на них **не показывают** _{PRES} одно и то же время’.

[Павић 1993: Л 94]

Свойство аориста появляться в дискурсе в тех случаях, когда происходит нечто новое и неожиданное, представляется нам заслуживающим внимания. Эту особенность уже давно отметили сербские исследователи. В статье [Митриновић 1997: 87–89] примеры, аналогичные (23–30), описываются как «неожиданное наступление события» (*неочекивано наступање догађаја*). В статьях [Mitriновић 1996: 9; Станојчић 2000: 557; Зорић 2018: 104] способность обозначать «быстрое и внезапное изменение обстоятельств» (*нагло и изненадно мењање околности*) признается одной из специфичных черт сербского аориста, противопоставляющей его перфекту.

¹⁸ Сомуны — дрожжевые лепешки.

В работах [Ашић, Станојевић 2007; Станојевић 2007; 2013] упоминается, что употребление аориста создается «эффект неожиданности», который в [Ашић, Станојевић 2007: 162] определяется как «несоответствие содержания высказывания некой привычке субъекта действия»¹⁹, ср. минимальную пару (31а) и (31б). В (31а) событие ‘говорящая не сводила ребенка в игровой клуб’ было запланировано, тогда как в (31б) оно является неожиданным в первую очередь для самой говорящей.

(31) а. *Ове недеље нисам одвела дете у играоницу. Чула сам да тамо влада неки вирус.*
‘На этой неделе я **не отвела**_{PF} ребенка в игровой клуб. Я **слышала**_{PF}, что там царит какой-то вирус’.

б. *Ове недеље не одведох дете у играоницу! А иначе га бар два пут недељно водим.*
‘На этой неделе я **не отвела**_{AOR} ребенка в игровой клуб! А вообще я по крайней мере дважды в неделю его [туда] вожу’.

[Ашић, Станојевић 2007: 162]

Наконец, в статье [Керкез 2012: 460] утверждается, что в современном сербском языке аорист, наряду с кратким перфектом, выступает в функции «маркера граммы неожиданности» (*у функције маркера грамме неочекиваности*); неожиданность при этом понимается как одна из двух граммем, противопоставление которых — ожидаемость vs. неожиданность, серб. *очекиваност / неочекиваност*, — формирует самостоятельную грамматическую категорию. Ниже Д. Керкез недвусмысленно идентифицирует значение неожиданности с миративностью. В данном случае для нас весьма ценной является интуиция Керкез как носительницы языка. Однако следует оговорить, что термин «миративность» по отношению к сербскому аористу следует употреблять крайне осторожно. В частности, при обсуждении нашей статьи [Егорова 2021], где мы также пишем о миративных употреблениях аориста, были получены следующие возражения.

Во-первых, во многих примерах значение неожиданности выражено лексическими средствами, ср. наречия *изненада*, *неочекивано* ‘неожиданно’, ‘внезапно’ в (23), (24), (28), (32) и другие лексические средства, выделенные разрядкой. Впрочем, если принять во внимание, что миративность в сербском — это новая категория, находящаяся в состоянии становления, такое избыточное маркирование не кажется удивительным.

Во-вторых, было замечено, что в примерах типа (25), (29) в аористе стоит не глагол, обозначающий само неожиданное событие, а матричный глагол со значением восприятия или интеллектуальной деятельности²⁰. Матричный глагол как бы предвосхищает наступление неожиданного события, подготавливая к нему адресанта. Следующие примеры из статьи [Митриновић 1997] свидетельствуют о том, что в глазах сербских лингвистов данная особенность не является препятствием для приписывания аористу значения ‘неожиданного наступления события’. Так, в примере (32) в форме аориста находится матричный глагол *угледах* ‘я увидел’, вводящий придаточное изъяснительное. В примере (33), где в форме аориста стоит глагол *отворише се* ‘отворилась’, по-настоящему неожиданным является следующее за этим событие ‘в комнату вошла новая девушка’²¹.

(32) *Изненада угледах како је са Моста Поњатовског кренуло огромно клупко прашице (...).*
‘Вдруг я **увидел**_{AOR}, как с Понятовского моста **сдвинулся**_{PF} огромный клубок пыли’ (...).

¹⁹ В приводимых в данном разделе статьи [Ашић, Станојевић 2007] примерах речь идет от первого лица, то есть субъектом действия является говорящий.

²⁰ То же можно сказать и о примере (29). Впрочем, ср. наблюдения над эвиденциальной семантикой русского *оказывается* в [Храковский 2007: 619–629].

²¹ Замечание Н. Р. Сумбатовой, личное сообщение.

(33) *И у то се отворише врата и у собу <...> ушла је <...> нова девојка.*

‘Как тут же **отворилась** _{ЛОР} дверь, и в комнату <...> **вошла** _{РФ} <...> новая девушка’.

[Митриновић 1997: 88-89]

Завершая данный раздел, напомним, что действие, имеющее актуальный результат и новое и/или неожиданное для говорящего/слушающего событие — это типичные значения семантической зоны перфекта [Anderson 1982; Плунгян 2011: 387 и сл.]²²; для аориста они с типологической точки зрения скорее не характерны²³. В связи с этим нам представляется интересным наблюдение А. Ю. Урманчиевой [2021: 167]: «Изменения могут происходить не только в соответствии с общей логикой эволюции грамматических систем, отвечающей общетипологическим ожиданиям. Существенную роль могут играть локальные тенденции, которые можно определить как <...> своего рода моду в рамках некоторого языкового коллектива».

2.2. Семантика плюсквамперфекта

Под термином «плюсквамперфект» понимается комбинация в одной граммеме перфектной семантики и плана прошедшего времени, то есть предшествование в прошедшем [Dahl 1985: 144; Плунгян 2011: 368; Сичинава 2013: 17], «ретроспективный взгляд на действие с ориентира в прошлом» [Барентсен 2015: 14].

В типологической литературе выделяется набор значений, которые различным образом реализуют базовое значение предшествования в прошедшем, в их числе таксисное значение (предшествование события определенной точке отсчета в прошлом), «перфект в прошлом» (наличие результата, актуального в момент точки отсчета в прошлом), а также ряд значений, относимых к т. н. «зоне сверхпрошлого», — отмененный результат, недостигнутый результат²⁴, отдаленное прошлое etc. [Dahl 1985: 144–149; Плунгян 19986: 110–111; Плунгян 2011: 354–360, 365–369; Сичинава 2013: 17–43; Аркадьев 2014: 46–47]; инвариантной для «зоны сверхпрошлого» признается семантика неактуальности ситуации для настоящего момента [Плунгян 2001: 69–72; Аркадьев 2014: 47].

В сербской грамматической традиции основным грамматическим значением плюсквамперфекта признается таксисное. Так, в [Стевановић 1967: 121] говорится, что плюсквамперфектом обозначается действие (или состояние), которое совершилось (очень редко — совершалось) в прошлом до другого действия, обозначенного каким-либо из претеритальных времен или подразумеваемого. Сходным образом основное значение плюсквамперфекта определяется в работах [Стевановић 1989: 665; Танасић 2005; Пипер и др. 2005: 411; Пипер, Клајн 2013: 399], см. также статью [Танасић 2020: 4, 7, 11]. Ср. пример (34):

²² Возможность и даже предпочтительность использования английского Present Perfect для передачи аориста в разговорном сербском языке были подтверждены носительницей языка (И. Якшич-Перович, личное сообщение).

²³ Однако ср. следующую цитату из статьи Вяч. Вс. Иванова: «В проанализированном эпическом гомеровском штампе **аорист** *ἔγυνω* **выступает в своей архаической функции обозначения точечного события, внеположного по отношению к воле личности, чьи глубинные слои психики испытывают шок, обозначаемый этой формой: *ἔγυνω* ‘узнал’ в смысле мгновенного события-толчка, приходящего извне и проникающего в эти глубинные слои (точнее было бы перевести ‘мгновенно испытал узнавание’)** [Иванов 1980: 89]; выделение наше. Разумно предположить, что испытываемый героем шок произошел вследствие новизны и неожиданности полученной им информации.

²⁴ Значения отмененного и недостигнутого результата объединяются в инвариантное значение — т. н. антирезультативное [Плунгян 2001].

(34) *Кад стриц дође из Биора, отац већ бјеше промијенио мишљење.*

‘Когда дядя **вернулся**_{AOR} из Биора, отец уже **изменил**_{POF} свое мнение’.

М. Лалић. Цит. по [Пипер и др. 2005: 411]

В русскоязычных описаниях сербского языка в качестве основных значений плюсквамперфекта приводятся таксисное значение и значение отдаленного прошлого [Гудков 1969: 56; Толстой 2001: 710; Кречмер, Невекловский 2005: 164]. Ср. (35) со значением «действия, которое случилось в далеком прошлом»:

(35) *Буђење у зору! Одувек је била навикла да у то време решава сва питања.*

‘Пробуждение на рассвете! Она издавна **приучилась**_{POF} решать все вопросы в это время’.

И. Андрић. Цит. по [Гудков 1969: 56]

В названных работах можно также встретить указания на то, что в современном сербском языке плюсквамперфект употребляется относительно редко [Стевановић 1967: 120; 1989: 664]; «редко употребляется в устной речи, в деловом и техническом стиле, но может встречаться в беллетристике и поэзии как характеристика индивидуального авторского языка» [Кречмер, Невекловский 2005: 164]. Ср. также характеристику сербского как языка с «умеренным употреблением плюсквамперфекта» в работе [Барентсен 2015: 15]. Это означает, что плюсквамперфект не употребляется в сербском с той регулярностью, с какой он встречается в европейских языках. Плюсквамперфект обозначает действие, совершившееся ранее другого действия в прошлом, преимущественно в таких контекстах, где отсутствие этой формы привело бы к иному прочтению, или чтобы особо подчеркнуть предшествование в прошедшем [Пипер и др. 2005: 411–412; Пипер, Клајн 2013: 170; Thomas, Osipov 2017: 424–425; Сичинава 2019: 36–38].

В числе пионерских работ, привлечших особое внимание к нетаксисным значениям сербского плюсквамперфекта, следует назвать статью [М. Ивић 1980]. Данная работа, к сожалению, осталась нам недоступна. Мы можем судить о ее значимости по многочисленным цитатам из более поздних работ. Заметим, что материалы этой работы используются для обоснования самых различных взглядов. Действительно, среди перечисленных выше значений, выражаемых формами плюсквамперфекта в языках мира, встречаются очень разные, в том числе взаимоисключающие значения, например наличие результата в прошлом vs. недостигнутый / отмененный результат в прошлом.

Так, согласно статье [Молошная 1996: 572], «плюсквамперфект в македонском и сербохорватском, так же как в болгарском, выражает актуальность результата действия для прошедшего ориентационного момента». Например, в (36) форма *било је уснуло* передает значение ‘уснуло до некоторого прошедшего момента и спало в этот прошедший момент’:

(36) *Село под Сусједом бијаше као мртво, све је спавало. А и на граду све је уснуло било.*

‘Село под Суседом **было**_{IMPF} как мертвое, все **спало**_{PF}. Но и в городе все [уже] **уснуло**_{POF}’.

А. Шеноа. Сельчка буна, 1877. Цит. по [Молошная 1996: 572]²⁵

Д. В. Сичинава в монографии [Сичинава 2013: 151–152], основываясь на данных из статьи [Thomas 2000], напротив, признает в качестве основного значения плюсквамперфекта значение отмененного результата, как в примере (37):

(37) *Ја сам га била опрала. Откуд сад на њему ове мрље?*

‘Я его **выстирала**_{POF}. Откуда сейчас на нем эти пятна?’

[Сичинава 2013: 152] via [Thomas 2001: 31]

²⁵ Наречие *уже* в русском переводе принадлежит автору статьи и подчеркивает семантику актуального результата.

Однако цитируемая статья гораздо менее однозначна. Согласно работам [Thomas 2000; 2001], сербский плюсквамперфект может обозначать отмененный результат (*désactualisation*), но это не единственное его значение. В качестве условия, необходимого для появления в тексте формы плюсквамперфекта, автор называет наличие в том же высказывании или в его контексте другого события, выраженного претеритной формой (аористом или перфектом), по отношению к которому действие, названное плюсквамперфектом, является завершённым, то есть подразумевает наличие результата. И результат этот, как видно из примеров (38–39), вполне может оставаться актуальным на момент совершения действия, названного претеритом. Так, в (38) голод и опьянение являются результатом того, что рассказчик позавтракал чашкой кофе, а затем на пустой желудок выпил изрядное количество вина; а в (39) событие ‘доктор Вильдганс вернулся из Афганистана’ является следствием события ‘доктор Вильдганс переправился через границу’:

- (38) *Већ смо били начели и другу флашу совињона. Тада сам му рекао да ме хвата тиће и да сам гладан; за доручак сам био попио само црну кафу.*
 ‘Мы уже **начали** _{РФ} вторую бутылку совињона. И я ему **сказал** _{РФ}, что меня начинает разбирать выпитое и что я голоден; на завтрак я **выпил** _{РФ} только черный кофе’.
- (39) *Пре две недеље вратио се из Авганистана. Са још двојицом лекара био се пребацио преко границе и, пребућен у борца, крстарио планинским беспућима.*
 ‘Две недели назад он **вернулся** _{РФ} из Афганистана. С еще двумя врачами он **переправился** _{РФ} через границу и, переодетый боевиком, **пробирался** _{РФ} по горному бездорожью’.

Д. Киш. Јуриј Гolec, 1982²⁶. Цит. по [Thomas 2001: 35]

Среди приведенных в грамматиках примеров можно встретить и такие, которые могут быть интерпретированы как представляющие значения из «зоны сверхпрошлого» (40)²⁷, и примеры со значением результирующего состояния в прошлом (41–42):

- (40) *Снијег још није био пао кад стриц дође из затвора.*
 ‘Снег еще **не выпал** _{РФ}, когда дядя **вернулся** _{АОР} из заключения’.
 М. Лалић. Цит. по [Пипер и др. 2005: 411]
- (41) *Сунце је било зашло, а они су још седели на обали и ћутећи гледали према пучини.*
 ‘Солнце **зашло** _{РФ}, а они еще **сидели** _{РФ} на берегу и молча **смотрели** _{РФ} в морскую даль’.
- (42) *Фосил потиче из кенозоика, када су диносаури већ били изумрли.*
 ‘Окаменелость появилась [букв. **происходит** _{PRES} из] в кайнозое, когда динозавры уже **вымерли** _{РФ}’.

[Пипер, Клајн 2013: 399]

В статье [Поповић 2012] для плюсквамперфекта в сербском языке выделяется целый набор функций: таксисная функция; обозначение результата в прошлом, который перестал быть актуальным в момент речи; обозначение прерванной ситуации в прошлом, ср. (43) с конативным [Плунгян 2001: 56] значением; обозначение отмененного результата; а также дискурсивные функции, которые мы обсудим ниже, в разделе 3.

- (43) *Пошли смо били, али нас је једна четничка контрола скренула с пута.*
 ‘Мы **пошли** _{РФ}, но нас один четнический патруль **заставил свернуть** _{РФ} с пути’.
 М. Лалић. Лелејска гора, 1957. Цит. по [Поповић 2012: 129]

²⁶ При работе над статьей мы пользовались переводом Владимира Бацунова, доступным по ссылке: <https://dvoetochie.wordpress.com/2015/04/04/danilo-kis/> (последнее обращение 22.06.2021).

²⁷ Примеры, подобные (40), будут подробно разобраны ниже.

Наконец, в исследовании [Сичинава 2019] для сербского и родственных ему языков на штокавской основе выделяются следующие значения: таксисное, результат в прошедшем, нарушение нормального хода ситуации (43), аннулированный результат (44), авертивное (45), экспериенциальное (46); а также дискурсивные функции, которые мы обсудим ниже.

(44) *Ja сам био изгубио пасош, али сам га нашао.*

‘Я потерял_{RQP} паспорт, но нашел_{RF} его’.

(45) *Он јуче само што није био умро.*

‘Он вчера чуть было не умер_{RQP}’.

(46) *Ja никада нисам био пио вино.*

‘Я никогда не пил_{RQP} вина, [а сейчас в первый раз выпью]’.

[Сичинава 2019: 40, 43]

В работах [Поповић 2012; Сичинава 2019] на первый план выдвигаются значения плюсквамперфекта, относящиеся к «зоне сверхпрошлого»; ср. замечание Л. Попович: «В сербском языке на первое место, вместе с таксисной, выдвигаются функции аннулирования результата ситуации и создания ситуационного фона» [Поповић 2018: 288]. В грамматике [Thomas, Osipov 2017: 424–427] в числе обязательных употреблений плюсквамперфекта рассматриваются таксисные, в том случае, когда от плюсквамперфекта зависит верная передача последовательности событий, и антирезультативные (*désactualisation*).

Наше исследование семантики сербского плюсквамперфекта основано на работе с текстом романа Милорада Павича «Внутренняя сторона ветра, или Роман о Геро и Леандре». Ср., в связи с иной проблематикой, замечание М. М. Макарецва [2014: 31]: «Описание употреблений эвиденциалов *sub specie* структуры текста / дискурса позволяет найти объяснение многим феноменам, которые нельзя объяснить, если рассматривать только отдельные синтагмы». Для видео-временных форм это не менее верно.

Мы, бесспорно, должны согласиться с тем, что плюсквамперфект не выражает предшествование в прошлом *per se*, ср. [Сичинава 2013: 151]. Так, в (47) факт ‘Диомидий оставил рыбу’ предшествует факту ‘он [Леандр] строил церковь’, и оба они выражены формой перфекта:

(47) *Градио је још једну цркву посвећену Богородици чекајући да мраз исцеди рибу коју му је Диомидије оставио.*

‘Он строил_{RF} еще одну церковь, посвященную Богородице, ожидая, чтобы мороз выцедил [всю воду из] рыбы, которую оставил_{RF} ему Диомидий’.

[Павић 1993: Л 42]

Приведем далее несколько примеров, где типичные значения из «зоны сверхпрошлого» передаются формами перфекта. В (48) факт ‘они раньше работали с ним [с Леандром]’ не только предшествует во времени фактам ‘они переметнулись’ и ‘они нанялись к Сандаљу Красимиричу’, но и оказывается отмененным этими последними:

(48) *Неки од оних Леандрових вршњака који су раније радили с њиме, а сада прешли и унајмили се код Сандаља Красимирића, повели су га и одушевљено показивали му и тумачили зидарске захвате при врху куле...*

‘Кое-кто из сверстников Леандра, тех, что раньше работали_{RF} с ним, а теперь переметнулись_{RF} и нанялись_{RF} к Сандаљу Красимиричу, повели_{RF} его [осматривать башню]; они воодушевленно показывали_{RF} и объясняли_{RF} ему строительные приемы, [которые применялись] в ее верхней части...’

[Павић 1993: Л 79]

В (49) и (50) факты ‘душа была такой, как мы ее видим, много тысяч лет назад’ и ‘там когда-то был театр’ одновременно и отнесены в отдаленное прошлое, и отменены последующими событиями:

- (49) *Када се загледамо у своју душу, видимо је каква је она била пре много хиљада година, а не каква је сада....*

‘Когда мы **смотрим** PRES в нашу душу, мы **видим** PRES ее [такой], какой она **была** PF много тысяч лет назад, а не [такой], какая она сейчас...’

[Павић 1993: Л 90]

- (50) *Тамо где смо тражили, заиста је некад постојало позориште...*

‘Там, где мы **искали** PF, действительно когда-то **был** PF театр...’

[Павић 1993: X 56]

Экспериенциальные значения, в том числе под отрицанием, последовательно выражаются при помощи перфекта:

- (51) *Потом би устајао, градио до пола ноћи и легао поново док га не би пробудио њук, птица коју нико никада није видео...*

‘Потом **вставал** COND, **строил** COND до полуночи и снова **ложился** COND, пока его **не будил** COND филин, птица, которую никто никогда **не видел** PF...’

[Павић 1993: Л 39]

В тех случаях, когда плюсквамперфект встречается в тексте, он, как правило, обозначает наличие результирующего состояния в прошедшем: факт F имел место в прошлом, до точки отсчета T; результат F остается актуальным на отрезке времени, включающем в себя T.

Например, в (52) состояние ‘жук жужжал и не мог вылететь’ является результатом события ‘жук залетел под куртку’:

- (52) *Гундель му је био улетео у зубун, па зујао и никако да излети.*

‘Майский жук **залетел** RQP ему под куртку; **жужжал** PF, никак не вылетит’.

[Павић 1993: Л 82]

В (53–56) формы плюсквамперфекта также обозначают факты, результаты которых актуальны в тот период времени в прошлом, о котором ведется повествование. В (53–55) таким результатом является круг единомышленников, друзей или учеников героя (в (55) побочным эффектом собравшейся толпы учеников становится запах пота в аудитории), а в (56) — подавленное состояние героини, вызванное долгой разлукой с братом²⁸:

- (53) *Сандаљ Красимирић је и своју кулу почео градити онако како је научио и са људима који су се били навикли на њега.*

‘Сандаљ Красимирич и свою башню **начал** PF строить так, как **научился** PF, и с теми людьми, которые к нему [уже] **привыкли** RQP’.

[Павић 1993: Л 72–73]

- (54) *Желео сам да тим малим празноглавицама (...) покажем неки тајанствени круг урпкос искушењима што су га пред њих постављале девојке...*

‘Я **хотел** PF показать этим пустышкам (...) некий таинственный дружеский круг, который я **создал** RQP и в котором товарищи **были** PF преданы друг другу, вопреки искушениям, которым **подвергали** PF их девушки...’

[Капор 1975: 28–29]

²⁸ В (56) событие ‘[давно] завершил свой жизненный путь’ передано при помощи формы перфекта [одавно] *завршио*, а не плюсквамперфекта, ср. (47–50).

(55) *За њиме и са мном **стекла се била** на Прашком конзерваторијуму гомила ученика свих боја и масти тако да **је** његова учионица **заударала** на зној са три континента. ‘Рядом с ним и вместе со мной в Пражской консерватории **собралась**_{РФ} толпа учеников всех мастей и оттенков, так что в его аудитории **стоял_запах**_{РФ} пота трех континентов’.*
[Павић 1993: X 60]

(56) *...јер студент прашког конзерваторија Манасија Букур, Херин брат, био је једини кога је имала на свету. Хера га **није била видела** већ три године, што јој је тешко падало с обзиром да **је** последњи Букур из њихове породице **од а в н о завршио** у 12 и п е т негде на неком каменолому. ‘...ведь студент Пражской консерватории Манассия Букур, брат Геро, был единственным близким ей человеком. Геро **не виделась**_{РФ} с ним уже три года, и ей трудно было переносить это, кстати, еще и потому, что последний Букур из их рода **да в н о завершил**_{РФ} [свой жизненный путь] в какой-то каменоломне в двенадцать часов пять минут’.*
[Павић 1993: X 33]

В некоторых случаях может сложиться впечатление, что формы плюсквамперфекта передают значения из «зоны сверхпрошлого». Так, в (57), на первый взгляд, речь идет об отмене результата: корка хлеба сначала была намочена в уксусе, а затем высушена. Однако это и есть необходимый результат — в период времени, включающий точку отсчета, у героя есть необходимый «полуфабрикат» для получения уксуса:

(57) ***Издадио је** из торбе кору сувога хлеба коју **је** ј о ш тамо у манастиру на језеру **био потопио** у сирће, **на осушио**. **Сад ју је опет уквасио** снегом и она **је дала** шаку доброга сирћета којим **се он уми**. ‘Он **вытащил**_{РФ} из сумки корку сухого хлеба, которую еще в монастыре на берегу озера **намочил**_{РФ} в уксусе, а потом **высушил**_{РФ}. Сейчас он **увлажнил**_{РФ} корку водой, добытой из растопленного в ладонях снега, и **получил**_{РФ} пригоршню хорошего уксуса, которым **умылся**_{АОР}’.*
[Павић 1993: Л 44]

В (58) речь идет о недостижении результата — результатом в этом случае был бы отказ от преподанного русским учителем математического искусства. Однако значение «псевдо-комплетива» ‘чуть было не сделал X’ [Плунгян 2001: 55] выражено здесь формой перфекта [*умало што*] **није напустио**, а плюсквамперфект **био се поколебао** обозначает вхождение в новое когнитивное состояние — состояние сомнения и переоценки своих взглядов:

(58) *Једном као да **се ипак био поколебао** и **умало што није напустио** сву вештину рачунања којој га **је учио** Рус плавих очију које су у сну **мењале** боју. ‘Однажды он все же как будто **заколебался**_{РФ} и чуть было не **отказался**_{РФ} от того математического искусства, которому **обучил**_{РФ} его русский с голубыми глазами, которые во сне **меняли**_{РФ} цвет’.*
[Павић 1993: Л 75]

В конце концов Леандр перестает сомневаться в своих способностях, так что значение плюсквамперфекта **био се поколебао** в (58) можно признать антирезультативным. Однако далее читатель узнает, что в день, когда башня Сандаля Красимирича стала отражаться в реке и соперник Леандра праздновал свой триумф, Леандр захотел узнать, отражается ли в воде его собственная башня, и выяснил, что давно превзошел Красимирича в фортификационном искусстве. Таким образом, плюсквамперфект выполняет в (58) дискурсивную функцию, подготавливая читателя к важному повороту событий (см. подробнее Раздел 3).

Наконец, в (59)–(60) формы плюсквамперфекта находятся под отрицанием и называют состояние, которое не было достигнуто к определенному моменту времени в прошлом,

ср. наречие *joш* ‘еще (не)’ в обоих примерах. Однако в этих примерах нет нарушения «нормального хода событий» [Плунгян 2001: 52]. События развиваются естественным образом, а факт недостижения определенного состояния к моменту Т делает возможным состояние или событие / цепочку событий, которые имеют место в период времени, включающий в себя Т. Таковы состояние рассказчика — а именно отсутствие обеспокоенности своим бедственным положением — в (59) и события ‘мальчик съел плод познания’, ‘мальчик ушел из рая’ в (60). Таким образом, здесь отсутствие результата само по себе есть результат в том смысле, что оно обуславливает положение вещей в момент точки отсчета.

- (59) *Али то спољно пропадање није ме много бринуло. Још нисам имао лице битанге — онај изгладнели израз и вечиту спремност да збришем чим ко викне или потрчи; нисам још био набацно понижавајућу маску беде коју су моји нови пријатељи носили природно и без икаквог стида.*

‘Но это внешнее неблагополучие меня не сильно **беспокоило**_{PF}. Я еще **не имел**_{PF} облика бездомного — этого изголодавшегося выражения [на лице] и постоянной готовности исчезнуть, как только кто-нибудь крикнет или побежит; я еще **не надел**_{POP} унижительную маску нищеты, которую мои новые друзья **носили**_{PF} непринужденно и без малейшего стыда’.

[Капор 1975: 18]

- (60) *Његов бог, бог тог малог Пфистера, још није био одрастао у оном пресудном тренутку. Једноставно је бог сазревао спорије од дечака. Бог је био још непунолетан у оном часу и није могао да задржи дете и успори његов ход, као што су нас укочили и задржали наши богови овде. Њему није имао ко да брани јабуку познања. Он ју је кушао сам и сам отишао одавде, из раја, у добровољно прогонство на Земљу. ‘Его бог, бог маленького Пфистера, к тому судьбоносному моменту еще не вырос_{POP}. Естественно, бог созрел_{PF} медленнее, чем мальчик. Бог был_{PF} еще несовершеннoлетним в то время и не мог_{PF} задержать мальчика и замедлить его развитие, как нас затормозили_{PF} и задержали_{PF} наши боги здесь. И некому было_{PF} запретить ему [сорвать] плод познания. Он съел_{PF} его в одиночку и в одиночку ушел_{PF} отсюда, из рая, в добровольное изгнание на Землю’.*

[Pavić 2002: 201]

По всей видимости, приведенные рассуждения верны и для примера (40): в (40) нет нарушения нормального хода событий; тот факт, что снег еще не выпал, является указанием на время совершения события ‘дядя вернулся из заключения’. В статье [Поповић 2018: 287] плюсквамперфект в данном примере описывается как результативный «с отсутствующим в момент описываемого события, но ожидаемым результатом».

То же верно и для единственной формы плюсквамперфекта, встретившейся нам в статье [Танасић 2020]:

- (61) *Овдје Белић још није био сагледао_{POP} значење плусквамперфекта, па дозвољава да се он јавља и индикативно, и релативно.*

‘Здесь Белич еще **не разглядел** значение плюсквамперфекта и допускает, чтобы он использовался и индикативно, и релативно’.

[Танасић 2020: 4]

Как будет ясно из последующего изложения, позднее Белич изменит свое мнение и нужный результат (правильное понимание семантики плюсквамперфекта) будет достигнут.

Наконец, в (35) выраженное при помощи плюсквамперфекта событие ‘она приучилась решать все вопросы в это время’, хотя и случилось давно, но имеет актуальный на момент описываемых событий результат. Мы полагаем, что именно семантика актуального результата обуславливает здесь форму плюсквамперфекта.

В нарративе актуальность результата того или иного события может ставиться в зависимость от субъективной оценки автора, рассказчика или персонажа, который находится в фокусе внимания²⁹. Такой результат мы будем называть субъективно значимым.

Встреченные нами формы плюсквамперфекта часто выражают субъективно значимый результат. Из приведенных выше таковы примеры (53–54), (56–58). Рассказ Диомидия в (62) повествует о целой цепочке важных событий, но единственный факт, обозначенный здесь формой плюсквамперфекта, — тот, который имеет эксплицитно названный результат³⁰: следствием факта ‘все товары и деньги пропали’ является бедственное состояние Диомидия, пришедшего за помощью к Леандру. В (62) результат актуален с точки зрения Диомидия:

(62) *У том тренутку у манастир је упао праињава и преморен Леандров пријатељ Диомидије Субота и јавио да је Скопље спаљено, да је у Призрену умро аустријски главнокомандујући генерал Пиколомини, да је куга захватила хришћанску војску и да турски казнени корпуси незадрживо надиру на Север долином Вардара и од Софије, палећи и секући све пред собом од села до манастира. Диомидију Суботи и осталим кирицијама читав еспан и сав новац беху пропали и он је само у бради и кошуљи дошао до Леандра да моли за помоћ.*

‘В этот момент в монастырь **ворвался**_{PF} запыленный и усталый Диомидий Суббота, товарищ Леандра, и **сообщил**_{PF}, что Скопье **сожжено**_{PASS, PF}, что в Призрене **скончался**_{PF} австрийский главнокомандующий генерал Пиколомини, чума **охватила**_{PF} армию христиан, а турецкие карательные отряды неумолимо **продвигаются**_{PRES} к северу, по долине Вардара и со стороны Софии, рубя и сжигая все на своем пути, [не щадя ни] села, ни монастыря. Все товары и деньги Диомидия и его компаньонов **пропали**_{PQP}, и он **пришел**_{PF} к Леандру, в одной бороде и рубахе, просить о помощи’.

[Павић 1993: Л 29–30]

В (63) событие ‘отец ушел на войну’ имеет результат, актуальный для рассказчика: отец не вернулся с войны, и рассказчик остался единственным ребенком. В (64) в фокусе внимания находятся рассказчик и его друг, а в (65) фокус переключается на третьих лиц:

(63) *Имам само мајку која је стигла једино мене да роди, а отац је већ био отишао у рат.* ‘У меня есть только мать, которая **успела**_{PF} только меня родить, а отец уже **ушел**_{PQP} на войну’.

Д. Ћосић. Далеко је сунце, 1951. Цит. по [Гудков 1969: 123]

(64) *Онај лелек се тада неочекивано утиша. Али Јаков и ја смо већ били тачно проценили место одакле је долазио <...>.*

‘Тогда этот шум неожиданно **стих**_{AOR}. Но Яков и я уже точно **определили**_{PQP} место, откуда он **исходил**_{PF}’.

Б. Шћепановић. Уста пуна земље, 1974. Цит. по [Зайцева и др. 2003: 247]

(65) *И мени и Јакову се у том часу учинише и сићушни и туђи и некако опустошени као да су били изгубили нешто што се више не може ни наћи ни прежалити!*

‘И мне, и Якову в тот момент [они] **показались**_{AOR} и мелкими, и чужими, и как будто опустошенными, словно **потеряли**_{PQP} что-то, что больше невозможно ни найти, ни позабыть’.

Б. Шћепановић. Уста пуна земље, 1974. Цит. по [Зайцева и др. 2003: 247]

Наконец, рассмотрим пример (66), приведенный в статье [Thomas 2001]³¹:

²⁹ Ср. обсуждаемое в монографии [Fleischman 1990: 152] понятие «точка зрения» (*point of view*), или «фокусировка» (*focalization*), определяемое как «the perception that orients the report».

³⁰ В данном отрывке результативной семантикой обладает пассивная форма *је спаљено* ‘[Скопье] сожжено’. В современном сербском языке пассив перфекта и пассив плюсквамперфекта формально не различаются [Поповић 2018: 290], но контекст позволяет видеть здесь форму плюсквамперфекта.

³¹ Автор ссылается на статью [М. Ивић 1980].

(66) *Kad je Ђорђе умро, она се била зарекла јавно, пред целом родбином, да се никад неће удавати. Али се ускоро у селу појавио нов учитељ и настанио у кући преко пута њене. Не прође ни година, а она се удаде за њега.*

‘Когда Джордже умер_{PF}, она во всеуслышание дала_зарок_{POF} перед всеми родственниками, что никогда не выйдет замуж. Но вскоре в селе появился_{PF} новый учитель и поселился_{PF} в доме напротив ее дома. Не прошло_{AOR} и года, как она вышла_{AOR} за него’.

[Thomas 2001: 40]

Действие, выраженное плюсквамперфектом *била се зарекла* ‘дала зарок’, не отменено: обет не выходить замуж дан, и именно поэтому повторный брак вдовы выглядит скандальным. Впечатление отмененного результата — это прагматический эффект от соположения двух противоречащих друг другу событий: ‘вдова дала зарок никогда не выходить замуж’ и ‘вскоре вдова вышла за нового учителя’, ср. союз *али* ‘но’, которым начинается второе предложение.

П.-Л. Тома комментирует (66) следующим образом: появление формы плюсквамперфекта не меняет «информативное содержание» (*le contenu informatif*) высказывания, но меняет восприятие событий (*[le] degré de connaissance des événements*) читателем / слушателем: «перфект ограничивается тем, что обозначает действие само по себе, тогда как плюсквамперфект предупреждает (*annonce d'ores et déjà*) о том, что впоследствии произойдет некое событие, которое положит конец этому обету. Таким образом, плюсквамперфект подготавливает читателя, удерживает его внимание и вводит элемент напряженного ожидания (*retient son attention et introduit un élément de suspense*)» [Thomas 2001: 40]. Мы находим это замечание очень ценным, поскольку оно совпадает с нашим наблюдением о том, что плюсквамперфект маркирует ключевые события, о чем подробнее будет сказано в Разделе 3. Однако мы полагаем, что плюсквамперфект здесь предвосхищает не отмену результата действия, а лишь неожиданный поворот событий, ср. обсуждавшийся выше пример (58).

Итак, для сербского аориста мы выделяем, во-первых, ‘аористное’ значение, т. е. значение перфектива в прошедшем; во-вторых, менее ожидаемые, но типологически не уникальные для аориста значения недавнего / пережитого прошедшего и ближайшего будущего; и, в-третьих, набор значений, типологически характерных скорее для перфекта, — новое и / или неожиданное событие (‘миративное’ значение) и событие, имеющее актуальный результат (‘антериорное’ значение). Особенность сербского аориста заключается в том, что можно назвать ‘перспективным взглядом’: аорист сообщает, что имело место событие X и это повлекло за собой последствия Y; появление аориста предвосхищает наступление неожиданного события — своего рода «смещенная миративность».

Что касается сербского плюсквамперфекта, он демонстрирует целый спектр значений, в том числе и антирезультативные, однако последние мы не можем признать основными. Основным для сербского плюсквамперфекта мы признаем значение актуального результата в прошедшем. Анализ примера (66) показывает, что в нарративе плюсквамперфект может маркировать событие событие, которое имеет значимые последствия, и тем самым предвосхищать наступление дальнейших событий.

И аорист, и плюсквамперфект могут называть релевантные, то есть имеющие значимый результат, события. И аорист, и плюсквамперфект могут называть или предвосхищать события, выбивающиеся из привычного хода вещей. Наконец, обе формы являются факультативными³² и тем самым маркированными, то есть, в терминах [Якобсон 1985: 313], наделенными «дополнительной информационной значимостью».

³² В тех случаях, когда важна последовательность событий, неоднозначность может быть устранена как при помощи плюсквамперфекта, так и при помощи наречия с временной семантикой [Поповић 2018; Сичинава 2019].

3. Дискурсивные функции аориста и плюсквамперфекта в сербском языке

Плюсквамперфект, по определению П. В. Петрухина [2008: 214], — «дискурсивная категория *par excellence*», и дискурсивные функции этой формы неоднократно исследовались на материале самых различных языков, в том числе славянских, см. [Fleischman 1990; Сичинава 2001; 2008; 2013; 2019; Петрухин 2008; Цуканова 2008; Поповић 2012; Мовчан 2015]. Остановимся лишь на тех функциях плюсквамперфекта, которые имеют значение для дальнейшего анализа.

С одной стороны, плюсквамперфект используется при дигрессии — отступлении от основной линии повествования, а также в экспозиции нарратива [Плунгян 2004: 284–288]. В работах [Сичинава 2001; 2008] употребление специальной формы плюсквамперфекта / давнепрошедшего времени в начале целого нарратива или нового эпизода получило название ‘сдвиг начальной точки’. На материале славянских языков ‘сдвиг начальной точки’ описан для древнерусского в работах [Петрухин, Сичинава 2006; Петрухин 2008; Сичинава 2008]. Дигрессивная функция и функция ‘сдвига начальной точки’ для сербского и украинского языка описаны в статье [Поповић 2012]; последняя функция получает в данной работе название ‘функция топикализации’, так как это «функция маркирования нового топика», которую «плюсквамперфект может реализовать и в простом предложении, находящемся в начале абзаца, а часто и в начале единицы текста большего объема» [Там же: 135].

С другой стороны, как было показано при обсуждении примера (66), плюсквамперфект обращает внимание читателя на релевантные события, имеющие значимые последствия. Сходная функция была описана в статье [Мовчан 2015] для плюсквамперфекта в болгарском и украинском: «Результат прошедшего действия находится в центре внимания говорящего» [Там же: 814]. В украинском, помимо этого, «формы плюсквамперфекта придают действию значимости, подчеркивают актуальность или служат для создания эффекта напряженности» [Там же: 824].

Что касается аориста, выше уже обсуждалось употребление этой формы с целью усиления динамичности и экспрессивности текста. Наибольший динамизм достигается использованием цепочки аористов [Стефановић 1984; Станојевић 2013; Вельовић 2016; Зорић 2018]. «Нанизыванием аористов», согласно работе [Зорић 2018: 107], достигается эффект «зумирования», позволяющий читателю «приблизиться» к описываемым событиям, как при просмотре крупных планов в кино.

Не менее интересным для нас является наблюдение С. Зорић о том, что формой аориста в тексте романа «Деца бестрагије»³³ маркируется на первый взгляд неважное событие, символизирующее перемену, которая вскоре произойдет с одним из главных персонажей. Таким образом, и аорист, и плюсквамперфект могут функционировать в тексте в качестве маркеров значимого события.

3.1. Дискурсивные функции аориста

Формы аориста могут, сохраняя перечисленные в разделе 2 значения, использоваться в тексте в качестве «фокусирующих», то есть таких, которые выделяют в повествовании ключевые события, ср. обсуждение понятия «степени фокусированности ситуации» в [Плунгян 2008]: «...речь идет о том, насколько тот или иной элемент нарративной цепочки является с точки зрения говорящего значимым для развития повествования» [Там же: 22]. Так, в (67) событие ‘рассказчик нашел старика’ является случайным; в то же время оно имеет результат,

³³ Название романа можно перевести как «Дети с края света».

и результат этот является настолько значимым, что определяет дальнейший ход событий: рассказчик увлекся личностью старика и занят написанием книги на основе его воспоминаний.

(67) *Сада тај запис постаје Друга глава целине која ће обухватити сва моја знања о древном Србину кога нађох на страшишту испред Вознесењске цркве.*

‘Сейчас эта запись **становится** PRES Второй главой единого целого, которое **охватит** FUT все мои знания о древнем сербе, которого я **нашел** AOR на месте гибели [людей] возле Вознесенской церкви’.

С. Селенић. Timor Mortis, 1989. Цит. по [Зайцева и др. 2003: 216]

Таким образом, аорист — так же как и плюсквамперфект — может обозначать субъективно значимый результат. Обе эти формы используются для того, чтобы маркировать ключевые события на пространстве текста, как это будет показано ниже.

Однако вначале нам хотелось бы остановиться на функциях, специфичных для аориста, — «динамической» и «интертекстуальной». Сфера действия этих функций — не целый текст, а его отрезки.

Рассмотрим отрывок из романа:

(68) — *А ти, дедер најпре реци нешто да ти после могу глас препознати.*

Али, у том часу Леандер од ужаса иззуби глас. И то му спасе главу. Он прстима показа Исаји да не може проговорити, Исаја скочи на ноге ко опарен, измахну страховито сабљом и одсече Леандру ухо, али Леандер не могаде да крикне. Крик је у њему остао за неко друго време. Био се скаменио. Тада сабљаш пљуну, баци у снег сребрник и појаха. Одлазећи рече: — Ово ти је за уво. И зато што ће те одсад звати једноухи... Сад си обележен и ја ћу те лако познати за случај да ти се поврати говор.

‘— Ну-ка скажи что-нибудь, чтобы я потом по голосу смог тебя узнать.

Но в этот момент Леандр от ужаса **потерял** AOR голос. И это **спасло** AOR ему жизнь. Он на пальцах **показал** AOR Исае, что не может говорить, Исаия **вскочил** AOR как ошпаренный, грозно **взмахнул** AOR саблей и **отсек** AOR Леандру ухо, но Леандр **не смог** AOR закричать. Крик **остался** PF в нем до какого-то другого времени. Он **окаменел** POF. Тогда человек с саблей **плюнул** AOR, **бросил** AOR в снег серебряную монету и **поскакал** AOR. На ходу он **сказал** AOR: — Вот тебе за ухо. И за то, что с этого дня тебя будут звать од-ноухим... Теперь ты меченый, и я легко узнаю тебя, если дар речи вернется к тебе’.

[Павић 1993: Л 43–44]

В (68) приводится эпизод встречи главного героя Леандра с его преследователем — вооруженным саблей охотником за головами (*сабљашем*). Чтобы передать динамику и психологическое напряжение эпизода, автор использует нанизывание аористов³⁴.

Интересно сопоставить употребление аориста в (68) с употреблением презенса в английском переводе отрывка из «Песни о Роланде» (69), который приводится в работе [Fleischman 1991]:

(69) *The count strikes PRES him so powerfully,
he splits PRES his helmet in two through the nosepiece,
cuts through PRES the nose, the mouth, the teeth,
down through the trunk and the halberk of Eastern mail,
[through] the two silver bows of that golden saddle
and deep into the horse's back.
He killed PRET them both...*

The Song of Roland. Цит. по [Fleischman 1991: 87]

³⁴ Отметим здесь также форму плюсквамперфекта *био се скаменио* ‘окаменел’ с отчетливо результативным значением, ср. [Недялков и др. 1974].

Исследовательница подчеркивает, что нанизывание форм презенса в этом отрывке замедляет развитие событий, заставляя время нарратива «маршировать на месте» [Ibid.: 87]. Казалось бы, эта ретардация составляет полную противоположность динамичности. Но и в (68), и в (69) маркированная форма задерживает внимание читателя, создавая кинематографичность, своего рода эффект раскадровки, ср. метафору «глаза-фокусирущика» (*focalizing eye*) [Ibid.: 89].

Нанизывание аористов позволяет выделить в нарративе так называемый «текст в тексте» — «специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста» [Лотман 1981: 13]. В (70) аористы *разметеше* и *презадужеше* маркируют цитату из Цицерона наравне с прямой вставкой латинского текста. В (71) при помощи нанизывания аористов автор имитирует повествовательный стиль XVII в.³⁵ Таким образом реализуется «интертекстуальная» функция аориста.

(70) ... *Quid enim mali aut sceleri fingi aut cogitari potest, quod non ille conceperit? Дедовину своју разметеше, имаће своје презадужеше, новаца им је већ нестало одавно, а одскора и вере....*

‘...Наследство свое промотали _{AOR}, имущество свое перезаложили _{AOR}, деньги у них исчезли _{PF} давно, а скоро [исчезнет] и вера...’

[Павић 1993: Л 68]

(71) *Међутим, јуна ове године као што знате, Диомидије се затече на каику Цревљара Бакића и код Нового их узе ветар и преврте. Од кад се он утопио, ја непрекидно рачунам своје дане и најзад се узех у памет. Опет потражих Коена и замолах га да порекне или помери оно што смо видели као нашу заједничку смрт на мапи пред оном кулом.*

‘Между тем, как вам известно, в июне этого года Диомидий **оказался** _{AOR} в лодке Бакича Башмачника, недалеко от Нового их **застиг** _{AOR} шторм и **перевернул** _{AOR}. С тех пор как он **утонул** _{PF}, я непрерывно **считаю** _{PRES} свои дни и наконец [кое-что] **придумал** _{AOR}. **Разыскал** _{AOR} [я] опять Коэна и **попросил** _{AOR} его отменить или отодвинуть то, что мы **увидели** _{PF} на карте перед башней как нашу общую смерть’.

[Павић 1993: Л 103]

Аорист часто вводит прямую речь³⁶. Частотность аориста с глаголами речи была отмечена в работах [Вельовић 2016: 58; Thomas, Osipov 2017: 413]. Это может быть *verbum dicendi*, ср. *рече* ‘сказал’ в (72) и *упита* ‘спросил’ в (23), или глагол с другой семантикой, ср. *излете* ‘вырвался’ в (28).

(72) “*Зашто не напишеш књигу?*” — *рече* ми З. Ц. једне вечери, док сам му *објашњавао ита осећам* кад *шетам* Кнез Михајловом.

‘Почему бы тебе не написать книгу?’ — **сказал** _{AOR} мне З. Дж. однажды вечером, пока я **объяснял** _{PF} ему, что **чувствую** _{PRES}, когда **прохожу** _{PRES} по улице Князя Михаила’.

[Капор 1975: 10]

³⁵ В отрывке (71), представляющем собой стилизацию под речь XVII в., наблюдается более привычное распределение функций: формы аориста используются для передачи последовательности событий в нарративе, а перфект *видели смо* ‘мы увидели’ обозначает событие, результат которого актуален на момент написания письма.

³⁶ Чаще всего при прямой речи встречается глагол *рећи* ‘сказать’. Тем не менее у нас нет оснований видеть в формах аориста от *рећи* так называемые «цитативные глаголы» — полностью или частично грамматикализованные единицы, специализирующиеся на оформлении чужой речи, ср. обсуждение «quotative verbs» в монографии [Güldemann 2008: 80 ff.]: глагол *рећи*, даже в том случае, когда он вводит прямую речь, демонстрирует полную парадигму аориста, в то время как цитативный глагол обычно имеет одну форму.

Переключение с перфектов на аористы в (73) совпадает с резким поворотом диалога:

- (73) **Упитала сам** га за невидљива огледала, а он **је рекао**:
 — Наше свевидеће огледало су Христос и његова пресвета мати Марија.
 — Шта је то Христос? — **упитала сам**.
 — То је онај који је рекао: “Љуби ближњега свога као самога себе”. Он је син божији, има на небу оца, а на земљи матер. Њима се молимо да искупе наше, људске грехове. Јер, сви смо ми грешни.
 — Ми цвећке нисмо грешине — **одбрусих** му и **додах** — а где су вам та свевидећа огледала?
 — Ево су пред тобом — **рече он** и **прекрсти се** пред иконама Христа и његове мајке Богородице Марије.
 ‘Я **спросила** _{PF} его о невидимых зеркалах, а он **сказал** _{PF}:
 — Наше всевидящее зеркало — это Христос и его пресвятая мать Мария.
 — Что такое Христос? — **спросила** _{PF} я.
 — Это тот, который сказал: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Он сын божий, на небе у него отец, а на земле — мать. Им мы молимся, чтобы они искупили наши людские грехи. Ибо все мы грешны.
 — Мы, цветы, безгрешны, — **парировала** _{AOR} я и **прибавила** _{AOR}, — а где находятся эти ваши всевидящие зеркала?
 — Вот они, перед тобой, — **сказал** _{AOR} он и **перекрестился** _{AOR} перед иконами Христа и его матери, Богородицы Марии’.

[Павић 2003: Дев 20–21]

Аорист может использоваться и для простого «переключения» реплик диалога (74):

- (74) **Сутрадан сам је водио** уз мрачне дрвене басамке на мансарду. Јарца-Мудријаша **сам истерао**, а његово **сам** одсуство **оправдао** тако што **сам се зачудио** да га нема.
 “Није лепо од њега”, **рекох**.
 “Није”, **рече она**.
 “Можда је отишао на звездару”, **рекох** да га оправдам.
 “А где вам је гитара?” **рече она** и **баци један поглед по соби**.
 ‘Назавтра я **повел** _{PF} ее по мрачной деревянной лестнице на мансарду. Ярца-Философа я **прогнал** _{PF}, а его отсутствие **объяснил** _{PF} так, что и сам **удивился** _{PF}, что его нет.
 — Не очень хорошо с его стороны, — **сказал** _{AOR} я.
 — Да уж, — **сказала** _{AOR} она.
 — Может, он отправился в обсерваторию, — **сказал** _{AOR} я в его оправдание.
 — А где у вас гитара? — **сказала** _{AOR} она и **окинула** _{AOR} взглядом комнату’.
 Данило Киш. Мансарда, 1962. Цит. по [Зайцева и др. 2003: 226–227]

Как было сказано выше, мы называем форму аориста «фокусирующей» в том случае, когда она маркирует значимые события на пространстве текста. Взятые сами по себе, такие формы демонстрируют одно из рассмотренных нами в подразделе 2.1 значений — «аористное», «миративное» или «результативное». Их «фокусирующая» функция становится заметной лишь в более широком контексте. Таков, например, аорист *нађох* ‘нашел’ в (67).

Рассмотрим приведенные выше примеры из романа [Павић 1993]. Цепочка аористов в (2) на первый взгляд представляет собой просто ряд событий в прошлом. Однако случайно посаженное героиней пятно от вина оказывается симптомом происходящих с ней перемен, ср. (75):

- (75) *На полке она нашла платве с пятном от первого посещения Добрачиной улицы и отнесла его в чистку. «Застань врасплох человека и увидишь животное!» — думала она по пути. — Поэтому, если кто-то застанет врасплох тебя, проследи за тем, что в тебе раньше и быстрее всего отзовется на опасность и неожиданность: голос,*

рука, мысль, взгляд, волосы, слюна, ставшая другой на вкус, или пот, изменивший запах... И постарайся усмирить это, если еще не поздно. Это авангард, передовой отряд, первый знак того, что тебе что-то грозит...»

Дело в том, что тогда, когда был пролит напиток за столом у Симоновичей, в Геро не среагировало ничто или почти ничто, только рука случайно задела стакан и на ней начали необычно быстро расти ногти. Это был единственный тревожный сигнал, который она поняла сейчас, полгода спустя.

[Павич 1999: Г 24]

Упита ‘спросил’ в (23) и излете ‘вырвался’ в (28) были разобраны выше как примеры «миративных» аористов: действие, названное аористом, происходит неожиданно для главной героини, о чем свидетельствует и наречие *изненада* ‘неожиданно, внезапно’. Помимо этого, аористы в данных примерах маркируют события, важные для понимания целого текста. Неожиданный вопрос ученика в (23) вводит тему предначертанной судьбой героине трагической гибели, ср. (76):

(76) — Ты боишься смерти? — неожиданно спросил мальчик у Геро.

— Я о смерти не знаю ничего, кроме того, что я умру в двенадцать часов и пять минут.

— Как это «в двенадцать часов пять минут»?!

— Очень просто. Все Букуры в моей семье были минерами. Мины они устанавливали с таким расчетом, что те взрывались в полдень, и об этом все знали там, где они работали, — на рудниках, на строительстве железной дороги и так далее, поэтому люди всегда прятались, когда начинало бить полдень. Если мина не взрывалась, кто-то из Букуров в двенадцать часов пять минут должен был пойти проверить, что не сработало. Так они обычно и умирали.

— А как же ты умрешь в двенадцать часов пять минут, если ты не минер?

— Очень просто. В двенадцать часов химический институт, в котором я учусь, закрывается. Все опасные опыты, которые нам делать запрещено, я оставляю на после двенадцати и, когда все уходят, зажигаю первую горелку.

[Павич 1999: Г 16–17]

Та же ключевая для романа тема гибели в 12:05 поднимается и в (28), расширенный контекст которого мы приводим в (77):

(77) — Не мостиши више? — злорадо ју је освовила једна колегиница пред факултетом и упитала колико је сати. Хера је открила да не уме да одговори иако је знала колико је сати. Хтела је да продужи уз два рукавца ветра који су долазили са Калемегдана не одговоривши, када јој изненада излете одговор и то у будућем времену:

— Скоро ће бити 12 и пет.

— Пази ти да не заглавиш у 12 и пет; много си нешто расејана — узврати јој колегиница и остави ју забезекнуту. Очигледно, болест Хериног француског језика, који је био паралисан за садашње време, захватала је и њен матерњи језик.

‘— Витаешь в облаках? — злорадно бросила_{PF} ей одна из коллег [по факультету] и спросила_{PF}, который час. Геро обнаружила_{PF}, что не может_{PRES} ответить, хотя и знала_{PF}, который час. Она хотела_{PF}, не ответив, продолжить [путь] вдоль двух потоков ветра, что дули_{PF} с Калемегдана, когда у нее внезапно вырвался_{AOR} ответ, причем в будущем времени:

— Скоро будет_{FUT} двенадцать часов пять минут.

— Смотри, как бы с тобой чего не случилось в двенадцать часов пять минут: уж больно ты сегодня рассеянная, — ответила_{AOR} ей коллега и оставила_{AOR} ее в полнейшем изумлении. Очевидно, болезнь ее французского языка, который был_{PF} парализован [в области] настоящего времени, перекидывалась_{PF} и на ее родной язык’.

[Павић 1993: X 27]

Здесь же поднимается и тема происходящей с героиней перемены, заключающейся в утрате способности использовать времена, не относящиеся к плану будущего. Все три мотива — пятно на платье, неполное владение грамматикой и предназначенная судьбой смерть от взрыва в 12:05 — переплетены в отрывке (78), который мы приводим здесь в русском переводе:

- (78) «Зайду и заплачу, все равно время есть», — **подумала** _{PF} она и так и **сделала** _{PF}. — Вот, готово, — **сказал** _{PF} ей человек из чистки. — Хочу только обратить ваше внимание, что дело было не в пятне. То, что вы считали пятном, вот здесь, с правой стороны, просто было единственное чистое место на платье... «Может быть, этот тип и прав, — **решила** _{PF} Геро, выходя на улицу. — Черт с ней, с этой правой стороной тетради! Все равно она всегда будет грязнее, чем левая!»³⁷ После этого умозаключения Геро **изменила** _{PF} свои планы, и, вместо того чтобы пойти в институт и ровно в двенадцать часов пять минут взорвать его, она **направилась** _{PF} прямо на Добрачину улицу к Симоновичам давать урок французского языка.

[Павич 1999: Г 28–29]

Примечательно, что в этом отрывке нет аористов. Кульминационные события ‘Геро изменила свои планы’, ‘Геро направилась на Добрачину улицу’ выражены формами перфекта. Аористы обращают внимание читателя на важные события, предвосхищая кульминацию. То же можно наблюдать в отрывке (79), где кульминационное событие ‘Деспина и Леандр вперые легли вместе’ выражено перфектом, а события ‘Деспина и Леандр положили в лодку сеть’, ‘Деспина и Леандр поплыли через озеро’ — формами аориста. Данное наблюдение согласуется с обсуждавшимся выше проспективным характером аориста.

- (79) Кроз Охридско језеро **тече** река Дрим **половећи** га. Једне вечери Деспина и Леандр **ставилие** у чамац рибарску мрежу и **отиснуше** се кроз језеро реком која их је у зору **избацила** на другу страну воде. Те ноћи су у чамацу на тој двострукој води, покривени мрежом, први пут **легли** заједно.

‘Через Охридское озеро течет река Дрим, разделяя его на две части. Однажды вечером Деспина и Леандр **положили** _{AOR} в лодку рыбацью сеть и **поплыли** _{AOR} через озеро по реке, которая на заре **доставила** _{PF} их на другой берег. В ту ночь в лодке, [скользящей по] этой двухслойной воде, покрытые сетью, они вперые **легли** _{PF} вместе’.

[Павић 1993: Л 25]

Своего рода «минимальную пару» образуют перфект *показао је* ‘[он] показал’ в (80а) и аорист *показа* ‘[он] показал’ в (80б):

- (80) а. Једнога јутра брат је у неком листу **пронашао** позоришни оглас који је **привукао** његову пажњу и **показао** ми га. Тамо је **писало** да позоришна група ‘Ибик’ **позива** на премијеру представе ‘Љубав и смрт Хере и Леандра’ од Мусеја. — То је нешто о теби — **рекао** ми је у шали и **поишли смо** да набавимо карте.

‘Однажды утром брат **наткнулся** _{PF} в одной из газет на театральное объявление, которое **привлекло** _{PF} его внимание, и **показал** _{PF} его мне. Там **было написано** _{PF}³⁸, что театральная труппа «Ибик» **приглашает** _{PRES} на премьеру спектакля «Любовь и смерть Геро и Леандра» [по поэме] Мусея. — Это про тебя, — **сказал** _{PF} он мне в шутку, и мы **отправились** _{PF} покупать билеты’.

³⁷ В левом столбце тетради Геро записывает глагольные формы будущего времени, а в правом — небудущих времен.

³⁸ В оригинале использована форма активного залога.

- б. *Одустадосмо за тај пут, али после неколико дана брат ми показа новине и у њима отет најављену представу Мусејеве песничке приче о Хери и Леандру.*

‘В тот раз мы **прекратили**_{AOR} [поиски], но несколько дней спустя брат **показал**_{AOR} мне газету и напечатанное в ней [сообщение о] представлении по поэме о Геро и Леандре’.

[Павић 1993: X 51–52, X 55]

Речь в обоих примерах идет о поисках малоизвестного театра в Риме. Но первая попытка найти театр оказывается неудачной (80а), а вторая увенчивается успехом (80б).

Цепочка аористов *отарасисмо се* ‘[мы] избавились’, *одосмо* ‘[мы] отправились’ и *открисмо* ‘[мы] обнаружили’ подготавливает кульминацию — описание зловещего театра. События ‘[мы] вошли в театр’ и ‘[мы] остолбенели’ переданы формами перфекта.

- (81) *Чим се отарасисмо старог господина, брат и ја одосмо на новоозначено одредите и открисмо да тамо доиста постоји ‘целно’ позориште. Пустили су нас да уђемо, али с чуђењем. Ушли смо и скаменили се. Било је то право ‘бродско’ позориште, али од њега је остао само костур. Страва и ужас.*

‘Как только мы с братом **избавились**_{AOR} от старого господина, мы **отправились**_{AOR} по новому адресу и **обнаружили**_{AOR}, что там действительно **есть**_{PRES} «карманный» театр. Нам **разрешили**_{PF} войти, хотя и с удивлением. Мы **вошли**_{PF} и **остолбенели**_{PF}. Это **был**_{PF} настоящий театр-корабль, от которого **остался**_{PF} один скелет. Ужас и жуть’.

[Павић 1993: X 56]

Остановимся на тех случаях, когда фокусирующие аористы встречаются в начале (82) или в финале (83) повествования. (82) открывает «женскую» половину романа-перевертыша — историю Геро, а (83) завершает его «мужскую» половину — повествование о Леандре. Согласно замыслу Павича, «Внутренняя сторона ветра» — это так называемый «роман-перевертыш», обе части которого равноправны. Печатные издания романа представляют собой перевертыши в буквальном смысле: читатель может перевернуть книгу и читать каждую часть по отдельности. Однако по традиции принято начинать чтение с повествования о Леандре; эта половина идет первой в электронных вариантах романа. Если наше предположение верно и аористы в (82–83) маркируют начало и конец произведения, то предпочтительным следует считать обратный порядок чтения: сначала «женская» часть, затем «мужская».

- (82) — *Жена у првом делу свог живота рађа, а у другом убија и сахрањује себе или оне око себе. Питање је када почиње тај други део?*

Са тим мислима студенткиња хемије Херонеја Букур разлуца кувано јаје и поједе га. ‘«Женщина в первой половине своей жизни рождает, а во второй убивает и хоронит себя или своих близких. Вопрос только в том, когда начинается эта вторая половина». С этими мыслями студентка [факультета] химии Геронея Букур **очистила**_{AOR} вареное яйцо и **съела**_{AOR} его’.

[Павић 1993: X 9]

- (83) *Било је дванаест и пет када куле у страшној експлозији одлетеше у ваздух разносећи огањ у којем је нестало Леандрово тело.*

‘**Было**_{PF} двенадцать часов и пять минут, когда [в результате] страшного взрыва **взлетели**_{AOR} на воздух [обе] башни, распространяя огонь, в котором **исчезло**_{PF} тело Леандра’.

[Павић 1993: Л 116]

Этот финальный аккорд возвращает читателя к ключевой теме гибели в 12:05, так как (83) перекликается с (30). «Миративный» аорист *испостави се* ‘выяснилось’ в (30)

привлекает внимание к башням и теме времени: «И *выяснилось* _{АОР}, что петухи на них не показывают одно и то же время».

Тема гибели в 12:05 встречается в примерах (23/76), (28/77), (78), (83), и только в (78) она не поддержана маркированными формами аориста. Эта тема звучит также в (56), где как бы вскользь, в придаточном предложении, упоминается о гибели последнего из рода Букуров. В (56) используется другая маркированная форма глагола — плюсквамперфект.

3.2. Дискурсивные функции плюсквамперфекта

Формы плюсквамперфекта также могут выполнять фокусирующую функцию; в этих случаях плюсквамперфект привлекает внимание читателя к событию, имеющему неочевидные и/или далеко идущие последствия.

Так, в (84), на с. 10 романа, сообщается о том, что отец Леандра «пошел не в свою породу»: его не привлекают традиционные занятия семьи Чихоричей. Род его занятий долгое время остается тайной как для читателя, так и для главного героя. И лишь в (85), на с. 80–81, выясняется, что он зарабатывал на жизнь тем, что хоронил умерших в реке:

- (84) *Од породице био се одродио само Леандров отац, који за грађење кућа није хтео ни да чује.*

‘Только отец Леандра **пошел** _{РОР} не в свою породу — о том, чтобы строить дома, **не хотел** _{РФ} и слышать’.

[Павић 1993: Л 10]

- (85) *В толпе любопытных, множивших число тех, кто дивился быстрому продвижению работ на башне Сандаля, Леандр в тот вечер заметил по другую сторону костра человека, через плечо которого была перекинута сеть с красными узелками. В высоких рыбацких сапогах, он некоторое время мелькал в толпе, а потом, прячась от Леандра, исчез в темноте.*

— Пошел хоронить своих мертвецов в лодках, — заметил кто-то громко, и так наконец узнал Леандр спустя много десятилетий, чем на самом деле занимался его отец и на каком хлебе он сам вырос. На мертвом.

[Павич 1999: Л 72]

В (86) рассказывается о том, что отец успел показать Леандру одну-единственную букву Θ, а из (87–88) становится ясно, какое значение эта буква имела в его жизни:

- (86) *Једнога јутра, баш оног када је отац Чихорић решио да сина подучи писању и та ма н му био показао прво писмено, слово Θ којим почиње реч Теотокос (Богородица), добили су посету.*

‘Однажды утром, как раз тогда, когда отец Чихорич **решил** _{РФ} научить сына письму и едва лишь ему **показал** _{РОР} первую букву, букву Θ, с которой начинается слово «Теотокос» (Богородица), их **посетили** _{РФ} гости’.

[Павић 1993: Л. 14]

- (87) *Обезумевшие и измученные, они расстались навсегда, убежденные, что никогда не смогут соединиться. Когда Леандр со свечой в руке подошел к монастырю, заутреня подходила к концу. Еще до того, как войти в церковь, Леандр заметил, что в этот день в монастыре происходили похороны иконы.*

Икона из Пелагонии была очень старой, но, прежде чем ее положили в могилу и полили вином, Леандр успел разглядеть ее. На ней были представлены Богородица, кормящая Младенца, и мужчина с топором — это был Иоанн Креститель, — стоявший рядом с ними. С детской ножки почти свалилась сандалия, и стоящий рядом

с матерью человек подхватил ремешок, чтобы натянуть его ребенку на пятку; ребенок, почувствовав внезапное прикосновение, прикусил материнскую грудь, она же, поняв, что случилось, посмотрела на мужчину, поправлявшего сандалию.

Так замкнулся круг, непрерывная линия, соединявшая человека, его руку, пятку ребенка, грудь женщины и ее взгляд, обращенный к человеку. Эта линия, которую Леандр охватил взглядом за несколько мгновений до того, как икону засыпала земля, напомнила Леандру ту единственную букву, которую он выучил, — тету, и он подумал: «Значит, все-таки соединение возможно!»

После этого он направился в монастырь, чтобы постричься в монахи.

- (88) *Что-то похожее за время своих путешествий написал и Леандр. Те церкви, которые он построил и оставил после себя, обладали необычным свойством. Их соединяла одна совершенно правильная линия, а отыскать их было проще всего с помощью определенной траектории, которая представляет собой увеличенные до невиданных размеров очертания греческой буквы тета, с которой начинается слово Богородица. Это была та самая буква, которую Леандр выучил на своем первом и единственном уроке письма в ранней молодости и которую он узнал на иконе из Пелагонии. Так он оставил после себя запись на землях между Жичей, Моравой, Смедеревом, Сланкаменом и Дреновицей, изобразив на огромном пространстве своей родины единственную выученную им букву единственным доступным ему способом — топором плотника.*

[Павич 1999: Л 14, Л 25–26]

Таким образом, если рассматривать плюсквамперфект *био је показао* в контексте одного предложения (86), естественнее всего приписать ему антирезультативное значение: отец начал было знакомить Леандра с алфавитом, когда его прервали. Но в контексте целого романа знакомство с буквой Θ становится событием, имеющим значимый результат: единственная выученная буква предопределяет дальнейшую судьбу героя.

Заключение

Плюсквамперфект в современном сербском языке имеет набор значений, которые различным образом реализуют базовое значение предшествования в прошедшем: таксисное (предшествование другому событию в прошлом), значение отдаленного прошлого, антирезультативное (недостигнутый или отмененный результат), а также актуальный результат в прошлом. Как мы постарались показать, это последнее значение плюсквамперфекта сохраняется в современном сербском; в исследованном нами тексте оно реализуется наиболее часто, и оно же лежит в основе дискурсивной функции плюсквамперфекта — обозначать событие, имеющее значимые (и часто неочевидные) последствия, привлекая к ним внимание читателя. Эту функцию мы называем «фокусирующей».

Аорист в современном сербском языке реализует базовое значение перфектива в прошлом, с двумя подзначениями — недавнего прошлого и отдаленного прошлого. Первое значение более характерно для диалога, второе — для нарратива; в языке художественной прозы встречаются оба этих значения. Значение недавнего прошлого, по всей видимости, является для сербского аориста наиболее древним.

Аорист маркирован как форма, выражающая засвидетельствованность, что отличает его от перфективного перфекта, который является немаркированным членом в оппозиции «засвидетельствованность — отсутствие указания на засвидетельствованность». Являясь маркированным членом данной оппозиции, аорист способен выполнять в тексте «динамическую» и «интертекстуальную» функции. Использование аористов в «динамической» функции дает эффект усиления динамики и напряжения текста. В своей

«интертекстуальной» функции аористы используются для создания «текста в тексте». Для этих двух функций характерно нанизывание аористов.

Может сложиться впечатление, что в современном сербском языке аорист, по крайней мере, в некоторых контекстах, взял на себя роль «нового перфекта» в глагольной системе с «расширенным перфектом». Согласно нашим наблюдениям, а также доступной нам литературе, аорист может выражать значения, типологически характерные для перфекта, — anteriорное (событие, имеющее значимый результат) и миративное (указание на новую и неожиданную информацию). Эти значения засвидетельствованы также у усеченного перфекта; но если для усеченного перфекта они являются типологически ожидаемыми [Сичинава 2014], то для аориста представляются нетривиальными.

Нетривиальным является и наличие у аориста «фокусирующей» функции: аорист маркирует значимые события на пространстве текста. В частности, аорист может маркировать начало или конец эпизода или целого текста (82–83, 89):

(89) *Сахранили смо га на старом муслиманском гробљу у Коњицу. Ценетске хурије прихватише његову душу и однесе је у модро небо изнад слеђених херцеговачких чампреса.*

‘Мы похоронили PF его на старом мусульманском кладбище в Конице. Райские гурии подхватили AOR его душу и отнесли AOR ее в голубое небо над заледенелыми герцеговинскими кипарисами’.

М. Капор. Зелена чоја Монтенегра, 1992. Цит. по [Зайцева и др. 2003: 242]

В функции маркера границ эпизода часто выступает плюсквамперфект [Сичинава 2001; Петрухин, Сичинава 2006; Петрухин 2008; Сичинава 2008; Цуканова 2008; Поповић 2012; Сичинава 2013], тогда как для сербского аориста она, по нашему мнению, является лингвоспецифичной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AOR — аорист
 COMPL — комплетив
 COND — кондиционал
 CONV — конверб
 EMPH — эмфаза
 FEM — женский род
 FUT — будущее время
 IMPF — имперфект
 IPFV — имперфектив
 NEUTR — средний род

SG — единственное число
 PASS — пассив
 PAST — прошедшее время
 PF — перфект
 PL — множественное число
 PQP — плюсквамперфект
 PRES — настоящее время
 PROX — ближний дейкис
 PRET — претерит
 VOC — вокатив

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Зайцева и др. 2003 — Зайцева С. В., Стоянович Е., Милютина М. А. (сост.). *Сербская поэзия и проза XX века: Хрестоматия*. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003.
- Михаиловић 1996 — Михаиловић Д. *Сабрана дела. Књига 2*. Београд: Laguna, 1996.
- Павић 1993 — Павић М. *Унутрашња страна ветра, или роман о Хери и Леандру*. Београд: Просвета, 1993.
- Павич 1999 — Павич М. *Внутренняя сторона ветра. Роман о Геро и Леандре*. Пер. с сербского Л. А. Савельевой. СПб.: Азбука, 1999.
- Павич 2000 — Павич М. *Пейзаж, нарисованный чаем*. Пер. с сербского Н. Вагаповой, Р. Грецкой. СПб.: Азбука, 2000.
- Павић 2003 — Павић М. *Невидљиво огледало. Прича за девојчице. Шарени хлеб. Прича за дечаке*. Београд: Дерета, 2003.

- Речник 2011 — *Речник српскога језика. Измењено и поправљено издање*. Николић М. (ред.). Нови Сад: Матица Српска, 2011.
- Kapor 1975 — Kapor M. *Foliranti*. Zagreb: Znanje, 1975.
- Pavić 2002 — Pavić M. *Predeo slikan cajem*. Beograd: DERETA, 2002.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андронов 1987 — Андронов М. С. *Грамматика тамилського языка*. М.: Наука, 1987. [Andronov M. S. *Grammatika tamil'skogo yazyka* [Tamil grammar]. Moscow: Nauka, 1987.]
- Аркадьев 2014 — Аркадьев П. М. Система форм плюсквамперфекта в шапсугском диалекте адыгейского языка. *Вопросы языкознания*, 2014, 4: 46–65. [Arkadiev P. M. The system of pluperfect forms in Shapsug dialect of Adyghe. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 4: 46–65.]
- Ашић, Станојевић 2007 — Ашић Т., Станојевић В. О употреби глаголских времена у разговорном српском језику — зашто аорист ипак опстаје? *Српски језик, књижевност и уметност*. Књ. 1: *Српски језик и друштвена кретања*. Симић Р. (одг. уред.). Крагујевац: Филолошко-уметнички факултет, 2007, 155–170. [Ašić T., Stanojević V. On the use of verb tenses in modern Serbian: Why the aorist still exists. *Srpski jezik, književnost i umetnost*. Book 1: *Srpski jezik i društvena kretanja*. Simić R. (ed.). Kragujevac: FILUM, 2007, 155–170.]
- Барентсен 2015 — Барентсен А. Вид и плюсквамперфект в славянских языках. *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Сб. статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Китаэдэ М. (сост.). Киото: Tanaka Print, 2015, 14–20. [Barentsen A. Aspect and pluperfect in Slavic. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i sstenarii diahronicheskogo razvitiya*. Proc. of the 5th Conf. of the Commission of Aspectology within the International Committee of Slavists. Kitajo M. (comp.). Kyoto: Tanaka Print, 2015, 14–20.]
- Белић 1925–1926 — Белић А. Аорист имперфективних глагола. *Јужнославенски филолог*, 1925–1926, V: 171–182. [Belić A. Aorist of imperfective verbs. *Južnoslavenski filolog*, 1925–1926, V: 171–182.]
- Брой 1998 — Брой В. Сопоставление славянского глагольного вида и вида романского типа (аорист : имперфект : перфект) на основе взаимодействия с лексикой. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. Черткова М. Ю. (отв. ред.). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998, 88–99. [Broi V. Slavic vs. Romance-style aspect (aorist : imperfect : perfect): Interaction with lexical items. *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya*. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998, 88–99.]
- Вельовић 2016 — Вельовић Б. Глаголска времена за казивање прошлих радњи у роману *Бестјелесна* Бранка Брђанина Бајовића. *Наслеђе*, 2016, 35: 45–66. [Veljović B. Tenses expressing past events in the novel *Bestjesna* by B. V. Vajović. *Nasleđe*, 2016, 35: 45–66.]
- Вуковић 1938–1939 — Вуковић Ј. Л. Говор Пиве и Дробњака. *Јужнославенски филолог*, 1938–1939, XVII: 1–114. [Vuković J. L. The dialect of Piva and Drobnyak. *Južnoslavenski filolog*, 1938–1939, XVII: 1–114.]
- Грицкат 1954 — Грицкат И. *О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтаксичким појавама*. Београд: Научна Књига, 1954. [Grickat I. *O perfektu bez pomoćnog glagola u srpskohrvatskom jeziku i srodnim sintaksičkim pojavama* [On the perfect without auxiliary in Serbo-Croatian and related syntactic phenomena]. Belgrade: Naučna Knjiga, 1954.]
- Гудков 1969 — Гудков В. П. *Сербохорватский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарем*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. [Gudkov V. P. *Serbokhorvatskii yazyk. Grammaticheskii ocherk, literaturnyye teksty s kommentariyami i slovarom* [Serbo-Croatian language. A grammatical sketch. Literary texts with comments and a glossary]. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1969.]
- Егорова 2018 — Егорова М. А. О функциях аориста в нарративе сербской прозы. *Проблемы языка: Сб. научных статей по материалам Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (12–14 марта 2018 г.)*. Амелина М. К. и др. (ред.). М.: ИЯз РАН; Канцлер, 2018, 87–102. [Egorova, M. A. On the functions of the aorist in the narrative of Serbian fiction. *Problemy yazyka: Proc. of the 6th Conf. "Language Issues: A Young Scholars' View"* (March 12–14, 2018). Amelina M. K. et al. (eds.). Moscow: Institute of Linguistics; Kantsler, 2018, 87–102.]
- Егорова 2021 — Егорова М. А. О семантике аориста в современном сербскохорватском языке. *Acta linguistica Petropolitana*, 2021, 1: 64–95. [Egorova M. A. On the semantics of the Aorist in modern Serbo-Croatian. *Acta linguistica Petropolitana*, 2021, 1: 64–95.]

- Елизаренкова 1982 — Елизаренкова Т. Я. *Грамматика ведийского языка*. М.: Наука, 1982. [Elizarenkova T. Ya. *Grammatika vedijskogo yazyka* [Vedic Grammar]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Ермакова, Недолужко 2005 — Ермакова М. И., Недолужко А. Ю. Серболужицкий язык. *Языки мира: Славянские языки*. Молдован А. М., Скорвид С. С., Кибрик А. А. и др. (ред.). М.: Academia, 2005, 309–347. [Ermakova M. I., Nedoluzhko A. Yu. Sorbian. *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki*. Moldovan A. M., Skorvid S. S., Kibrik A. A. et al. (eds.). Moscow: Academia, 2005, 309–347.]
- Зализняк 1995 — Зализняк А. А. Берестяной документ XII в. о сборе югорской дани. [Zaliznyak A. A. The twelfth-century birchbark document on collection of Yugorian tribute.] *The language and verse of Russia. In honor of Dean S. Worth. On his sixty-fifth birthday*. Birnbaum H., Flier M. S. (eds.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995, 283–290.
- Зорић 2018 — Зорић С. М. О неким функцијама аориста у роману *Деца бестрагије* Уроша Петровића. *Књижевност за децу у науци и настави*: Зборник радова са научног скупа Јагодина, 21–22. април 2017. Јовановић В., Илић Б. (уред.). Јагодина: Факултет педагошких наука, 2018, 103–111. [Zorić S. M. On some functions of the aorist in the novel *Deca Bestragije* by Uroš Petrović. *Književnost za decu u nauci i nastavi*: Proc. of the conf. in Jagodina, April 21–22, 2017. Jovanović V., Ilić B. (eds.). Jagodina: Pedagogical Faculty, 2018, 103–111.]
- Иванов 1980 — Иванов Вяч. Вс. Структура гомеровских текстов, описывающих психические состояния. *Структура текста*. Цивьян Т. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1980, 81–117. [Ivanov Vyach. Vs. Structure of Homer's texts describing mental conditions. *Struktura teksta*. Tsiv'yan T. V. (ed.). Moscow: Nauka, 1980, 81–117.]
- М. Ивић 1980 — Ивић М. О значењу српскохрватског плусквамперфекта. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, 1980, XXIII(1): 93–100. [Ivić M. On the meaning of the Serbo-Croatian pluperfect. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*, 1980, XXIII(1): 93–100.]
- П. Ивић 1953–1954 — Ивић П. Систем значења основних претериталних времена у говору Галипольских Срба. *Јужнословенски филолог*, 1953–1954, XX(1–4): 229–262. [Ivić P. The system of meanings of the main past tenses in the dialect of Gallipoli Serbs. *Južnoslovenski filolog*, 1953–1954, XX, 1–4: 229–262.]
- П. Ивић 1985 — Ивић П. *Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречеје*. II издање. Нови Сад: Издавачка радна организација Матице српске, 1985. [Ivić P. *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod i štokavsko narečje* [Serbo-Croatian dialectology. Introduction and Stokavian dialects]. 2nd edn. Novi Sad: Matica Srpska, 1985.]
- Керкез 2012 — Керкез Д. Претеритална времена и неочекиваност у српском језику (у поређењу са руским). *Српско језичко наслеђе на простору данашње Црне Горе и српски језик данас*: Зборник радова са Међународног научног скупа одржаног у Херцег Новом 20–23 априла 2012 г. Стојановић Ј. (гл. и одг. уредник). Никшић: Матица Српска у Новом Саду, 2012, 459–468. [Kerkez D. Preterital tenses and unexpectedness in Serbian (in comparison with Russian)]. Stojanović J. (ed.). *Srpsko jezičko nasljeđe na prostoru današnje Crne Gore i srpski jezik danas*: Proc. of the international conf. in Herceg Novi, April 20–23, 2012. Nikšić: Matica Srpska u Novom Sadu, 2012, 459–465.]
- Кречмер, Невекловский 2005 — Кречмер А. Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки). *Языки мира: Славянские языки*. Молдован А. М., Скорвид С. С., Кибрик А. А. и др. (ред. колл.). М.: Academia, 2005, 139–198. [Krechmer A. G., Neveklowski G. The Serbo-Croatian language (Serbian, Croatian, and Bosnian language). *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki*. Moldovan A. M., Skorvid S. S., Kibrik A. A. et al. (eds.). Moscow: Academia, 2005, 139–198.]
- Лотман 1981 — Лотман Ю. М. Текст в тексте. *Труды по знаковым системам XIV*. Лотман Ю. М. (ред.). Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1981, 3–19. [Lotman Yu. M. Text in text. *Trudy po znakovym sistemam XIV*. Lotman Yu. M. (ed.). Tartu: Univ. of Tartu Press, 1981, 3–19.]
- Майсак 2016 — Майсак Т. А. Перфект и аорист в ниджском диалекте удинского языка. *Acta linguistica Petropolitana*, 2016, 2: 315–378. [Maisak T. A. The perfect and the aorist in the Nizh dialect of Udi. *Acta linguistica Petropolitana*, 2016, 2: 315–378.]
- Макарцев 2014 — Макарцев М. М. *Эвиденциальность в пространстве балканского текста*. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. [Makartsev M. M. *Evidentsialnost' v prostranstve balkanskogo teksta* [Evidentiality in the space of Balkan text]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014.]
- Мейе 1951 — Мейе А. *Общеславянский язык*. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1951. Пер. с франц. [Meillet A. *Le slave commun*. Paris: E. Champion, 1924. Transl. into Russian.]
- Митриновић 1997 — Митриновић В. Эквиваленти општег претерита польског и руског језика у савременом српском наративном тексту (статус и функције простих претерита као пандана польских и руских облика прошлог времена у најновијим српсим преводима). *Зборник Матице*

- српске за филологију и лингвистику, 1997, XL(1): 83–96. [Mitrinović V. Equivalents of Polish and Russian general preterite in modern Serbian narrative text. *Zbornik Matice Srpske za filologiju i lingvistiku*, 1997, XL(1): 83–96.]
- Мовчан 2015 — Мовчан Я. Плюсквамперфект в современных славянских языках: на примере болгарского и украинского языков. [Movchan Ya. Pluperfect in modern Slavic languages: Bulgarian and Ukrainian.] *Trends in Slavic studies*. Quero Gervilla E. F., Barros García B., Kopylova T. R. (eds.). Moscow: KRASAND, 2015, 813–826.
- Молошная 1996 — Молошная Т. Н. Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках. *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка*. Николаева Т. М. (отв. ред.). М.: Индрик, 1996, 564–573. [Moloshnaya T. N. Pluperfect in the system of verb forms of modern Slavic languages. *Rusistika. Slavistika. Indoeuropeistika. Sbornik k 60-letiyu A. A. Zaliznyaka*. Nikolaeva T. M. (ed.). Moscow: Indrik, 1996, 564–573.]
- Недялков и др. 1974 — Недялков В. П., Отаина Г. А., Холодович А. А. Диатезы и залог в нивхском языке. *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог*. Холодович А. А. (отв. ред.). Л.: Наука, 1974, 232–251. [Nedyalkov V. P., Otaina G. A., Kholodovich A. A. Diatheses and grammatical voices in Nivkh. *Tipologiya passivnykh konstruktсий. Diatezy i zalogi*. Kholodovich A. A. (ed.). Leningrad: Nauka, 1974, 232–251.]
- Ницолова 2007 — Ницолова Р. Модализованная эвиденциальная система болгарского языка. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой*. Храковский В. С. (отв. ред.). СПб.: Наука, 2007, 107–196. [Nicolova R. Modalized evidential system of Bulgarian. *Evidentsialnost' v yazykakh Evropy i Azii*. Khakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 107–196.]
- Петрухин 2008 — Петрухин П. В. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. Плуноян В. А. (отв. ред.). М.: Гнозис, 2008, 213–240. [Petrukhin P. V. Discursive functions of Old Russian pluperfect: Data of the Kievan and Galician-Volhynian chronicles. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Gnozis, 2008, 213–240.]
- Петрухин, Сичинава 2006 — Петрухин П. В., Сичинава Д. В. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе. *Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова*. Молдован А. М. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2006, 193–214. [Petrukhin P. V., Sitchinava D. V. 'Russian pluperfect' in typological perspective. *Verenitsa liter. K 60-letiyu V. M. Zhivova*. Moldovan A. M. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2006, 193–214.]
- Пипер, Клајн 2013 — Пипер П., Клајн И. *Нормативна граматика српског језика*. Нови Сад: Матица Српска, 2013. [Piper P., Klajn I. *Normativna gramatika srpskog jezika* [Normative grammar of Serbian]. Novi Sad: Matica Srpska, 2013.]
- Пипер и др. 2005 — Пипер П., Антонић И., Ружић В., Танасић С., Поповић Љ., Тошовић Б., Ивић М. (уред.). *Синтакса савременог српског језика. Проста реченица*. Београд: Институт за српски језик САНУ; Београдска књига; Матица српска, 2005. [Piper P., Antonić I., Ružić V., Tanasić S., Popović Lj., Tošović B., Ivić M. (ed.). *Sintaksa savremenog srpskog jezika. Prosta rečenica* [Syntax of modern Serbian: Simple sentences]. Belgrade: Institute for the Serbian Language; Beogradaska knjiga; Matica srpska, 2005.]
- Плуноян 1998а — Плуноян В. А. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. Черткова М. Ю. (отв. ред.). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998, 370–381. [Plungian V. A. Perfective, completive, punctive: Terminology and typology. *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya*. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoj Kul'tury, 1998, 370–381.]
- Плуноян 1998б — Плуноян В. А. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига». *Язык. Африка. Фульбе. Сб. научных статей в честь А. И. Коваль*. Выдрин В. Ф., Кибрик А. А. (ред.). СПб.: Европейский дом, 1998, 106–115. [Plungian V. A. Pluperfect and markers of 'retrospective shift'. *Yazyk. Afrika. Ful'be. Sbornik nauchnykh statej v chest' A. I. Koval'*. Vydrin V. F., Kibrik A. A. (eds.). St. Petersburg: Evropeiskij Dom, 1998, 106–115.]
- Плуноян 2001 — Плуноян В. А. Антирезультатив: до и после результата. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: *Глагольные категории*. Плуноян В. А. (ред.). М.: Русские словари, 2001, 50–88. [Plungian V. A. Antiresultative: Before and after the result. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 1: *Glagol'nye kategorii*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Russkie Slovarei, 2001, 50–88.]

- Плунгян 2003 — Плунгян В. А. *Общая морфология: Введение в проблематику*. Изд. 2-е, исправл. М.: Едиториал УРСС, 2003. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to problematics]. 2nd edn. Moscow: Editorial URSS, 2003.]
- Плунгян 2004 — Плунгян В. А. О контрфактических употреблении плюсквамперфекта. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3: *Ирреалис и ирреальность*. Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). М.: Гнозис, 2004, 273–291. [Plungian V. A. On counterfactual uses of pluperfect. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 3: *Irrealis i irreal'nost'*. Lander Yu. A., Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (eds.). Moscow: Gnozis, 2004, 273–291.]
- Плунгян 2008 — Плунгян В. А. Предисловие: дискурс и грамматика. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. Плунгян В. А. (отв. ред.). М.: Гнозис, 2008, 7–34. [Plungian V. A. Introduction: Discourse and grammar. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Gnozis, 2008, 7–34.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Плунгян 2016 — Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира: Предисловие. *Acta linguistica Petropolitana*, 2016, 2: 7–36. [Plungian V. A. Towards a typology of perfect in the world's languages: An introduction. *Acta linguistica Petropolitana*, 2016, 2: 7–36.]
- Плунгян, Урманчиева 2017 — Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. Перфект в старославянском: был ли он результативным? *Словѣне*, 2017, 2: 13–56. [Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. The perfect in Old Church Slavonic: Was it resultative? *Slověne*, 2017, 2: 13–56.]
- Поповић 2012 — Поповић Љ. Функције плусквамперфекта у савременом српском језику. *Јужнословенски филолог*, 2012, LXVIII: 113–145. [Popović Lj. Functions of pluperfect in modern Serbian. *Južnoslovenski filolog*, 2012, LXVIII: 113–145.]
- Поповић 2014 — Поповић Љ. *Контрастивна граматика украјинског и српског језика: таксис и евиденцијалност*. Београд: САНУ, 2014. [Popović Lj. *Kontrastivna gramatika ukrajinskog i srpskog jezika: taksis i evidencijalnost* [Contrastive grammar of Ukrainian and Serbian: Taxis and evidentiality]. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, 2014.]
- Попович 2015 — Попович Л. Эвиденциальные функции глагольных форм прошедшего времени (аориста, усеченного перфекта, перфекта) в сербском языке. [Popović Lj. Evidential functions of past tenses (Aorist, Truncated Perfect, Perfect) in Serbian.] *Studies on evidentiality marking in West and South Slavic*. Wiener B. (ed.). Munich: Otto Sagner, 2015, 63–88.
- Поповић 2018 — Поповић Љ. О пасивне плусквамперфекта в сербском и других славянских језицима. *Српска славистика*. Том 1: *Језик. Радови српске делегације на XVI међународном конгресу слависта*. Драгићевић Р., Брборић В. (уред.). Београд: Савез славистичких друштва Србије, 2018, 285–301. [Popović Lj. On passive pluperfect in Serbian and other Slavic languages. *Srpska slavistika*. Vol. 1: *Jezik. Radovi srpske delegacije na XVI međunarodnom kongresu slavista*. Dragičević R., Brborić V. (eds.). Belgrade: Union of Slavist Societies of Serbia, 2018, 285–301.]
- Сичинава 2001 — Сичинава Д. В. Плюсквамперфект и ретроспективни сдвиг в языке сантали. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: *Глагольные категории*. Плунгян В. А. (ред.). М.: Русские словари, 2001, 89–114. [Sitchinava D. V. Pluperfect and retrospective shift in Santali. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 1: *Glagol'nye kategorii*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Russkie Slovarei, 2001, 89–114.]
- Сичинава 2008 — Сичинава Д. В. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. Плунгян В. А. (отв. ред.). М.: Гнозис, 2008, 241–274. [Sitchinava D. V. 'Shift of the initial point': Use of some verb forms in the introductive function. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Gnozis, 2008, 241–274.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [Typology of pluperfect. Slavic pluperfect]. Moscow: AST-PRESS, 2013.]
- Сичинава 2014 — Сичинава Д. В. «Длинные» и «короткие» формы на пути грамматикализации «результатив — перфект / эвиденциальность» (материалы к типологии). *Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика*. Плунгян В. А. (гл. ред.). СПб: Алетейя, 2014,

- 232–243. [Sitchinava D. V. ‘Long’ and ‘short’ forms on the grammaticalization cline “resultative — perfect/evidentiality”: Materials for a typology. *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen 'yevicha Kibrika*. Plungian V. A. (ed.). St. Petersburg: Aleteiya, 2014, 232–243.]
- Сичинава 2019 — Сичинава Д. В. Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей. *Вопросы языкознания*, 2019, 1: 30–57. [Sitchinava D. V. Slavic pluperfect: Loci of variation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 1: 30–57.]
- Сладојевић 1953–1954 — Сладојевић П. О имперфекту у српскохрватском језику. *Јужнословенски филолог*, 1953–1954, XX(1–4): 213–228. [Sladojević P. On the imperfect in Serbo-Croatian. *Južnoslavenski filolog*, 1953–1954, XX(1–4): 213–228.]
- Сладојевић 1955–1956 — Сладојевић П. О значењу аориста у српскохрватском језику. *Јужнословенски филолог*, 1955–1956, XXI(1–4): 131–136. [Sladojević P. On the meaning of the aorist in Serbo-Croatian. *Južnoslovenski filolog*, 1955–1956, XXI(1–4): 131–136.]
- Станојевић 2007 — Станојевић В. Аорист у српском и у француском језику: семантичке и прагматичке разлике. *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 2007, 36: 126–136. [Stanojević V. Aorist in Serbian and French: Semantic and pragmatic differences. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, 2007, 36: 126–136.]
- Станојевић 2013 — Станојевић В. Аорист у Ђокићевој *Башти сљезове боје*. *Наука и традиција: Зборник радова са научног скупа одржаног на Филозофском факултету Универзитета у Источном Сарајеву (18–19. 05. 2012)*. Ковачевић М. (уред.). Пале: Филозофски факултет, 2013, 169–182. [Stanojević V. Aorist in Ćopić’s *Bašti Sljezove Boje*. *Nauka i tradicija*: Proc. of the conf. at the Philosophical Faculty of the Univ. of East Sarajevo (May 18–19, 2012). Kovačević M. (ed.). Pale: Philosophical Faculty, 2013, 169–182.]
- Станојчић 2000 — Станојчић Ж. О једном примеру аориста у језику прозе М. Црњанског. *Зборник Матике српске за филологију и лингвистику*, 2000, XLIII: 555–558. [Stanojčić Ž. On one example of the aorist in the language of M. Crnjanski’s prose. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*, 2000, XLIII: 555–558.]
- Стевановић 1967 — Стевановић М. *Функције и значења глаголских времена*. Београд: Научно дело, 1967. [Stevanović M. *Funkcije i značenja glagolskih vremena* [Functions and meanings of verb tenses]. Belgrade: Naučno Delo, 1967.]
- Стевановић 1972 — Стевановић М. Глаголски облици као међусобне синтаксичке опозиције. *Јужнословенски филолог*, 1972, XXIX(1–2): 81–103. [Stevanović M. Verb forms as mutual syntactic oppositions. *Južnoslovenski filolog*, 1972, XXIX(1–2): 81–103.]
- Стевановић 1986 — Стевановић М. *Савремени српскохрватски језик. Граматички системи и књижевнојезичка норма*. I. Увод. *Фонетика. Морфологија*. 5. изд. Београд: Научна књига, 1986. [Stevanović M. *Savremeni srpskohrvatski jezik. Gramatički sistemi i književnojezička norma* [Modern Serbo-Croatian. Grammatical systems and literary norm]. I. *Uvod. Fonetika. Morfologija* [Introduction. Phonetics. Morphology]. 5th edn. Belgrade: Naučna Knjiga, 1986.]
- Стевановић 1989 — Стевановић М. *Савремени српскохрватски језик. Граматички системи и књижевнојезичка норма*. II. *Синтакса*. 4. изд. Београд: Научна књига, 1989. [Stevanović M. *Savremeni srpskohrvatski jezik. Gramatički sistemi i književnojezička norma* [Modern Serbo-Croatian. Grammatical systems and the literary norm]. II. *Sintaksa* [Syntax]. 4th edn. Belgrade: Naučna Knjiga, 1989.]
- Стефановић 1984 — Стефановић С. Приповједачка функција аориста у књижевном дјелу Исака Самоковлије. *Књижевни језик*, 1984, 13(2): 75–86. [Stefanović S. The narrative function of the Aorist in Isak Samokovlija’s literary work. *Književni jezik*, 1984, 13(2): 75–86.]
- Стојановић 2018 — Стојановић С. Б. О основном значењу српског перфекта активне дијатезе и његовој типолошкој класификацији. *Јужнословенски филолог*, 2018, LXXIV(2): 109–138. [Stojanović S. B. On the main meaning of Serbian active perfect and its typological classification. *Južnoslovenski filolog*, 2018, LXXIV(2): 109–138.]
- Стојићевић 1951 — Стојићевић А. *Значење аориста и имперфекта у српскохрватском језику*. [Stojićević A. *Značenje aorista i imperfekta u srpskohrvatskom jeziku* [The meaning of the aorist and imperfect in Serbo-Croatian.]. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1951.]
- Танасић 2005 — Танасић С. Статус плюсквамперфекта у савременом српском језику. *Шести лингвистички скуп „Бошковићеви дани”*. Остојић Б. (уред.). Подгорица: ЦАНУ, 2005, 231–239. [Tanasić S. The status of the pluperfect in modern Serbian. *Šesti lingvistički skup “Boškovićeви dani”*. Ostojić B. (ed.). Podgorica: Montenegrin Academy of Sciences and Arts, 2005, 231–239.]
- Танасић 2020 — Танасић С. Кратак увод у синтаксу глагола српског језика. *Наш језик*, 2020, LI(1): 1–42. [Tanasić S. A brief introduction into the syntax of Serbian verb. *Naš jezik*, 2020, LI(1): 1–42.]

- Толстой 2001 — Толстой И. И. Краткий очерк грамматики сербскохорватского языка. *Сербскохорватско-русский словарь*. 7-е изд. М.: Русский язык, 2001, 687–731. [Tolstoy I. I. A brief sketch of Serbo-Croatian grammar. *Serbskokhorvatsko-russkii slovar'*. 7th edn. Moscow: Russkii Yazyk, 2001, 687–731.]
- Тошович 2006 — Тошович Б. *Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков*. М.: Языки славянской культуры, 2006. [Tošović B. *Ekspressivnyi sintaksis glagola russkogo i serbskogo / khorvatskogo yazykov* [Expressive syntax of the verb in Russian and Serbian / Croatian]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2006.]
- Урманчиева 2021 — Урманчиева А. Ю. Плюсквамперфекты с аористом и имперфектом вспомогательного глагола в Галицкой, Волынской и Суздальской летописях. *Проблемы функциональной грамматики. Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий*. Казаковская В. В., Воейкова М. Д. (отв. ред.). М.: Издательский дом ЯСК, 2021, 167–190. [Urmanchieva A. Yu. Pluperfects with auxiliaries in aorist and imperfect in the Galician, Volhynian, and Suzdal Chronicles. *Problemy funktsional'noi grammatiki. Otnoshenie k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategorii*. Kazakovskaya V. V., Voeikova M. D. (eds.). Moscow: YaSK Publishing House, 2021, 167–190.]
- Храковский 2007 — Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. статей памяти Н. А. Козинцевой*. Храковский В. С. (отв. ред.). СПб.: Наука, 2007, 600–632. [Xrakovskij V. S. Evidentiality, epistemic modality, (ad)mirativity. *Evidentsialnost' v yazykakh Evropy i Azii*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 600–632.]
- Цуканова 2008 — Цуканова В. Л. Соотношение дискурсивных и видовременных значений глагольных форм (на примере анализа кувейтских нарративов). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. Плуноян В. А. (отв. ред.). М.: Гнозис, 2008, 301–316. [Tsukanova V. L. Correlations between discursive and temporal-aspectual meanings of verb forms: A study of Kuwaiti narratives. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Gnozis, 2008, 301–316.]
- Языки мира 2005 — Молдован А. М., Скорвид С. С., Кибрик А. А. и др. (ред. колл.). *Языки мира: Славянские языки*. М.: Academia, 2005. [Moldovan A. M., Skorvid S. S., Kibrik A. A. et al. (eds.). *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the world: Slavic languages]. Moscow: Academia, 2005.]
- Якобсон 1972 — Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Ревзина О. Г. (ред.). М.: Наука, 1972, 95–113. [Jakobson R. O. Shifters, verbal categories and the Russian verb. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya*. Revzina O. G. (ed.). Moscow: Nauka, 1972, 95–113.]
- Якобсон 1985 — Якобсон Р. О. Речевая коммуникация. *Избранные работы*. Якобсон Р. О. М.: Прогресс, 1985, 306–318. [Jakobson R. O. Verbal communication. *Izbrannye raboty*. Jakobson R. O. Moscow: Progress, 1985, 306–318.]
- Anderson 1982 — Anderson L. The 'perfect' as a universal and as a language-particular category. *Tense-aspect: between semantics & pragmatics*. Hopper P. J. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1982, 227–264.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Cristofaro 2004 — Cristofaro S. Past habituals and irrealis. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. Плуноян В. А. (отв. ред.). М.: Гнозис, 2008, 256–272. [Issledovaniya po teorii grammatiki. No. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Gnozis, 2008, 256–272.]
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- DeLancey 1997 — DeLancey S. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information. *Linguistic Typology*, 1997, 1(1): 33–52.
- DeLancey 2001 — DeLancey S. The mirative and evidentiality. *Journal of Pragmatics*, 2001, 33(3): 369–382.
- Dendale, Tasmowski 2001 — Dendale P., Tasmowski L. Introduction: Evidentiality and related notions. *Journal of Pragmatics*, 2001, 33(3): 339–348.
- Fleischman 1990 — Fleischman S. *Tense and narrativity. From Medieval Performance to Modern Fiction*. London: Routledge, 1990.
- Fleischman 1991 — Fleischman S. Toward a theory of tense-aspect in narrative discourse. *The function of tense in texts*. Gvozdanović J., Janssen Th. A. J. M., Dahl Ö. (eds.). Amsterdam: North-Holland, 1991, 75–97.
- Friedman 1986 — Friedman V. A. Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian and Albanian. *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Chafe W., Nichols J. (eds.). Norwood (NJ): Ablex, 1986, 168–187.

- Friedman 2003 — Friedman V. A. Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian. *Studies in evidentiality*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2003, 189–218.
- Güldemann 2008 — Güldemann T. *Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Hock 2012 — Hock H. H. Sanskrit and Pāṇini — core and periphery. *Samśkṛtavimarśaḥ*, 2012, 6: 85–102.
- M. Ivić 1983 — Ivić M. Načini na koje slovenski glagol ovremenjuje ponavljaju radnju. *Lingvistički ogle-di*. Belgrade: Prosveta, 1983, 37–56.
- P. Ivić 1984 — Ivić P. L'évolution de la langue littéraire sur le territoire linguistique serbo-croate. *Revue des études slaves*, 1984, 56(3): 313–344.
- Lazard 1957 — Lazard G. Caractères distinctifs de la langue tadjik. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1957, 54: 117–186.
- Maretić 1963 — Maretić T. *Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*. Zagreb: Matica Hrvatska, 1963.
- Mitrinović 1996 — Mitrinović V. Neka zapažanja o srpskohrvatskom aoristu kao prevodnom ekvivalentu poljskog opšteg preterita u narativnom tekstu. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku* [*Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*], 1996, XXXIX(1): 7–21.
- Petrović 2012 — Petrović M. Le passé simple, le parfait simple et l'aoriste : français, roumain, valaque et serbe. *Langages*, 2012, 4(188): 59–74.
- Plungian 2001 — Plungian V. A. The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of Pragmatics*, 2001, 33(3): 349–357.
- Tatevosov 2001 — Tatevosov S. G. From resultatives to evidentials: Multiple uses of the perfect in Na-kh-Daghestanian languages. *Journal of Pragmatics*, 2001, 33(3): 443–464.
- Thomas 2000 — Thomas P.-L. Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français. *Cahiers Chronos*, 2000, 6: 117–131.
- Thomas 2001 — Thomas P.-L. Conditions d'emploi du plus-que-parfait en serbo-croate (ou serbo croate : bosniaque, croate, serbe). *Revue des études slaves*, 2001, 73 (1): 25–46.
- Thomas, Osipov 2017 — Thomas P.-L., Osipov V. *Grammaire du bosniaque, croate, monténégrin, serbe*. 2e édition revue et corrigée. Paris: Institut d'études slaves, 2017.

Получено / received 18.03.2020

Принято / accepted 29.03.2022

Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики

© 2022

Александр Михайлович Петров

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск,
Россия; hermitage2005@yandex.ru

Аннотация: В статье впервые в стиховедении рассматривается метроритмическая организация поздних русских фольклорных духовных стихов (XIX–XX вв.), созданных по типу четырехстопного хорей с чередованием женских и мужских клаузул и бытовавших не только в устном, но и в письменном виде. Обоснованы критерии отбора фольклорного материала и его подготовки к исследованию. Выборка составила 4447 строк, проанализировано 93 текста. Анализ основывается на принципах «русского метода». Цель статьи — проверка гипотезы о разной ритмической организации строк с женскими и мужскими клаузулами. Согласно этой гипотезе, в женских строках акцентная диссимилиация прогрессивна, в мужских — регрессивна, что подтверждается и некоторыми литературными и фольклорными материалами. Массив строк был дифференцирован по клаузулам (женским и мужским); ритмические тенденции были выявлены на основании раздельного анализа. Выявлен метрический репертуар носителей фольклорной традиции; установлена номенклатура ритмических форм; построены профили ударности; данные представлены в виде 25 таблиц. Исследование показало, что в строках разного типа соблюдается принцип регрессивной акцентной диссимилиации, однако в мужских строках диссимилиация выражена интенсивнее, в женских — слабее. Важной чертой ритмики духовных стихов является обилие переакцентуаций (перебоев в ритме). С учетом подвижности ударений в фольклоре предложено три модели анализа ритма. Первая модель построена на основе гипотезы о регулярных переакцентуациях, вторая — с корректировкой и исключением некоторых случаев переакцентуаций, третья — на основе гипотезы о регулярных сдвигах ударений на метрически сильную позицию, с устранением всех переакцентуаций. Установлено, что адекватная характеристика ритмики фольклорного стиха не требует постоянной «точной настройки». Вполне возможно использование базовой модели с проверкой акцентных дублетов по словарным данным.

Ключевые слова: духовные стихи, метрика, ритмика, стих, фольклор

Благодарности: Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания по плановой теме № 121070800089-0 «Фольклор, рукописная книжность и литература Европейского Севера: источниковедение и поэтика», индивидуальный раздел «Вопросы структуры и типологии русского фольклорного эпического стиха». Выражаю самую глубокую и искреннюю признательность Сергею Евгеньевичу Ляпину за дружескую помощь и подробные консультации; Сергею Григорьевичу Болотову за полезную дискуссию на «Гаспаровских чтениях — 2020»; Екатерине Владимировне Захаровой за библиографическую поддержку; анонимным рецензентам рукописи статьи за полезные и конструктивные советы, замечания и предложения.

Для цитирования: Петров А. М. Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики. *Вопросы языкознания*, 2022, 3: 54–74.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.54-74

Trochaic tetrameter in Russian folk spiritual verses of late tradition: Some issues of metrics and rhythemics

Alexander M. Petrov

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Center,
Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia; hermitage2005@yandex.ru

Abstract: The article represents the first experience in analyzing the metrical and rhythmical organization of Russian folk spiritual verses written in trochaic tetrameter in the 19th–20th centuries. These verses existed not only orally, but in writing as well. The criteria for the selection of folklore material and its preparation for research are substantiated. The sample consists of 4447 lines, 93 texts were analyzed. The analysis is based on the principles of the “Russian method”. The purpose of the article is to test the hypothesis about different rhythmical structure of lines with feminine and masculine endings. According to this hypothesis, accentual dissimilation is progressive in feminine lines and regressive in masculine lines, which is also confirmed by some literary and folklore materials. The array of lines was differentiated by feminine and masculine rhymes; rhythmical tendencies were identified on the basis of a separated analysis. The metrical repertoire of the bearers of the folklore tradition was revealed; the nomenclature of rhythmical forms was identified; accentual profiles were created; the data are presented in 25 tables. The research has shown that in lines of different types the principle of regressive accentual dissimilation is observed, but in masculine lines dissimilation is more intense than in feminine lines. An important feature of the rhythm of spiritual poetry is the abundance of misplaced accents (emphatic syncopations). Taking into account the mobility of stress in folklore, I propose three models of rhythmical analysis. The first model is based on the hypothesis of regular syncopations; the second one proposes the correction and exclusion of some cases of syncopations; the third one takes into account the regular shifts of stress to a metrically strong position, with elimination of all misplaced accents. As far as I could discover, an adequate characteristic of the rhythm of folklore verse does not require constant “fine tuning”. It is quite possible to use the basic model with checking the accentual variants by dictionaries.

Keywords: folklore, metrics, rhythemics, spiritual chants, verse

Acknowledgements: The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, No. 121070800089-0 “Folklore, Handwritten Books and Literature of the European North: Source Study and Poetics”, individual section “Questions of Structure and Typology of Russian Folk Epic Verse”. I express my deepest and sincere gratitude to Sergei Evgenievich Liapin for friendly help and numerous detailed consultations; to Sergei Grigorievich Bolotov for useful discussion at the “Gasparov Readings” in 2020; to Ekaterina Vladimirovna Zakharova for providing me with some important lexicographic sources; to the anonymous reviewers of the manuscript for useful and constructive advice, comments and suggestions.

For citation: Petrov A. M. Trochaic tetrameter in Russian folk spiritual verses of late tradition: Some issues of metrics and rhythemics. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 3: 54–74.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.54-74

1. Введение. Материал исследования

Корпус русских фольклорных духовных стихов составляют произведения, очень разнообразные по происхождению, тематике, структуре (метрике, ритмике).

1. Стихи покаянные: внелитургические книжные тексты так называемой «ранней русской лирики» XV–XVII вв. [Петрова, Серегина 1988], с разной степенью полноты освоенные народной культурой. Известны такие, например, стихи, как «Плач Адама», «Приими мя пустыня» («Стих царевича Иоасафа») и др. Стихи этого типа определяются как «песнопения, отмеченные глубоким лиризмом, проникновением в самую суть духовного бытия. В покаянных стихах заключена философия человека, осознавшего свою ответственность

перед жизнью, природой, мирозданием. В них сформулированы идеи нравственности и человечности, доброты и любви, приоритет духовного над заземленно-бытовым, возвышение нестяжательства и осуждение самоцельного собирания богатств» [Там же: 8]. Одним из древнейших духовных стихов является «Плач Адама»: самый ранний список датируется XV в. [Панченко 1989: 421]. При этом «знание его обнаруживает Даниил Заточник в своем “Молении”» [Селиванов 1995: 16], т. е. «Плач Адама», судя по этому косвенному свидетельству, был известен, возможно, еще в XII в. [Там же]. Нижняя хронологическая рамка истории ранней русской лирики постоянно отодвигается, свидетельство чему — попытка интерпретации одной из надписей-граффито на стене Софийского собора в Великом Новгороде как древнейшего покаянного духовного стиха (XII в.), недавно предпринятая А. А. Гиппиусом [2017]. Специальному стиховедческому изучению корпус этих текстов не подвергался, но можно предположить, что в основном они представляют собой свободный стих, опирающийся на традиции стиха молитвословного. Проблема метрики и ритмики произведений покаянной лирики еще ждет своих исследователей.

2. Книжная силлабика XVII–XVIII вв., также частично вошедшая в фольклорный обиход. Здесь можно назвать такие, к примеру, сочинения, как «Боже Отче всемогущий...» (о царевиче Иоасафе) Симеона Полоцкого (XVII в.) [Панченко, Адрианова-Перетц 1970: 111–115], эпитафия Димитрию Ростовскому (ум. в октябре 1709 г.) авторства Стефана Яворского (1658–1722) [Дмитриев, Лихачев 1994: 270–271], бытовавшая в старообрядческой среде и обычно начинавшаяся зачином «Взираи с прилежанием, тленный человек...» [Казанцева 2014: 297–298] и др. Авторы многих подобных сочинений неизвестны, однако они существенно обогатили русскую литературу (и — опосредованно — русский фольклор) яркими, самобытными произведениями религиозной тематики. В фольклорном бытовании такие силлабические стихотворения могли терять изосиллабизм, превращаясь в чисто тонический стих.

3. Тонические фольклорные стихи (обычно метр таких стихов — дольник, тактовик или акцентный стих [Гаспаров 1997: 84, 93]), бытовавшие в устно-музыкальной форме. Основной массив текстов записан «со слов» или «из уст народа» в XIX–XX вв. Стихи записывались от крестьян, от калек переходящих, их собирали любители-краеведы и профессиональные фольклористы. История собирания и изучения этих стихов хорошо изучена, см., например, [Адрианова 1917: 1–68; Селиванов 1995: 9–14; Мухина 2001]. Тексты частично осели в архивах или малоизвестных журнальных публикациях, частично вошли в состав антологий духовных стихов, опубликованных в XIX в. и позднее, см., в частности, [Киреевский 1848; Варенцов 1860; Бессонов 1861–1864; Ляцкий 1912; 1920; Селиванов 1991; 2004; Соколовы 2007; Кузнецова 2015].

Источниками этих стихов (как, впрочем, и других групп) стали канонические и неканонические (апокрифические) тексты, сочинения отцов церкви, агиография, иконописные произведения, элементы и мотивы церковной литургии в тесном переплетении с мотивами и образами народной мифологии, фольклора [Серёгина, Никитина 2007; Никитина 2014: 47; Денисов 2002; Селиванов 1995: 14–15]. Обычно они представляют собой развернутое сюжетное повествование эпического или лиро-эпического типа. Широкою известностью и распространением получили такие сюжеты, как «Голубиная книга», «Егорий Храбрый», «Мучения Егория», «Два Лазаря», «Алексей, человек Божий», «Иосиф Прекрасный», «Борис и Глеб», ряд эсхатологических стихов и т. д. Названия сюжетов исчисляются десятками, варианты — сотнями. Все они хорошо известны исследователям и любителям фольклора.

4. Поздние стихи, написанные силлабо-тонику: их активно создавали старообрядцы, которые подражали литературным образцам XVIII–XIX вв. В этих стихах сильнее выражено авторское, личное начало, они теснее связаны с литературой. Но они могли входить и в фольклорный обиход, сведения об авторах если и имелись, то утрачивались, произведения бытовали во множестве устных и рукописных вариантов. Обычно они создавались в XIX–XX вв. Это стихотворения о кратковременности человеческого бытия;

об аскетическом подвиге, пустынножительстве, покаянии и т. п. Это также поэтические пересказы ветхозаветных и новозаветных сюжетов. В настоящее время эти стихи доступны исследователям благодаря многочисленным публикациям архивных и экспедиционных материалов, в том числе в специальных сборниках, среди которых можно назвать [Бучилина 1999; Казанцева 2014; Кузнецова 2015; Поздеева 2007; Селиванов 1991; Соколовы 2007].

Приведем некоторые условные названия¹, отражающие тематику таких стихов: «Стих пустынницы», «Стих страдальца», «Стих о прекрасном раю», «Боже, зри мое смирение...», «Завтра, завтра в дом Закхея...», «Слезы ливше о Сионе...», «У небесных птиц есть гнезда...», «Отречение Петра» и т. д.

Сочинителями были хорошо освоены двусложные метры русской поэзии: **хорей** и **ямб**; трехсложные метры встречаются реже, обычно это **амфибрахий** и **анапест**, реже **дактиль** (см. табл. 1). Например: «*Ах ты, птичка и бедняжка, / Птичка милая моя, / Что так рано залетела / В эти дальние края?*» [Кузнецова 2015: 169] (хорей); «*Одно, одно лишь знаю верно / Я о тебе, гора чудес, / Что ты таинственна безмерно / И недалеко от небес*» [Селиванов 1991: 282] (ямб); «*Если постигнут меня испытания, / Скорби, болезни, враги, / В трудный час жизни, / В минуты страданий / Ты мне, молю, помоги!*» [Бучилина 1999: 168] (дактиль); «*Уменьшится вера, угаснет надежда, / В сердцах охладает любовь, / И многие люди тогда соблазняются, / Прольют неповинную кровь*» [Там же: 99] (амфибрахий); «*Встрепенется вся Русь православная. / Загудит ея праздничный звон. / Свечи ярким затеплятся пламенем / У святых Чудотворных Икон*» [Там же: 181] (анапест).

Иногда эти стихотворения немного нескладны: без видимых художественных или каких-либо других ясных причин меняется слоговой объем анакрузы (например, хорейские строки сменяются ямбическими); слоговой интервал стихотворных строк колеблется от силлабо-тонического до тонического (в частности, иногда строки расшатываются до междуиктового интервала, совпадающего с дольником, тактовиком и даже акцентным стихом); встречаются ритмические перебои (переакцентуации) и т. д. Иными словами, версификаторская техника несовершенна. Однако и такие тексты могут быть интересны и полезны, поскольку дают представление о восприятии силлабо-тонической метрики в фольклоре, о «народной» метроритмической имитации литературных эталонов.

Стихи четвертой группы — это и есть духовные стихи «поздней традиции». Материал нашего исследования — именно эти тексты, что определяет новизну работы. Ранее специально стиховедческому обследованию подвергались только духовные стихи третьей группы — тонические фольклорные стихи [Гаспаров 1997]. Метрика и ритмика силлабо-тонических текстов этого жанра специально, насколько нам известно, никем не анализировались².

Стихотворения подобраны из опубликованных научных сборников: [Селиванов 1991; Бучилина 1999; Поздеева 2007; Кузнецова 2015]. Использовалась сплошная выборка; исключены только обрывочные и сильно деформированные, явно дефектные тексты. Последовательному изучению должны подвергнуться все силлабо-тонические метры, однако в рамках статьи целесообразнее сосредоточить внимание на каком-то одном из них.

Мы выбрали **хорей**: в количественном плане он преобладает (см. табл. 1) и предоставляет в наше распоряжение больше фактов, больше стиховой конкретики. Обычный размер — **четырёхстопный хорей** с чередованием женских и мужских клаузул — **X4жмжм**: «*Боже, жизнь мою управи / Всемоущею рукой / И от бед меня избави, / Даруй в пустыне покой!*» [Селиванов 1991: 267]. Именно этот тип подвергся анализу в нашей работе (в таблице 1 выделен курсивом).

¹ Обычно название присваивается составителем сборника или дается по инципиту.

² Для историографической полноты приведем ссылку на статью [Пухова 2011], в которой предпринимается попытка осуществить обзор некоторых силлабо-тонических метров на материале духовных стихов Воронежского края.

Таблица 1

Метрические типы текстов

	Селиванов	Бучилина	Поздеева	Кузнецова	Всего	
Всего текстов	134	187	107 ³	360	788 (786)	
Силлабо-тоника	12	145	30	41	228 (226)	
Хорей	Хорей 3-стопный	1	7	3	2	13
	Хорей 4-стопный ⁴	—	9	5	8	22
	Хорей 4/3 ⁵	—	1	—	—	1
	<i>Хорей 4жмжм</i>	8	52	16 ⁶	19	95 (93)
Ямб	Ямб 3-стопный	—	3	—	—	3
	Ямб 4-стопный	2	27	3	6	38
	Ямб 4/3	—	1	—	—	1
Дактиль	Дактиль 4/3	—	4	—	—	4
Амфибрахий	Амф. 3-стопный	—	12	1	—	13
	Амф. 4-стопный	—	11	2	6	19
	Амф. 4/3	—	6	—	—	6
Анапест	Ан. 2-стопный	—	1	—	—	1
	Ан. 3-стопный	1	9	—	—	10
	Ан. 4/3	—	2	—	—	2
Прочие⁷	122	42	77	319	560	

Фольклорный текст, как ранее указал Дж. Бейли [2001], требует некоторой предварительной подготовки к исследованию. В условиях устного бытования, а также несовершенной техники стихосложения многие строки имеют дефектный характер: часть слов может быть потеряна, отдельные слова оборваны, ритм сбит. В том случае если количество

³ В сборнике [Поздеева 2007] число вариантов больше, поскольку для многих опубликованных текстов в подстрочных комментариях приведены разночтения по разным спискам. Издатели в качестве «основного» («полного») опубликовали наиболее грамотные или наиболее ранние варианты [Там же: 77]. Мы использовали только «полные» варианты; подстрочные «разночтения» пока что не учитывались при подсчетах, хотя в дальнейших исследованиях они обязательно должны быть использованы.

⁴ В эту группу мы включили все стихотворения, написанные любым четырехстопным хореем, кроме Х4жмжм.

⁵ Числовое чередование через косую черту обозначает разностопные строки метра: в данном случае это текст № 187 из сборника [Бучилина 1999]: «А у нас какое счастье, / С нами вечно Бог, / Ни малейшего несчастья, / Никаких тревог» и т. д.

⁶ При подсчетах использовались 14 текстов: №№ 3, 8, 9, 17, 28, 38, 39, 41, 60, 78, 88, 92, 100, 101. Тексты № 94 («Время радости настало...») и № 104 («Чу! Уныло завывает...») исключены из выборки, поскольку эти варианты представляют собой вторичную публикацию из сборников [Бучилина 1999] и [Селиванов 1991]. Они входят в общую источниковую базу и учтены в соответствующих ячейках таблицы.

⁷ Под «прочими» понимаются: 1) **неклассические** метры (тоника: дольник, тактовик, акцентный стих), 2) **силлабические** рукописные тексты, восходящие к виршевой поэзии XVII–XVIII вв., и 3) обрывочные или сильно деформированные тексты с множественными сбоями в метрике и ритмике.

таких строк в отдельном стихотворении приводило к качественным изменениям, мы исключали его из выборки. Например, текст № 196 «Завещание матери» из сборника [Кузнецова 2015: 339–340] представляет собой не хорей, а **дольник**⁸, хотя в его основе лежит чистый хорейский стих «Умоляла мать родная...», варианты которого использованы нами в работе. В качестве небольшой иллюстрации приведем отрывок с указанием междуиктовых интервалов (ударения обозначены при помощи полужирного шрифта): «Умоляла как мать родная (2.21.1, Дк) / Своё милоё дитё (0.13.0, X), / Пред кончиною рыдала (2.3.1, X): / “Ненаглядное моё (2.3.0, X). / Ой не губи ты себя, девица (3.21.1, Дк), / Не плети ты во две косы (2.21.0, Дк), / А будь ты пташачкой крылатой (1.13.1, Я), / Куда захочешь полетишь” (1.13.0, Я)» и т. д. [Кузнецова 2015: 339–340].

Но это единичные случаи. Намного чаще приходится иметь дело с незначительными дефектами, не приводящими к изменению метрики целого стиха. В этом случае мы поступали двояко: 1) либо исключали строку из выборки как не подлежащую метроритмическому анализу, 2) либо прибегали к небольшим конъектурам (таких случаев несколько на весь массив текстов). Например, в стихотворении № 88 «О грехопадении» [Кузнецова 2015: 156–159] исключена из выборки строка «Ведь от этого нам с тобою», совпадающая по междударному интервалу с дольником: «Ведь от этого нам с тобою / Не будет ничего» [Там же: 158]. В этом же тексте конъектуре подверглись строки «В это время отворилась дверь, / И барин к ним вошел» [Там же: 159]; наша правка (со стиховым переносом по типу rejet): «В это время отворилась / Дверь, и барин к ним вошел».

Конечно, в ряде случаев конъектуре могли подвергнуться и другие строки, но мы не рискнули ступить на зыбкую почву «реконструкции подлинного звучания» народного хорей, и, если не были уверены в правильности конъектуры, предпочитали вовсе исключить ту или иную строку из выборки, чем навязывать фольклорному тексту собственное представление о «правильном» метре и размере.

К условно «дефектным» строкам мы отнесли редчайшие случаи пропусков ударения на ударной константе с образованием дактилического окончания. Например: «Тишина настанет в келье, / Окрест темные леса, / Не слышать вокруг пеищеры / Человечья голоса» [Селиванов 1991: 267]⁹; «Мудрья девы поспешили / Зажигать светильники» [Бучилина 1999: 132]; «Если вспомнишь преждни годы, / Слезы сронишь нехотя, / Время мира и свободы, / О прошедших днях грустя» [Там же: 320]; «Все мы зажило готовим / Себе муку вечную, / Мы на временную жизнь / Сменяем бесконечную» [Там же: 325]; «Солнце на небе сияет, / А в душе моей темно, / Всех вокруг обогревает, / Для меня все холодно» [Кузнецова 2015: 179–180].

Возможно, пропуски ударения на ударных константах могли образовываться под влиянием частушечного ритма [Гаспаров 1974: 100], см. также [Петрова 2010]. В то же время в языке фольклора нормы акцентуации не всегда совпадают с литературной нормой. Так, в последнем примере ударение в словоформе «холодно» может сдвигаться на последний слог, что зафиксировано в словаре [Аванесов 1983: 623] с пометой «неправ.». Такое ударение возможно и в духовном стихе, в этом случае пропуска ударения на ударной константе нет. Однако, поскольку таких примеров крайне мало (практически все они приведены выше, это исчерпывающий список на весь корпус текстов), исключение их из выборки на точность расчетов не повлияло.

В табл. 2 представлено: 1) общее число строк во всех 93 текстах; 2) количество «дефектных» строк; 3) оставшееся после исключения «дефектных» количество строк, которое и составило выборку для анализа Х4жмжм в настоящей статье.

⁸ Для определения метра использовалась методика, описанная в [Скулачева 2012].

⁹ Этот текст был ранее опубликован в [Можаровский 1906: 265]. Вариант входит в собрание, составленное А. Ф. Можаровским с 1867 г. Ударение в словоформе «голоса» поставлено Ф. М. Селивановым, у Можаровского указания на акцентуацию нет.

Таблица 2

Количество строк по разным сборникам

	Селиванов	Бучилина	Поздеева	Кузнецова	Всего
Кол-во строк	290	2714	679	1079	4762
«Дефектные»	10	185	72	48	315
Кол-во в выборке	280	2529	607	1031	4447

Следовательно, количество строк, подлежащих анализу, составило после предварительной подготовки текстов 4447. Это строки из стихотворений, написанных четырёхстопным хореем с чередованием женских и мужских клаузул (X4жмжм); каждая строка в выборке в точности соответствует этой метрической модели. Исследование роли «расшатанных» строк в архитектонике таких стихотворений — пока что задача для другой работы.

2. Проблема метода. Обсуждение и результаты

К вопросам метрики и ритмики духовных стихов мы обращаемся не впервые. Однако ранее мы практиковали посюжетный подход, более тяготеющий к литературоведению и фольклористике: исследовалась история стихотворной формы конкретного сюжета от самых ранних до самых поздних его фиксаций [Петров 2020; 2021]. В настоящей статье предлагается смена исследовательской оптики: предпринимается попытка анализа конкретного метра на материале множества сюжетов на ограниченном временном интервале — нижняя хронологическая граница соответствует XIX в. Предполагается, что такой подход внесет некоторый вклад в стиховедческую парадигму, сложившуюся вокруг школы М. Л. Гаспарова и представленную рядом интересных работ подобной тематики на литературном и — частично — фольклорном материале. Эта проблематика разносторонне отражена, например, в регулярных публикациях в сборниках «Славянский стих», «Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова», в недавней подборке статей «Quantitative Approaches to Versification» [QAV 2019], подготовленной к одноименной конференции, состоявшейся в Праге в июне 2019 г. [Pilshchikov, Polilova 2020], и др.

В основе работы лежат принципы «русского метода» (термин Дж. Бейли), широко распространенного в России и редкого за рубежом [Корчагин 2011: 102]. Под «русским методом» понимается «система приемов обработки и анализа стихового и языкового материала, используемая в лингвостатистическом, дескриптивном стиховедении» [Казарцев 2017: 77]. Предлагаемое исследование выполнено в рамках именно этой научной школы.

В современном стиховедении методам анализа уделяется особенное внимание. Это связано с тем, что многие теоретические положения, прежде казавшиеся незыблемыми, уточняются, корректируются, иногда опровергаются. К одному из таких положений относится закон (принцип) **регрессивной акцентной диссимилиации**, открытый и описанный К. Ф. Тарановским [2010а: 325] и объясненный М. А. Красноперовой [1982]. Согласно этому закону, «чаще и реже ударяемые сильные позиции чередуются через одну в направлении от конца строки к началу, при этом различия между ними постепенно уменьшаются за счет ослабления ударности часто ударяемых иктов и усиления акцентуации реже ударяемых S-позиций» [Казарцев 2017: 78]. Однако этот закон в последнее время все чаще подвергается критическому осмыслению. В частности, на пересмотре принципа регрессивной акцентной диссимилиации настаивают С. Е. Ляпин и А. М. Левашов [Левашов и др. 2016; Polilova 2021: 154–155]. С. Е. Ляпин и М. С. Флоринская [2017: 63] указывают на «фиктивность» этого закона. Это стало возможным благодаря постепенному осознанию необходимости как можно большей детализации материала, подвергающегося

стихovedческому анализу. По убеждению Ляпина, «необходимо стремиться к возможно большей дифференцированности данных: по текстам, по жанрам, по признаку строфичности, по клаузулам etc.»¹⁰. Одним из образцов такой «предельной детализации» стали, например, труды М. Червенки, предложившего раздельное описание мужских и женских стихов в чешском ямбе и хорее [Ляпин, Пильщиков 2013: 54]. Применение этого метода к русскому материалу и позволило подвергнуть сомнению закон регрессивной акцентной диссимилиации — по крайней мере, результаты обследования ритмики русского четырехстопного хорая позволяют это сделать [Там же]. По данным С. Е. Ляпина и М. С. Ляпиной (Флоринской), «в мужских строках языковая тенденция “регрессивная”, убывающая по амплитуде, а в женских и дактилических — “прогрессивная”, возрастающая» [Там же].

Цель предлагаемой статьи — проверить указанную гипотезу на нашем материале. Этим обусловлена методика рассмотрения ритмики Х4жмжм. Мы дифференцируем строки с учетом каталектики, по клаузулам: отдельно рассматриваются мужские стихи, отдельно — женские. На материале русских фольклорных духовных стихов это делается впервые; также это и в целом одна из первых попыток дифференцированного анализа ритмики строк с мужскими и женскими клаузулами в стиховедении. Такой подход определяет методологическую новизну работы.

Для классификации ритмических форм используется типология Г. А. Шенгели [1923]. По Г. А. Шенгели, «номенклатура форм и модуляций четырехстопного хорая в точности соответствует номенклатуре четырехстопного ямба; схемы последнего усекаются на один слог в начале стиха» [Там же: 176]. Шенгели детализирует ритмические формы ямба и хорая вплоть до словораздельных вариаций (модуляций), однако для нашей работы такая детализация не является необходимой. Мы ограничиваемся статистикой по клаузулам, поскольку уже этого разделения достаточно для самого общего понимания ритмических процессов в стихе.

Г. А. Шенгели выделяет восемь форм (для ямба) [Там же: 139–141]: I (полноударная): $\cup\cup\cup\cup$, II (с пропуском ударения на первой стопе): $\cup\cup\cup\cup$, III (с пропуском ударения на второй стопе): $\cup\cup\cup\cup$, IV (с пропуском ударения на третьей стопе): $\cup\cup\cup\cup$, V (неупотребительна), VI (с пропуском ударений на первой и третьей стопах): $\cup\cup\cup\cup$, VII (с пропуском ударений на второй и третьей стопах): $\cup\cup\cup\cup$, VIII (неупотребительна).

На аналогичном принципе построена типология ритмических форм четырехстопного ямба, предложенная М. Л. Гаспаровым и Т. В. Скулачевой. Исследователи выделили семь форм со словораздельными вариациями; пятая форма также неупотребительна [Гаспаров, Скулачева 2004: 8].

Эти классификации, как уже было отмечено, пригодны и для анализа ритмики четырехстопного хорая, в т. ч. х4жмжм. Приведем примеры ритмических форм из духовных стихов:

I: «Он спешит Христу отдать» [Бучилина 1999: 93]; II: «Со зверями буду жить» [Селиванов 1991: 267]; III: «Разве близ моей могилы» [Там же: 282]; IV: «Помнит Бога в небесах» [Кузнецова 2015: 128]; VI: «И труда и треволнений» [Бучилина 1999: 106]; VII: «Внутреннюю тишиной» [Там же: 150].

Многие строки в исследуемом материале **предположительно** содержат переакцентуацию — ритмический перебой, когда образуется своего рода «синкопа»¹¹: словесное ударение попадает на метрически слабую позицию, а безударный слог — на метрически сильную. «**Предположительно**» — потому что акцентные нормы в фольклоре подвижны, точное место ударения без указаний собирателя и/или издателя определить не всегда просто.

¹⁰ Из материалов личной консультации, любезно предоставленной С. Е. Ляпиным автору статьи.

¹¹ Термин «синкопа» в стиховедческих исследованиях может использоваться и в другом значении: в рамках деривационного подхода к метрике синкопой называют **усечение** одного или нескольких безударных слогов в метрической схеме. Противоположный процесс — **расширение** стопы (добавление одного или нескольких безударных слогов) [Плунгян 2011: 50]. Мы называем синкопой **ритмический перебой**.

Переакцентуация обычно считается техническим недостатком стиха, но в фольклоре может быть и нормативным элементом поэтики, «эстетизированным» фактом фольклорного языка. Так, в целях имитации ритма народного стиха подобные перебои в своем поэтическом творчестве практиковал А. Н. Радищев [Гаспаров 1984: 82; Wachtel 2020: 69–73]. Обилие ритмических перебоев зафиксировано в русской народной частушке [Тарановский 2010б: 27–28], см. также [Трубецкой 1987: 386]. Ритмический перебой, с уже отчетливо сформировавшимся семантическим ореолом, используется и в русских литературных силлабо-тонических имитациях народного украинского силлабического стиха — коломыйки [Корчагин 2015: 28].

Приведем некоторые примеры строк с гипотетическими перебоями из духовных стихов: «*Взирать буду со слезами / Ко владыке в небеса*» [Селиванов 1991: 267]; «*Воздохни к Богу жалчею, / Что мне нет спокойна дня*» [Там же: 268]; «*Покаяньем в согрешеньях / К Христу Богу привела*» [Там же: 273]; «*Она днем и ночью ходит*» [Бучилина 1999: 347] и т. д. Иногда ударения приведены издателями текстов по рукописям, в этом случае переакцентуация несомненна, ср., например, акцентологические указания к № 72 («*Пустынник о пустыни*») в [Кузнецова 2015: 128–130]: «*Воспой гласом, воспой духом, / Воспой милость всю Ёго, / Ударь в гусьли тонким звуком, / Прославь Бога своёго*» [Там же: 129].

Приняв за основу расчетов гипотезу о регулярных переакцентуациях, мы соответствующим образом определяли и ритмические формы, например: «*Взирать буду со слезами*»: –'–'–'–'–'–' (VI форма); «*Воздохни к Богу жалчею*»: –'–'–'–'–'–' (VI форма); «*К Христу Богу привела*»: –'–'–'–'–' (VI форма); «*Она днем и ночью ходит*»: –'–'–'–'–'–' (II форма) и т. д.

Данные по количественному составу женских и мужских строк представлены в табл. 3¹².

Таблица 3

Мужские и женские клаузулы

	Селиванов	Бучилина	Поздеева	Кузнецова	Всего
Женские	139	1261	297	511	2208
Мужские	141	1268	310	520	2239
Всего					4447

Все строки распределяются по нескольким ритмическим формам; укажем их в отдельных таблицах для каждого сборника с дифференциацией по клаузулам (табл. 4, 5, 6, 7).

Таблица 4

Ритмические формы (РФ) по сборнику [Селиванов 1991]

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	34	39	1	39	26	—	139
Мужские	12	31	1	53	44	—	141

Таблица 5

Ритмические формы (РФ) по сборнику [Бучилина 1999]

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	250	338	6	370	293	4	1261
Мужские	182	273	14	428	367	4	1268

¹² Среди строк с женской клаузулой количество «дефектных» (и исключенных, таким образом, из выборки) незначительно преобладает, этим объясняется неравное количество мужских и женских строк.

Таблица 6

Ритмические формы (РФ) по сборнику [Поздеева 2007]

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	75	67	4	88	63	—	297
Мужские	50	68	3	101	88	—	310

Таблица 7

Ритмические формы (РФ) по сборнику [Кузнецова 2015]

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	98	123	2	165	123	—	511
Мужские	85	120	3	157	155	—	520

Обобщенные данные по строкам с женскими / мужскими клаузулами и по ритмическим формам представлены в таблице 8.

Таблица 8

Обобщенные данные по всем сборникам

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	457	567	13	662	505	4	2208
Мужские	329	492	21	739	654	4	2239

На основании данных, представленных в таблице 8, составлен профиль ударности с дифференциацией по женским и мужским строкам (табл. 9, ср. с данными из работы [Петрова 2010: 199–200]).

Таблица 9

Профиль ударности по женским и мужским строкам

	I икт	II икт	III икт	IV икт	Всего строк
Женские	1136 (51,45 %)	2191 (99,23 %)	1037 (46,96 %)	2208 (100 %)	2208
Мужские	1093 (48,82 %)	2214 (98,88 %)	842 (37,61 %)	2239 (100 %)	2239
Всего строк	2229 (50,12 %)	4405 (99,05 %)	1879 (42,25 %)	4447 (100 %)	4447

Как видно из таблицы, строки и с женскими, и с мужскими клаузулами подчинены действию закона **регрессивной акцентной диссимиляции**. Однако эти строки действительно ведут себя по-разному: среди женских строк третий икт «легче» первого на 4,49%; среди мужских — на 11,21%; без дифференциации — на 7,87%. Иными словами, регрессивная акцентная диссимиляция выражена интенсивнее в строках с мужскими клаузулами; стабильнее в строках с женскими клаузулами.

3. Проблема переакцентуаций

В то же время, как неоднократно отмечалось, нормы акцентуации в фольклоре весьма причудливы. В связи с этим мы можем ошибочно принять за ритмический перебой самую обычную стихотворную стопу с **трансакцентуацией** — искусственным переносом

ударения вслед за метрически сильной позицией. Например, мы не можем быть уверены, что строка «*Казнить ссылкой начертали*» [Селиванов 1991: 272] в устном исполнении не звучала как «*Казнить ссылкой начертали*», как бы странно это ни выглядело. Выявить какие-либо теоретически доказанные закономерности распределения ударений в стиховом фольклоре еще никому не удавалось, но мы располагаем некоторыми эмпирическими данными о тех или иных словоформах. В частности, полезный реестр (мини-словарь) имеется в монографии [Бейли 2010: 414–450]. В связи с этим возникает необходимость внести некоторые корректировки в «идеальные» схемы ритмических форм и профиля ударности. Таких уточнений мы сделали два.

Уточнение 1. Исключение некоторых случаев переакцентуаций с учетом слов, для которых имеются зафиксированные словарные акцентные варианты. Поскольку у нас нет аудиозаписей произведений, мы обратились к следующим словарным и справочным материалам, в том числе к диалектным словарям: [Аванесов 1983; Бейли 2010: 414–450; Даль 1981–1982; БОС; СГРС; СРГК; СРНГ]. В связи с тем, что материалы духовных стихов очень поздние, справочники по нормам древнерусского ударения не использовались (они бы пригодились при исследовании стихов покаянных). Каждая строка с ритмическим перебоем проверялась по всем этим источникам. Для внесения корректировки в расчеты достаточно было даже одного упоминания о нестандартном ударении. Также некоторую помощь могут оказать и другие источники — в частности, сборники духовных стихов: иногда (очень редко) издатели все же расставляют ударения (вопрос об их достоверности может составить предмет отдельной статьи).

Отметим, что диалектные словари необходимо использовать с разумной осторожностью. Так, мы не нашли оснований для того, чтобы жителю Нижегородской области приписать произношение *поши, когда, куда* и т. п., вполне возможное в северной заонежской деревне, диалект которой испытал влияние прибалтийско-финского языкового субстрата [Гринкова 1947].

Также, если мы не ошибаемся, в рамках этой корректировки нет необходимости искусственно сдвигать ударения в местоимениях: *она, меня, тебя, себя* и т. п., а не *она, меня, тебя, себя* и т. п. Едва ли они совсем атонировались; скорее всего, такие местоимения вносят в метрическую схему ослабленное сверхсхемное ударение, ср.: «*Я родился в городе Рима, / Быстро, нежно возрастал, / И отец мой Ефимьянин / Строго меня воспитал. / И так мать меня любила, / Не могла без меня жить. / Когда кончил я ученье, / Меня вздумали женить*» [Бучилина 1999: 213].

Ниже (в табл. 10, 11, 12, 13) представлен исчерпывающий список обнаруженных акцентных вариантов (акцентных дублетов) по каждому сборнику. В колонке «Вариант» в круглых скобках приведены указания на источник сведений о нестандартном ударении. Подчеркнем, что **наличие акцентного варианта вовсе не значит, что сдвиг ударения обязательно был**; но он **теоретически** мог быть (по данным словарей). Именно эта теоретическая возможность и отражена в корректировке.

Таблица 10

**Полный список строк с возможными акцентными вариантами
в текстах из сборника [Селиванов 1991]**

№	Строка с переакцентуацией	Вариант
1	Окрест темные леса, № 104, с. 267	Окрест (Даль)
2	Не меняй волю златую, № 118, с. 284	Воля, волю ¹³ (Бейли)

¹³ В словаре Дж. Бейли [2010: 414–450], к сожалению, не приведены контексты употребления словоформ, однако, судя по ссылкам на источники, имеется в виду «воля» как «свобода, простор в поступках» (Даль). В тексте же духовного стиха «воля» — это «девичий головной убор в виде широкой ленть» [СРНГ]. В этом значении акцентных вариантов нет, ударение ставится на первом слоге. Однако для полноты учета всех возможных вариантов мы приводим и вариант с ударением на втором слоге.

№	Строка с переакцентуацией	Вариант
3	Навек птичка ты крылата, № 118, с. 284	Навек (Даль, Кузнецова ¹⁴)
4	В садах дивные плоды, № 118, с. 284	В саде, сады (Бейли)
5	Всегда ангелы поют, № 118, с. 284	Всёгда (СРНГ)

Таблица 11

**Полный список строк с возможными акцентными вариантами
в текстах из сборника [Бучилина 1999]**

№	Строка с переакцентуацией	Вариант
1	Удалися с души леность, № 47, с. 164	Души (Бейли), род.
2	Ради вдов, ради сирот, № 50, с. 167	Ради (Бейли)
3	У самой руки дрожали, № 78, с. 208	Руки (Бейли), им. мн.
4	В слезах много лет прошло, № 78, с. 208; № 79, с. 214	Слёзах (Бейли), пр. мн.
5	К отцу странником придти, № 78, с. 208	Отцу (Бейли), дат.
6	Взял листок белой бумаги, № 78, с. 209; № 79, с. 214	Белой (Бейли)
7	В руке грамоту держал, № 78, с. 210	Руке (Бейли), пр.
8	Помолившись, письмо взяли, № 78, с. 210	Письмо (Бейли), вин.
9	Пожалей душу свою, № 78, с. 211	Душу (Бейли), вин.
10	Прости сына своего, № 78, с. 211	Прости (Кузнецова ¹⁵)
11	Весной сладко не поешь, № 97, с. 271	Вёсной (Бейли), твор.
12	Отца, мать не почитают, № 138, с. 325	Отца (Бейли), вин.
13	В домах шапки не снимают, № 139, с. 326	Домах (Бейли), пр.
14	Бог сына на землю слал, № 140, с. 327	Сына (Бейли), вин.
15	Смерть с грехом к людям явилась, № 155, с. 347	Людям (Бейли), дат.
16	Отца, мать не почитал я, № 159, с. 352	Отца (Бейли), вин.
17	Слезу выронит, вздохнет, № 167, с. 362	Слёзу (Бейли), вин.
18	И на гроб руки чужие, № 169, с. 363; № 170, с. 365	Руки (Бейли), им.
19	Помянуть душу в мольбах, № 170, с. 366	Душу (Бейли), вин.
20	Разлучилась душа с телом, № 170, с. 366	Душа (Бейли), им.
21	Для души только одной, № 170, с. 366	Только (Бейли)
22	Дала Господу обет, № 173, с. 371	Дала ¹⁶ (БОС), неправ.
23	Не меняй волю златую, № 174, с. 371; № 175, с. 372; № 176, с. 372	Волю (Бейли)
24	В садах дивные плоды, № 174, с. 371; № 176, с. 372	В саде, сады (Бейли)

¹⁴ Навек [Кузнецова 2015: 164].

¹⁵ Прости [Кузнецова 2015: 273].

¹⁶ Словоформа «дала» с ударением на первом слоге сопровождается в словаре пометой «неправ.», однако в языке фольклора просторечные и неправильные формы вполне возможны. Если составители словаря посчитали необходимым указать на существование такой формы, то мы также включили ее в состав потенциальных акцентных вариантов.

Таблица 12

**Полный список строк с возможными акцентными вариантами
в текстах из сборника [Поздеева 2007]**

№	Строка с переакцентуацией	Вариант
1	Весной слатко не поешь, № 3, с. 91	Вёсной (Бейли), твор.
2	Хотя добрых людей много, № 3, с. 91	Людей (Бейли), род. мн.
3	Цари наши брали дани, № 78, с. 257	Цари (Бейли), им. мн.
4	Не меняй волю златую, № 88, с. 276	Волю (Бейли)
5	Въ садахъ дивные плоды, № 88, с. 276	В саде, сады (Бейли)
6	Онъ подасть помощь премногу, № 92, с. 288	Помочь (Бейли), им.
7	Жена Лота оглянулась, № 8, с. 103	Жёна (Бейли), им.

Таблица 13

**Полный список строк с возможными акцентными вариантами
в текстах из сборника [Кузнецова 2015]**

№	Строка с переакцентуацией	Вариант
1	Не меняй волю златую, № 60, с. 107	Волю (Бейли)
2	Навек птичка ты крылата, № 60, с. 108	Навек (Даль, Кузнецова)
3	Не теряй воли златыя, № 68, с. 122	Воля (Бейли)
4	В садах дивныя плоды, № 68, с. 123	В саде, сады (Бейли)
5	Всегда ангелы поют, № 68, с. 123	Всёгда (СРНГ)
6	Навек птицька ты крылата, № 75, с. 135	Навек (Даль, Кузнецова)
7	Весной сладко не поешь, № 98, с. 169	Вёсной (Бейли), твор.
8	В Москве-городе жила, № 103, с. 175	Москве (Бейли), пр.
9	Среди лета, средь жары, № 103, с. 177	Среди (Бейли)
10	Отцы, братья, подивитесь, № 103, с. 177	Отцы (Бейли), им. мн.
11	Душа стонет и болит, № 105, с. 180	Душа (Бейли)

На основании этих данных мы пересчитали частотность в номенклатуре ритмических форм и представили уточненные данные по каждому сборнику с дифференциацией по клаузулам (табл. 14, 15, 16, 17).

Таблица 14

Ритмические формы (РФ) по сборнику [Селиванов 1991] по данным Уточнения 1

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	35	39	1	39	25	—	139
Мужские	12	31	1	56	41	—	141

Таблица 15

Ритмические формы (РФ) по сборнику [Бучилина 1999] по данным Уточнения 1

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	253	347	6	370	281	4	1261
Мужские	186	274	13	435	356	4	1268

Таблица 16

Ритмические формы (РФ) по сборнику [Поздеева 2007] по данным Уточнения 1

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	77	68	4	88	60	—	297
Мужские	50	68	3	102	87	—	310

Таблица 17

Ритмические формы (РФ) по сборнику [Кузнецова 2015] по данным Уточнения 1

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	100	123	2	166	120	—	511
Мужские	85	120	3	163	149	—	520

Скорректированные, согласно Уточнению 1, обобщенные данные по строкам с женскими / мужскими клаузулами и по ритмическим формам представлены в таблице 18. Уточненный профиль ударности см. в таблице 19.

Таблица 18

Скорректированные обобщенные данные по всем сборникам (Уточнение 1)

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	465	577	13	663	486	4	2208
Мужские	333	493	20	756	633	4	2239

Таблица 19

Профиль ударности по женским и мужским строкам (Уточнение 1)

	I икт	II икт	III икт	IV икт	Всего строк
Женские	1145 (51,86 %)	2191 (99,23 %)	1055 (47,78 %)	2208 (100 %)	2208
Мужские	1113 (49,71 %)	2215 (98,93 %)	846 (37,78 %)	2239 (100 %)	2239
Всего строк	2258 (50,78 %)	4406 (99,08 %)	1901 (42,75 %)	4447 (100 %)	4447

Следовательно, принцип регрессивной акцентной диссимилиации соблюдается в женских и мужских строках и после коррекции расчетов, с исключением некоторых случаев переакцентуаций. В женских строках третий икт «легче» первого на 4,08 %, в мужских — на 11,93 %; без дифференциации — на 8,03 %. Здесь, как мы видим, в строках с мужскими клаузулами регрессивная акцентная диссимилиация также более интенсивна.

Уточнение 2. Экспериментальная корректировка с предположением, что переакцентуаций нет; ударение сдвигается на метрически сильную позицию во всех случаях (кроме случаев, отмеченных особо, например, [Кузнецова 2015: 128–130, 135–136]). Это более радикальный подход, в его основе — представление о том, что в языке фольклора «всё может быть»; ударения могут искусственно переноситься на любое место в словоформе, если это помогает поддерживать стихотворный ритм [Штокмар 1952: 201].

В рамках этой корректировки снимаются все ограничения; трансакцентуации подлежат любые словоформы: «Скоро будешь сиротою, / Цвети в поле ты одна» [Селиванов 1991: 284]; «Тогда ангел твой хранитель / С тобой рядышком пойдет» [Бучилина 1999: 146]; «Я младенец лишь делами, / Помрачился суетой, / Хотя зрелый я летами / Ищу милости святой» [Там же: 164] и т. д. и т. п.

Уточненные данные представлены в табл. 20, 21, 22, 23.

Таблица 20

Ритмические формы (РФ) по сборнику [Селиванов 1991] по данным Уточнения 2

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	38	41	1	40	19	—	139
Мужские	17	28	1	60	35	—	141

Таблица 21

Ритмические формы (РФ) по сборнику [Бучилина 1999] по данным Уточнения 2

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	286	346	6	400	219	4	1261
Мужские	206	285	13	480	283	1	1268

Таблица 22

Ритмические формы (РФ) по сборнику [Поздеева 2007] по данным Уточнения 2

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	91	66	4	99	37	—	297
Мужские	59	66	3	115	67	—	310

Таблица 23

Ритмические формы (РФ) по сборнику [Кузнецова 2015] по данным Уточнения 2

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	116	119	2	179	95	—	511
Мужские	91	124	3	176	126	—	520

Обобщенные данные с учетом коррекции представлены в табл. 24. Профиль ударности по данным Уточнения 2 представлен в табл. 25.

Таблица 24

Скорректированные обобщенные данные по всем сборникам (Уточнение 2)

РФ	I	II	III	IV	VI	VII	Всего
Женские	531	572	13	718	370	4	2208
Мужские	373	503	20	831	511	1	2239

Таблица 25

Профиль ударности по женским и мужским строкам (Уточнение 2)

	I икт	II икт	III икт	IV икт	Всего строк
Женские	1266 (57,34 %)	2191 (99,23 %)	1116 (50,54 %)	2208 (100 %)	2208
Мужские	1225 (54,71 %)	2218 (99,06 %)	896 (40,02 %)	2239 (100 %)	2239
Всего строк	2491 (56,02 %)	4409 (99,15 %)	2012 (45,24 %)	4447 (100 %)	4447

Таким образом, после второй корректировки и женские, и мужские строки подчиняются прежней тенденции. В женских строках третий икт слабее первого на 6,8 %, в мужских — на 14,69 %; без дифференциации — на 10,78 %. Тенденция к усилению регрессивной акцентной диссимилиации в строках с мужскими клаузулами, как и в двух моделях, представленных выше, сохраняется.

Следовательно, на данном материале закономерность, выявленная С. Е. Ляпиным и М. С. Ляпиной (Флоринской), **прослеживается частично**. Ритмика строк с женскими и мужскими клаузулами действительно отличается: в строках с мужскими клаузулами регрессивная акцентная диссимилиация выражена сильнее. Однако тренд на прогрессивную акцентную диссимилиацию выявлен не был. Наши результаты несколько расходятся и с результатами исследования ритмики четырехстопного хоря русской народной частушки [Петрова 2010], в которой «строки с мужским и женским окончаниями ведут себя по-разному. Катаlecticские строки демонстрируют регрессивную акцентную диссимилиацию <...> Строки же с женским окончанием в своем ритме либо прогрессивно-диссимилиативны <...> либо “стабильны”» [Там же: 203–204].

Судя по тем материалам, которые обследовали мы, находит подтверждение гипотеза К. Ф. Тарановского [2010в: 539], что «закон регрессивной акцентной диссимилиации <...> действует и в народном стихе». Однако здесь необходима определенная осторожность, поскольку в четырехстопном хорее с **дактилическим окончанием** народных свадебных песен и причитаний ранее была отмечена тенденция к диссимилиации **прогрессивной** [Бейли 2010: 278–280].

По всей видимости, характер акцентной диссимилиации в фольклоре зависит не только от типа клаузулы, но и от других факторов. Что это за факторы, пока не вполне ясно, но, скорее всего, определенную роль играет жанровая дифференциация фольклорного языка: например, частушка и духовный стих трудно сопоставимы. Вероятно, значимым фактором могла стать зависимость духовного стиха от литературных источников, от литературной техники версификации. Более отчетливую картину мы получим после специального, подробного изучения метрики и ритмики всех стихотворных жанров фольклора. Ряд таких исследований еще только предстоит осуществить.

Заключение

В статье был впервые представлен метроритмический анализ четырехстопного хоря с чередованием женских и мужских клаузул (X4жмжм) на материале русских фольклорных духовных стихов поздней традиции (XIX–XX вв.). Количество строк в выборке составило 4447. Массив строк анализировался с учетом катаlecticтики: строки с женскими и мужскими клаузулами были рассмотрены раздельно. Это одна из первых попыток дифференцированного анализа ритмики в стиховедении (в рамках «русского метода»)

и первая — на материале русского фольклорного духовного стиха. Такой подход обусловлен необходимостью вернуться к дискуссии о **регрессивной акцентной диссимилиации** — одном из универсальных законов функционирования стиха. В последнее время этот закон, открытый еще К. Ф. Тарановским, подвергается критическому переосмыслению; новые данные позволяют сформулировать проблему «фиктивности» этого закона (С. Е. Ляпин, А. М. Левашов).

Проведенное исследование показало, что в духовных стихах поздней традиции, написанных четырехстопным хореем с чередованием женских и мужских клаузул, принцип регрессивной акцентной диссимилиации **соблюдается** независимо от типа клаузулы. Попытка обнаружить корреляцию между типом клаузулы и характером профиля ударности оказалась **частично успешной**: интенсивность регрессивной акцентной диссимилиации в строках с мужскими клаузулами выражена сильнее; с женскими — слабее. Однако тенденция к прогрессивной диссимилиации не обнаружена ни в одном из типов строк.

Поскольку мы имеем дело с варьирующимся фольклорным текстом, в котором нормы акцентуации очень расплывчаты, мы предложили три модели анализа: основную и две уточненных, альтернативных (последняя носит скорее экспериментальный характер и демонстрирует едва ли возможный радикальный подход к ударениям в языке фольклора). Для фольклорного стиха это сделано впервые: обычно конструируется одна модель, что сужает возможности аналитического описания метрики и ритмики. В нашем случае необходимость в разных моделях обусловлена обилием переакцентуаций (ритмических перебоев) в духовных стихах.

Основная модель построена на предположении о регулярных переборах в ритме. Первая уточненная модель (**уточнение 1**) базируется на предположении, что в ряде случаев переакцентуации нет, поскольку в фольклоре (или диалекте, или просторечии) ударение может подтягиваться за метрически сильной позицией. Вторая уточненная модель (**уточнение 2**) учитывает вероятность полной свободы ударений в фольклоре и основывается на гипотезе об отсутствии переакцентуаций.

Во всех трех случаях конкретные результаты расчетов могут различаться, но общий принцип регрессивной акцентной диссимилиации соблюдается строго.

По-видимому, для характеристики фольклорного стиха вполне достаточно использовать основную модель с верификацией по словарным данным наиболее спорных случаев.

Только включение в выборку новых материалов и более подробный анализ ритмики (с типологией словораздельных вариаций) позволят судить о ритмических процессах в фольклорном стихе более определенно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аванесов 1983 — *Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы*. С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под ред. Р. И. Аванесова. М.: Русский язык, 1983.
- Бессонов 1861–1864 — Бессонов П. А. *Калекы переходные: Сб. стихов и исследование*: В 2 ч. Ч. 1. Вып. 1–3. М.: Тип. А. Семена, 1861; Ч. 2. Вып. 4–6. М.: Тип. Бахметева; Тип. Лазаревск. ин-та вост. яз., 1863–1864.
- БОС — Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. *Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты*. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018.
- Бучилина 1999 — *Духовные стихи. Канты: сборник духовных стихов Нижегородской области*. Сост., вступ. статья, подг. текстов, исслед. и коммент. Е. А. Бучилиной. М.: Наследие, 1999.
- Варенцов 1860 — *Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым*. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1860.
- Даль 1981–1982 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–2. М.: Русский язык, 1981; Т. 3–4. М.: Русский язык, 1982.

- Дмитриев, Лихачев 1994 — *Памятники литературы Древней Руси. XVII век*. Кн. 3. Сост. и общая ред. серии Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Художественная лит-ра, 1994.
- Казанцева 2014 — *Духовные стихи в рукописных сборниках старообрядцев филипповского согласия (по материалам Кемеровского территориального собрания ГПНТБ СО РАН)*. Сост., вступ. ст., коммент. и описание рукописей Т. Г. Казанцевой. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2014.
- Киреевский 1848 — *Русские народные песни, собранные Петром Киреевским*. Ч. 1: *Русские народные стихи*. М.: Университетская типография, 1848.
- Кузнецова 2015 — *Духовные стихи Русского Севера*. Сост. В. П. Кузнецова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015.
- Ляцкий 1912 — *Стихи духовные. Словеса золотые*. Вступ. ст. Е. А. Ляцкого. СПб.: Издание т-ва «Огни», 1912.
- Ляцкий 1920 — *Русь страждущая: Стихи народные о любви и скорби. Венец многоцветный*. Вступ. ст. Е. А. Ляцкого. Стокгольм: Северные огни, 1920.
- Можаровский 1906 — *Духовные стихи старообрядцев Поволжья*. Собрал и записал А. Ф. Можаровский. *Этнографическое обозрение*, 1906, 3–4: 242–302.
- Панченко, Адрианова-Перетц 1970 — *Русская синлабическая поэзия XVII–XVIII вв.* Вступ. ст., подг. текста и примеч. А. М. Панченко, ред. В. П. Адрианова-Перетц. Л.: Советский писатель, 1970.
- Петрова, Серегина 1988 — *Ранняя русская лирика: репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV–XVII веков*. Сост. Л. А. Петрова, Н. С. Серегина. Л.: Библ. АН СССР, 1988.
- Поздеева 2007 — *Кому повем печаль мою: духовные стихи Верхотамья: Исследования и публикации*. Под ред. И. В. Поздеевой. М.: Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007.
- СГРС — *Словарь говоров Русского Севера*. Авт.-сост. Ю. В. Алабугина и др. Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1994–2005.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng> (дата обращения: 11.10.2021).
- Селиванов 1991 — *Стихи духовные*. Сост., вступ. ст., подг. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Советская Россия, 1991.
- Селиванов 2004 — *Народные духовные стихи*. Сост., вступ. ст., подг. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Русская книга, 2004.
- Соколовы 2007 — *Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых: 1926–1928: По следам Рыбникова и Гильфердинга*: В 2 т. Т. 1: *Эпическая поэзия*. Отв. ред. В. М. Гацак. М.: Наука, 2007.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Адрианова 1917 — Адрианова В. П. *Житие Алексия человека Божия в древней русской литературе и народной словесности*. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К°, 1917. [Adrianova V. P. *Zhitie Aleksiya cheloveka Bozhia v drevnei russkoi literature i narodnoi slovesnosti* [*The Life of Alexis, the Man of God in Old Russian literature and folklore*]. Petrograd: Ya. Bashmakov & Co., 1917.]
- Бейли 2001 — Бейли Дж. Метрический инвариант. *Избранные статьи по русскому народному стиху*. Бейли Дж. Пер. с англ. М.: Языки русской культуры, 2001, 27–78. [Bailey J. The metrical invariant in a Russian lyric folk song. *Russian verse theory*: Proc. of the 1987 Conf. at UCLA. Scherr B. P., Worth D. S. (eds.). Columbus (OH): Slavica Publ., 1989, 23–56. Transl. into Russian.]
- Бейли 2010 — Бейли Дж. *Три русских народных лирических размера*. Пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2010. [Bailey J. *Three Russian lyric folk song meters*. Columbus (OH): Slavica Publ., 1993. Transl. into Russian.]
- Гаспаров 1974 — Гаспаров М. Л. *Современный русский стих: Метрика и ритмика*. М.: Наука, 1974. [Gasparov M. L. *Sovremenniy russkii stikh: Metrika i ritmika* [Modern Russian verse: Meter and rhythmic]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Гаспаров 1984 — Гаспаров М. Л. *Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика*. М.: Наука, 1984. [Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [A brief history of Russian verse: Meter, rhythmic, rhyme, stanzas]. Moscow: Nauka, 1984.]
- Гаспаров 1997 — Гаспаров М. Л. *Русский народный стих и его литературные имитации*. Гаспаров М. Л. *Избранные труды*: В 4 т. Т. 3: *О стихе*. М.: Языки русской культуры, 1997, 54–131.

- [Gasparov M. L. Russian folk verse and its literary imitations. *Izbrannye trudy*: In 4 vols. Vol. 3: *O stikhe*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1997, 54–131.]
- Гаспаров, Скулачева 2004 — Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. *Статьи о лингвистике стиха*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i o lingvistike stikha* [Essays in linguistics of verse]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2004.]
- Гиппиус 2017 — Гиппиус А. А. «Зло видучи, а добра не видучи»: поэтика и грамматика древнейшего русского покаянного стиха. [Gippius A. A. “Seeing evil and not seeing good”: Poetics and grammar of the oldest East Slavic penitential verse.] *Russian Linguistics*, 2017, 41: 261–282. <https://doi.org/10.1007/s11185-017-9185-1>.
- Гринкова 1947 — Гринкова Н. П. К изучению олонетских диалектов. *А. А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов*. Обнорский С. П. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947, 365–390. [Grinkova N. P. Towards the study of Olonets dialects. *A. A. Shakhmatov. 1864–1920. Sbornik statej i materialov*. Obnorskii S. P. (ed.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1947, 365–390.]
- Денисов 2002 — Денисов А. В. Литургические источники некоторых духовных стихов о страстях Христовых. *Живая старина*, 2002, 4: 19–22. [Denisov A. C. Liturgical sources of some spiritual verses on Passion of Jesus. *Zhivaya starina*, 2002, 4: 19–22.]
- Казарцев 2017 — Казарцев Е. В. *Сравнительное стиховедение: метрика и ритмика*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. [Kazartsev E. V. *Sravnitel'noe stikhovedenie: metrika i ritmika* [Comparative verse studies: Meter and rhythmicity]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical Univ. Press, 2017.]
- Корчагин 2011 — Корчагин К. М. Современные зарубежные исследования метрики. *Вопросы языкознания*, 2011, 4: 90–115. [Korchagin K. M. Contemporary studies in metrics abroad. *Voprosy Jazykoznanija*, 2011, 4: 90–115.]
- Корчагин 2015 — Корчагин К. М. Начальные переакцентуации (перебои) в русских двусложных размерах (типология и история). *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2015, 74(1): 19–29. [Korchagin K. M. Initial accent shifts in Russian disyllabic meters: Typology and history. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2015, 74(1): 19–29.]
- Красноперова 1982 — Красноперова М. А. К вопросу о законе регрессивной акцентной диссимиляции и его причинах. [Krasnoperova M. A. On the law of regressive accentual dissimilation and its causes.] *Russian Literature*, 1982, XII.2: 217–225.
- Левашов и др. 2016 — Левашов А. М., Мильчина В. А., Мостовая В. Г., Полилова В. С. Гаспаровские чтения — 2015. *Новое литературное обозрение*, 2016, 1. [Levashov A. M., Mil'china V. A., Mostovaya V. G., Polilova V. S. Gasparov readings — 2015. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, 1. <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/1/gasparovskie-chteniya-2015.html>.
- Ляпин, Пильщиков 2013 — Ляпин С. Е., Пильщиков И. А. О трудах Мирослава Червенки по теории и истории стиха (к выходу первого русского издания его работ). *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2013, 72(3): 53–65. [Lyapin S. E., Pil'shchikov I. A. On Miroslav Červenka's works in theory and history of verse (on the occasion of the first publication of his writings in Russian). *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2013, 72(3): 53–65.]
- Ляпин, Флоринская 2017 — Ляпин С. Е., Флоринская (Ляпина) М. С. Русский четырехстопный хорей: ритм — язык — проблема типологии. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2017, 11: 63–75. [Lyapin S. E., Florinskaya (Lyapina) M. S. Russian trochaic tetrameter: Rhythm — language — problem of typology. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2017, 11: 63–75.]
- Мухина 2001 — Мухина Е. А. Из истории изучения духовных стихов. *Язык и поэтика фольклора*: Доклады международной конференции. Тарланов З. К. (ред.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2001, 169–177. [Mukhina E. A. From the history of study of spiritual verses. *Yazyk i poetika fol'klora*: Proc. of the international conf. Tarlanov Z. K. (ed.). Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2001, 169–177.]
- Никитина 2014 — Никитина С. Е. *Устная народная культура и языковое сознание*. 2-е изд. М.: Ленанд, 2014. [Nikitina S. E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral folk culture and linguistic consciousness]. 2nd edn. Moscow: Lenand, 2014.]
- Панченко 1989 — Панченко А. М. Стихи покаянные. *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2: *Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2*. Л.: Наука, 1989, 421–423. [Panchenko A. M. Penitential verses. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. No. 2: *Vtoraya polovina XIV–XVI v. Part 2*. Leningrad: Nauka, 1989, 421–423.]
- Петров 2020 — Петров А. М. От латинской новеллы к русскому духовному стиху: из истории одного фольклорного сюжета. *Вестник СПбГУ. Язык и литература*, 2020, 17(2): 172–195. [Petrov A. M.

- From the Latin short story to the Russian spiritual verse: From the history of one folk plot. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*, 2020, 17(2): 172–195.] <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.202>.
- Петров 2021 — Петров А. М. Духовные стихи о царевиче Иоасафе: состав сюжетов и метрические модели. *Антропологический форум*, 2021, 49: 88–131. [Petrov A. M. Spiritual verses about Tsarevich Joasaph: Plots and metrical models. *Antropologicheskij forum*, 2021, 49: 88–131.] <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-49-88-131>.
- Петрова 2010 — Петрова А. А. Ритмический строй северной частушки. Опыт полевого стиховедения. *Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития*. Материалы Международной научной конференции. Богданов С. И., Хворостьянова Е. В. (ред.). СПб.: СПбГУ, 2010, 198–204. [Petrova A. A. Rhythmical structure of Northern chastushkas: A field study. *Otechestvennoe stikhovedenie: 100-letnie itogi i perspektivy*. Proc. of the international conf. Bogdanov S. I., Khvorost'yanova E. V. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2010, 198–204.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. «Мне с каждым утром противней зауценный, мертвый стих»: к некоторым особенностям тонического стиха М. Кузмина. [Plungian V. A. On some features of Mikhail Kuzmin's tonic verse.] *The many facets of Mikhail Kuzmin: A miscellany*. Panova L., Pratt S. (eds.). Bloomington: Slavica Publ., 2011: 43–57.
- Пухова 2011 — Пухова Т. Ф. Особенности стихосложения воронежских народных духовных стихов. *Духовные стихи Воронежского края*. Пухова Т. Ф., Мануковская Т. В., Чернобаева А. А. (сост.). Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011, 13–24. [Pukhova T. F. Structural features of Voronezh folk spiritual verses. *Dukhovnye stikhi Voronezhskogo kraja*. Pukhova T. F., Manukovskaya T. V., Chernobaeva A. A. (comp.). Voronezh: Nauchnaya Kniga, 2011, 13–24.]
- Селиванов 1995 — Селиванов Ф. М. *Русские народные духовные стихи*: учебное пособие для филологических факультетов. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1995. [Selivanov F. M. *Russkie narodnye dukhovnye stikhi*: A guide for students of philology. Yoshkar-Ola: Mari State Univ., 1995.]
- Серегина, Никитина 2007 — Серегина Н. С., Никитина С. Е. Духовные стихи. *Православная энциклопедия*. Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007, 424–428. [Seregina N. S., Nikitina S. E. Spiritual verses. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Ed. by Alexius II, the Patriarch of Moscow and all Rus'. Moscow: Pravoslavnaya Entsiklopediya, 2007, 424–428.]
- Скулачева 2012 — Скулачева Т. В. Методы определения метра в неклассическом стихе. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2012, 71(2): 45–54. [Skulacheva T. V. Methods of meter identification in a non-classical verse. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2012, 71(2): 45–54.]
- Тарановский 2010а — Тарановский К. Ф. Ритмическая инерция русских двусложных размеров и закон акцентной диссимилации. *Русские двусложные размеры. Статьи о стихе*. Тарановский К. Ф. Пер. с серб. М.: Языки славянской культуры, 2010, 325–341. [Taranovsky K. Rhythmical inertion of Russian disyllabic meters and the law fo accentual dissimilation. *Ruski dvodelni ritmovi*. Taranovsky K. Belgrade: Naučna Knjiga, 1953. Transl. into Russian.]
- Тарановский 2010б — Тарановский К. Ф. Метрические доминанты в русских двусложных размерах. *Русские двусложные размеры. Статьи о стихе*. Тарановский К. Ф. Пер. с серб. М.: Языки славянской культуры, 2010, 27–49. [Taranovsky K. Metric dominants in Russian disyllabic meters. *Ruski dvodelni ritmovi*. Taranovsky K. Belgrade: Naučna Knjiga, 1953. Transl. into Russian.]
- Тарановский 2010в — Тарановский К. Ф. О книге М. П. Штокмара «Исследования в области русского народного стихосложения». Тарановский К. Ф. *Русские двусложные размеры. Статьи о стихе*. Пер. с серб. М.: Языки славянской культуры, 2010, 519–544. [Taranovsky K. On *Studies in Russian Folk Verse* by Mikhail Shtokmar. *Ruski dvodelni ritmovi*. Taranovsky K. Belgrade: Naučna Knjiga, 1953. Transl. into Russian.]
- Трубецкой 1987 — Трубецкой Н. С. О метрике частушки. *Избранные труды по филологии*. Трубецкой Н. С. М.: Прогресс, 1987, 371–390. [Trubetzkoy N. S. On the meter of chastushkas. *Izbrannye trudy po filologii*. Trubetzkoy N. S. Moscow: Progress, 1987, 371–390.]
- Шенгели 1923 — Шенгели Г. А. *Трактат о русском стихе*. Ч. 1: *Органическая метрика*. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. [Shengeli G. A. *Traktat o russkom stikhe* [A treatise on Russian verse]. Part 1: *Organicheskaya metrika* [Organic metrics]. Moscow; Petrograd: The State Press, 1923.]
- Штокмар 1952 — Штокмар М. П. *Исследования в области русского народного стихосложения*. М.: Изд-во АН СССР, 1952. [Shtokmar M. P. *Issledovaniya v oblasti russkogo narodnogo stikhoslozheniya* [Studies in Russian folk verse]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1952.]

- Pilshchikov, Polilova 2020 — Pilshchikov I., Polilova V. Quantitative approaches to versification: Conference report (June 24–26, 2019, Prague, Czech Republic). *Studia Metrica et Poetica*, 2020, 1: 116–137. <https://doi.org/10.12697/smp.2020.7.1.05>.
- Polilova 2021 — Polilova V. Russian verse studies after Gasparov. *Studia Metrica et Poetica*, 2021, 1: 140–163. <https://doi.org/10.12697/smp.2021.8.1.05>.
- QAV 2019 — *Quantitative approaches to versification*. Plecháč P., Scherr B. P., Skulacheva T., Bermúdez-Sabel H., Kolár R. (eds.). Prague: Institute of Czech Literature, 2019.
- Wachtel 2020 — Wachtel M. Radishchev’s “Bova” and its place in the history of Russian folkloric stylization. *Studia Metrica et Poetica*, 2020, 2: 61–89. <https://doi.org/10.12697/smp.2020.7.2.04>.

Получено / received 13.10.2021

Принято / accepted 25.01.2022

The structural representation of ergativity in Northeast Caucasian

© 2022

Ekaterina A. Lyutikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia; lyutikova2008@gmail.com

Abstract: The paper discusses the syntactic mechanisms underlying morphological ergativity in Khwarshi (Tsezic / Northeast Caucasian) and argues for a structural representation of the functional opposition of case forms — absolutive vs. other grammatical cases (including the ergative) vs. semantic cases — found in Northeast Caucasian languages. Specifically, it shows that the Khwarshi ergative DP is best analyzed as structurally case-marked, thus providing support for Maria Polinsky’s analysis of the ergative in Tsez, another language belonging to the same family. It also claims that among the non-absolutive subjects found in Tsez, ergative and dative subjects exhibit similar behavior and therefore pattern together structurally, while locative subjects and non-subject oblique arguments should be treated differently, as PPs. This claim is supported by a novel diagnostic of the syntactic category of case forms based on the selectional restrictions of the Khwarshi attributive morpheme. Finally, the paper argues against the widely accepted view that absolutives represent structurally case-marked DPs and provides evidence for their case-less DP status.

Keywords: attributives, case, ergativity, Khwarshi, Northeast Caucasian, subject, syntactic alignment, Tsezic

Acknowledgements: I am deeply indebted to my colleagues Yakov Testeleets, Marina Chumakina, Pavel Grashchenkov and Maria Polinsky for their inspiring, generous and friendly help. I also owe a debt of gratitude to my consultants in Khonokh for their assistance and patience. The comments and advice of the reviewers are gratefully acknowledged. This work is developed within the Interdisciplinary scientific and educational school of Moscow University “Brain, cognitive systems, artificial intelligence” and supported from the project “Parametric description of the languages of Russian Federation” realized at Pushkin State Russian Language Institute.

For citation: Lyutikova E. A. The structural representation of ergativity in Northeast Caucasian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 3: 75–108.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.75-108

Структурная репрезентация эргативности в дагестанских языках

Екатерина Анатольевна Лютикова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия;
lyutikova2008@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются структурные механизмы, лежащие в основе эргативной схемы морфосинтаксического кодирования ядерных аргументов в дагестанских языках. На материале хваршинского языка (цезская группа) разрабатывается структурный анализ функциональной оппозиции падежных форм (абсолютив — прочие грамматические падежи, включая эргатив — семантические падежи). В частности, приводятся аргументы в пользу трактовки хваршинского эргатива как структурного падежа именной группы. Другие

косвеннопадежные подлежащие — дативное и посессивное — проявляют разные свойства: дативное подлежащее демонстрирует общие свойства с эргативным подлежащим и получает аналогичную репрезентацию, в то время как посессивное подлежащее группируется с косвеннопадежными дополнениями, которые анализируются как послеложные группы с нулевым послелогом. Решающим аргументом в пользу такого анализа оказывается поведение ядерных аргументов в контексте номинализации, где именные аргументы могут получать генитивное кодирование, а PP-аргументы — подвергаться атрибутивизации. Наконец, предлагается единый анализ абсолютива, связывающий его морфосинтаксические свойства со статусом беспадежной именной группы.

Ключевые слова: атрибутивы, нахско-дагестанские языки, падеж, подлежащее, синтаксические стратегии, хваршинский язык, цезские языки, эргативность

Благодарности: Я глубоко признательна моим коллегам Я. Г. Тестельцу, М. Э. Чумакиной, П. В. Гращенко и М. С. Полинской за их вдохновляющую и великодушную поддержку. Я также чрезвычайно благодарна моим консультантам из селения Хонох за помощь и терпение, а анонимным рецензентам этой статьи — за полезные комментарии и советы. Работа выполнена в рамках Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ имени М. В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект» и поддержана проектом «Параметрическое описание языков Российской Федерации» в Государственном институте русского языка имени А. С. Пушкина.

Для цитирования: Lyutikova E. A. The structural representation of ergativity in Northeast Caucasian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 3: 75–108.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.75-108

1. Introduction

This paper aims to contribute to the theory of ergativity [Dixon 1979; 1994; Kibrik 1997; 2003; Bittner, Hale 1996; Manning 1996; Legate 2008; Aldridge 2008; Deal 2010; Baker 2015; Polinsky 2016a; Coon et al. (eds.) 2017] by presenting a wide range of data from Khwarshi, a Tsezic language belonging to the Northeast Caucasian (a.k.a. Nakh-Daghestanian) language family.¹ The data allow me to tackle three challenges which are posed by all ergative languages in the family and are highly relevant to our understanding of ergativity in general.

The first challenge concerns the characterization of the ergative case itself, its distribution and derivation. In the literature, various approaches are presented with respect to the nature of the ergative case. The ergative has been analyzed as an inherent case assigned by transitive *v* (see e.g. [Woolford 2006; Legate 2008; Aldridge 2008]) or a structural dependent case comparable to the accusative and valued on configurational grounds (e.g. [Marantz 1991; Baker 2015; Baker, Bobaljik 2017]). Another dimension in characterizing the ergative involves the internal structure of the ergative phrase: does the case form correspond to the formal feature [*u*Case], or is it instantiated as a case head *K* [Bittner, Hale 1996], or as a PP, where the ergative morphology spells out the P head [Asbury 2008; Markman, Grashchenkov 2012] or is assigned to the DP by a null P [Polinsky 2016a; Testelets 2016]? Taking into account that ergative

¹ The variety discussed in this paper is Khonokh Khwarshi, or Khwarshi proper, a dialect of Khwarshi spoken in the villages of Khonokh and Khwarshi, in the Tsumada district of the Republic of Dagestan, Russia. All Khwarshi dialects are unwritten; Khwarshi speakers use Avar writing in daily life. To date, Khonokh Khwarshi lacks a grammatical description in English (existing references include [Sharafutdinova, Levina 1961], on Khwarshi proper, and [Bokarev 1959], providing information on various dialects of Khwarshi, both in Russian); the most closely related variety, Inkhookwari Khwarshi, is sketched in [Testelets 1999] and described extensively in [Khalilova 2009]. In what follows the label Khwarshi refers specifically to Khonokh Khwarshi.

languages do not constitute a uniform class but rather differ drastically in their syntactic behavior, many researchers agree that different analytical options may be suitable for different ergative languages. Thus, Polinsky [2016a] proposes that the major dichotomy in the syntactic makeup of the ergative phrase is the opposition of the DP-ergative (ergative case is a structural case feature associated with a DP) and PP-ergative (ergative marker is a spellout of P or inherent case assigned by a null P). PP-ergativity, Polinsky argues, is incompatible with the ergative argument entering A-bar dependencies (relativization, constituent question, focusing, quantifier raising), thus yielding syntactic ergativity — absolutive case restriction on the target of A-bar operations.

The second challenge concerns similarities and differences between the ergative and other oblique cases. Two points are of special interest here. On the one hand, the ergative can be assimilated to other non-canonical subjects, which are attested in both ergative-absolutive and nominative-accusative languages [Zaenen et al. 1985; Landau 2010]. In Northeast Caucasian languages, for instance, experiencer subjects are usually encoded with dedicated cases, specifically the dative and/or affective; other non-agentive subjects are occasionally represented by locatives. With this respect, the question is bound to arise whether ergative subjects are structurally and functionally special in comparison with these. On the other hand, we might be interested in comparing ergatives with other indirect or oblique case forms, such as recipient/goal datives or locatives in argument positions. This comparison is intended to establish which syntactic properties of ergatives are due to their structural position and which properties follow from their internal structure.

Finally, licensing and structural representation of the absolutive is a matter of the perpetual debate. Many theories recognize a special status for the absolutive among case forms: a DP with an unmarked/default case in configurational case theories [Marantz 1991; Bittner, Hale 1996; Baker 2015] or a DP which receives a structural case from a functional head, as opposed to inherently case-marked DPs [Woolford 2006; Coon et al. 2014; Polinsky 2016a]; however, the locus of absolutive case assignment or / and licensing differs significantly (standard transitive v , dedicated v , finite T, C) not only in various languages, but also in various clauses of the same language. Thus, Aldridge [2012] argues that the source of absolutive in Tagalog is v in transitive clauses but T in intransitive clauses. Furthermore, the way the absolutive is licensed has been argued to partition morphologically ergative languages into various groups with differing syntactic properties. Legate [2008] distinguishes between at least two groups of morphologically ergative languages (ABS=DEF and ABS=NOM languages), which differ as to the functional head(s) licensing the absolutive in transitive and intransitive clauses. Similarly, Coon et al. [2014] argue that Mayan languages fall into two groups depending on the locus of absolutive licensing: in low absolutive languages, all the cases are assigned within the verbal domain, whereas in high absolutive languages, the absolutive raises out of the vP to be case-licensed by T, and this is what determines syntactic ergativity in these languages.

To sum up, ergativity is one of the most discussed and controversial issues in case theory. The most promising approach many researchers seem to adopt is to adhere to the parametric perspective and to associate various properties of various ergative languages with specific combinations of uniformly defined parameters. In the same vein, I am going to discuss the syntactic mechanisms behind morphological ergativity in Khwarshi and derive the syntactic properties and distribution of its case forms from a number of structural contrasts. In particular, I will argue for a structural opposition of case forms (absolutive — other grammatical cases including the ergative — semantic cases). I will show that the ergative in Khwarshi is best analyzed as a structurally case-marked DP, thus providing additional support to the analysis of the ergative in Tsez advocated in [Polinsky 2016a]. I will also show that among the non-absolutive subjects found in Khwarshi, dative subjects exhibit similar behavior to ergative subjects and therefore pattern together with them structurally. Moreover, I will provide evidence suggesting that locative subjects (as well as non-subject oblique arguments) should

be treated differently, as PPs. As for absolutes, I will challenge Polinsky's [2015; 2016a; 2016b; and elsewhere] view that they represent structurally case-marked DPs and present arguments for their case-less DP status.

The paper is organized as follows. In Section 2, I give an overview of basic facts about the case system and clause structure of Khwarshi and argue for specific positions of verbal arguments in the syntactic structure. In Section 3, I present syntactic evidence for two oppositions in the Khwarshi case system: (i) the opposition between direct (absolute) and oblique (non-absolute) case forms; and (ii) the opposition between grammatical (used to encode core arguments) and semantic case forms. Most importantly, in this section I introduce novel evidence based on the selectional restrictions of the Khwarshi attributive morpheme, used to mark certain types of adnominal dependents; this evidence not only supports the contrast argued for, but also suggests its syntactic representation. The analysis presented in Section 4 provides a characterization of the two oppositions introduced in Section 3 in terms of the internal structure of the relevant case forms. I show that restrictions on major syntactic phenomena in Khwarshi follow from the structural representation of case on arguments coupled with the *c*-command relations among them. Section 5 concludes.

2. Ergativity in Khwarshi

In this section, I characterize the case system and argument encoding properties of Khwarshi. Specifically, the section provides an overview of nominal categories (§ 2.1), describes the distribution of case forms (§ 2.2) and discusses the structure of the verbal domain, on the basis of *c*-command relations between arguments (§ 2.3). It should be noted that similar data can be obtained for other Northeast Caucasian languages (see [Forker 2017] for an overview). Thus, Khwarshi can be seen as a representative of the generalized Northeast Caucasian model.

2.1. Nominal morphology

The case system of Khwarshi is rich and is traditionally described as comprising 42 case forms. In [Testelefs, Khalilova, in prep.] these are divided into two groups: grammatical cases (including absolute and relational cases: ergative, genitive 1, genitive 2, dative) and semantic cases, represented by spatial case forms; the latter are built from a combination of orientational and directional affixes (e.g. in-essive, super-directive, sub-ablative, etc.). Nominal categories also include number (singular, plural) and noun class. Khwarshi has six noun classes in the singular and two in the plural. Class membership is partly interpretable: class I nouns denote human males, and class II nouns human females; inanimate and non-human nouns are idiosyncratically distributed between classes III, IV, and V; class VI comprises the two nouns *hāq'u* 'family' and *q'ale* 'child'. The plural reduces this to a distinction between human (classes I–II and VI) and non-human (classes III–V). Class and number are reflected in both DP-internal concord and predicate agreement.

With a few exceptions, number and case morphemes in Khwarshi are attached agglutinatively to the stem. Absolute singular is the unmarked form of the noun; absolute plural is derived by attaching a plural marker to the singular stem. All other case affixes are attached to the (singular or plural) oblique stem. The order of affixes is Root—Number—Case. Due to the fusion of the ergative marker with the oblique stem, the ergative often coincides with that stem (see Table 1). In other languages of the family, however, the ergative marker is easier to separate from the oblique stem.

Table 1

Partial Khwarshi nominal paradigm, the noun *es* ‘sibling’

	SG	PL
ABS	<i>es</i>	<i>es-naba</i>
oblique stem	<i>es-t'e-</i>	<i>es-na-za-</i>
ERG	<i>es-t'i</i>	<i>es-na-za</i>
GEN1	<i>es-t'e-s</i>	<i>es-na-za-s</i>
GEN2	<i>es-t'e-lo</i>	<i>es-na-za-lo</i>
DAT	<i>es-t'e-l</i>	<i>es-na-za-l</i>
POSS	<i>es-t'e-qo</i>	<i>es-na-za-qo</i>

2.2. Distribution of case forms

The distribution of case forms is largely determined by the grammatical vs. semantic distinction introduced above. Absolutive and relational cases are primarily used to mark arguments of verbs: thus, ergative is the case of the transitive agent, while dative marks the transitive experiencer, as well as the recipient of giving verbs. The two genitive forms are used to modify absolutive (genitive 1) and oblique (genitive 2) noun phrases. Spatial cases are used to encode location, source, and goal. Additionally, spatial cases can have non-local uses, encoding various argumental relations, and relational cases have some adverbial functions. After this brief characterization, I discuss the distribution of case forms in major syntactic contexts.

2.2.1. Verbal arguments and adjuncts

All case forms, except for the genitive (see below), are licensed in the verbal domain. Every clause contains an absolutive argument, which controls agreement for class and number on the predicate. In monovalent verbs, the single argument is absolutive irrespective of its thematic role (1a–b). With bivalent verbs, two types of construals are attested. In transitive clauses, the subject is generally encoded by the ergative (2a); specific encoding is used with experiential verbs (the experiencer appears in the dative) and non-volitional verbs (the non-volitional agent appears in the poss-essive), (2b–c). The non-volitional agent is found with transitive verbs denoting accidental, unwillingly produced actions; poss-essive encoding is obligatory with certain verbs lexically denoting accidental achievements (e.g. *-aqa* ‘find’), as well as with derived verbs containing the modal affix *-l*. With regular transitive verbs, poss-essive encoding varies freely with ergative encoding, provided that the context is compatible with a non-volitional agent interpretation. With bivalent intransitive verbs, the subject appears in the absolutive, and the object is encoded with some oblique case, often idiosyncratically chosen (3a–b). With ditransitive verbs the theme argument is absolutive, and the goal argument is dative with verbs of giving and poss-lative with verbs of saying.

- (1) a. *obu išša.*
 father(1) 1.die.AOR
 ‘Father died.’
- b. *obu ajda.*
 father(1) 1.work.AOR
 ‘Father worked.’

- (2) a. *pat'imat-i dija telefon l-ajsa.*
 Patimat-ERG I.GEN1 phone(IV) IV-take.AOR
 'Patimat took my phone.'
- b. *pat'imat-e-l dija telefon l-ajka.*
 Patimat-O-DAT I.GEN1 phone(IV) IV-see.AOR
 'Patimat saw my phone.'
- c. *pat'imat-qo bĩ j-uč'ej-l-a.*
 Patimat-POSS milk(V) v-pour-POT-AOR
 'Patimat spilled the milk (accidentally).'
- (3) a. *rasul pat'imat-qo-l gic'c'a.*
 Rasul Patimat-POSS-LAT look.AOR
 'Rasul looked at Patimat.'
- b. *rasul pat'imat-e-l oħħa.*
 Rasul(I) Patimat-O-INTER I.get_offended.AOR
 'Rasul got mad at Patimat.'

Spatial case forms are used as locative arguments with motion and change-of-location verbs and as adjuncts with locative and periphrastic meanings (4).

- (4) a. *peč-ma c'an l-ahek'-na ili...*
 stove-IN fire(IV) IV-burn.CAUS-CNV.PF she(II).ERG
 'She made a fire in the stove...' (Blacksmith's sons, 31)²
- b. *loħ-eč debe-λ iβ^va-na...*
 thrice-FOC you.O-SUB lose-CNV.PF
 '(I) lost to you three times...' (The tale of the shepherd and the djinn, 42)

Finally, relational cases are also used adverbially: the dative has instrumental, benefactive and temporal uses, whereas the ergative is (rarely) employed in adjuncts of cause and duration.

To conclude, all types of cases are found in the verbal domain; encoding of arguments is determined by the properties of specific verbs, and adjuncts are self-contained in that they can modify any verb phrase as long as they are semantically compatible. Absolutes are default arguments.

Genitives 1 and 2 may seem to appear in argumental positions, but this is illusory, since they are not governed by the verb, but encode the possessors of true arguments, which may be omitted (5). The distribution of genitives 1 and 2 depends on the case of the possessed argument: absolutive arguments license genitive 1, while oblique arguments license genitive 2 [Testelets 2019a].

- (5) *maduļe kand-i-s (leλ'a) ħajna.*
 marten.ERG girl-O-GEN1 hand bite.AOR
 'The marten bit the girl('s hand).'

2.2.2. Arguments of postpositions

With postpositions, two types of case forms are found. Denominal postpositions originate from spatial case forms of locative nouns ('front', 'back', 'center' etc.), and accordingly govern genitive 2. Other postpositions govern locative cases. No postpositions governing relational cases are attested in Khwarshi; however, this is sometimes observed in other Northeast Caucasian

² Examples marked with text titles are from Khwarshi texts published in [Karimova 2014] or collected by Yakov Testelets during his fieldwork in Khonokh. Other examples are drawn from my own fieldwork in Khonokh in July 2019.

languages: e.g., in Bagwalal (Andic) the affective marks the experiencer subject but is also governed by a number of postpositions.

2.2.3. Predicate in copular clauses

The absolutive is the case borne by nominal predicates in specificational, taxonomic and identificational clauses (6a). In locative clauses, the predicate is expressed by a spatial case form (6b), or by a spatial adverb or postpositional phrase. Possessive clauses contain a genitive (for permanent possession) or possessive (for temporary possession) noun phrase (6c). Other characteristics of the subject (e.g. purpose, material, source etc.) can be expressed by dedicated case forms. Importantly, in predicate position grammatical cases are only ever found in their non-grammatical uses: thus, dative noun phrases in this position can only encode a beneficiary or (intended) recipient, but never an experiencer.

- (6) a. *bataxu gole q'imata-r hiban.*
 bread COP.PRS precious-IV thing(IV)
 'Bread is a precious thing.' (Resettlement, 24)
- b. *il-lo l-i-λ'o azdahu gole.*
 we.O-GEN2 water-O-SUP dragon COP.PRS
 'The dragon is (sitting) on our water.' (Bear's ear, 12)
- c. *il-lo begawul-e-s mihi gole!*
 we.O-GEN2 elder-O-GEN1 tail COP.PRS
 'Our elder has a tail!' (Walls have ears, 29)

2.2.4. Adnominal use

The only case form regularly found in adnominal position is the genitive, which covers a wide range of argumental and non-argumental meanings (7). Other case forms cannot be embedded under the noun phrase directly but must be attributivized, cf. (8) (attributivization is addressed in detail in § 3.2.4).

- (7) a. *is-a χabar*
 he.O-GEN1 story
 'his story' / 'a story about him'
- b. *kawat-e-s bečola*
 paper-O-GEN1 serpent
 'a paper kite'
- (8) a. *uža-l-(sa) žawab*
 boy-DAT-A question
 'the question to the boy'
- b. *χuχ-ma-(sa) λ'er*
 face-IN-A color
 '(good) complexion'

Crucially, relational case forms in their grammatical functions cannot be embedded through attributivization — the verb licensing the case is required. The same restrictions on the adnominal occurrence of grammatical case forms are attested for other Northeast Caucasian languages (see e.g. [Lyutikova 2017a] on Tsakhur (Lezgian)).

2.2.5. Arguments of adjectives

Adjectives can project their own subject, and agree with that subject:

- (9) a. *k'ak'a-ba l-eχola(-t'a) kad*
 leg-PL NPL-long-PL girl(II)
 'a girl with long legs'
- b. *mani b-uq'u kad*
 nose(III) III-big girl(II)
 'a girl with a long nose'

The important thing to note is that the argument of the adjectival phrase is absolutive. This is unexpected if the absolutive is only licensed in the verbal environment, by a dedicated verbal functional head *v*, as suggested in the literature. Crucially, (9) cannot be analysed as displaying copular relative clauses, where the covert verbal copula licenses the absolutive. In copular sentences, the copula can only be omitted in the finite present, but not in the past form or as a participle or converb, cf. (10).

- (10) a. *kad {ĩdu / dija hamaxe} {(gole) / *(j-ejča)}*.
 girl(II) at.home I.GEN1 friend COP.PRS II-AUX.AOR
 'The girl {is / was} {at home / my friend}.'
- b. *{ĩdu / dija hamaxe} *(go:jla) kad*
 at.home I.GEN1 friend COP.PTCP girl(II)
 'the girl who is at home / who is my friend'

If the construction in (9) involved standard relativized copular clauses, we would expect the participle to be obligatory, as in other copular clauses (10). Thus, no verbal structure is attested in the examples in (9); instead, they represent adjectival phrases where the absolutive is the subject of the adjectival predicate.

2.2.6. Contexts without governing elements

The absolutive is not only the citation form of a noun; absolutive noun phrases are generally attested in contexts where no case-assigning element can be found. Those contexts include titles, vocatives, oaths and exclamations.

To sum up, the distinction between grammatical and semantic cases is well-grounded in Khwarshi. Grammatical cases, such as the ergative or experiential dative, are only licit in the verbal environment. Genitives are found exclusively in nominal contexts; genitive arguments of postpositions, adjectives and verbs have arisen from adnominal possessive constructions. Spatial case forms appear as locative arguments or adjuncts, as arguments of postpositions, and as predicates in copular clauses. They can also function as adnominal modifiers, but in this case they require attributivization. Finally, absolutives are special in that they are not only default verbal arguments, but are also found in a wide range of contexts where relational cases are disallowed, such as adjectival phrases, copular predicates, and non-governed positions. In the next section, I focus on verbal arguments and discuss their positions in the clause structure.

2.3. Clause structure

Let us start by determining the c-command relations between core arguments. The number of phenomena sensitive to c-command is not as large in Northeast Caucasian languages

as in more familiar languages like English or Italian. For example, superiority effects only show up in languages with overt A-bar movement, and this is absent in Khwarshi (cf. [Polinsky 2016a] on Tsez). Semantic binding has been reported to apply more freely, disregarding c-command conditions [Testeleets 2009; 2016]. Other diagnostics, like the choice of the addressee in imperatives and jussives, are semantic rather than syntactic in nature. Nevertheless, in most languages of the region there are still several phenomena attesting c-command orientation. One of these is anaphor binding. Whereas complex reflexives are often neutral (i.e. they allow for a non-c-commanding antecedent), simplex reflexives generally attest either subject or c-command orientation. Thus, in Khwarshi, the simplex reflexive *žuč* can only be bound by a local c-commanding subject.

- (11) a. *o-w-si žik'wa žuč iha-χ-χa.*
 that-I-O man(I).ERG REFL(I) I.die-CAUS-AOR
 'That man_i killed himself_i.' [Testeleets 2019c: 83]
- b. **isič o<w>žu žik'wa iha-χ-χa.*
 REFL.ERG that(I) man(I) I.die-CAUS-AOR
 int.: 'That man_i killed himself_i.' [Ibid.: 83]
- (12) *aminat-e-l q'uča-na [pat'imat-e-l žuč mut'u-l-ejža j-ak^w-a].*
 Aminat-O-DAT want-CNV.PF Patimat-O-DAT REFL(II) mirror-IN-TRNS II-see-INF
 'Aminat_i wants Patimat_j to see herself_{j/wi} in the mirror.' [Ibid.: 85]

This generalization allows us to establish c-command relations between core arguments of various clauses. As might be expected, ergative and dative subjects c-command their absolutive objects, and absolutive subjects c-command oblique objects (13).

- (13) *o<w>žu žik'wa isuqoleč mut'u-l-ejža gic'c'-a.*
 that(I) man(I) REFL.POSS.LAT mirror-IN-TRNS look-AOR
 'That man looked at himself in the mirror.'

Poss-essive subjects can bind the absolutive (and into the absolutive) in possessive and non-volitional agent constructions:

- (14) a. *rasul-qo žuč iha-χ-ejt-a.*
 Rasul-POSS REFL(I) I.die-CAUS-POT-AOR
 'Rasul killed himself (accidentally).'
- b. *rasul-qo isač os λix^wa-na.*
 Rasul-POSS REFL.GEN money remain-CNV.PF
 'Rasul still has his own money on him.'

In ditransitive constructions, the ergative subject can bind both object arguments; unfortunately, this diagnostic cannot be applied to find out whether the absolutive c-commands the indirect object or vice versa because of the subject-orientedness of the reflexive. In related languages, however, where reflexives can be bound by non-subject c-commanding antecedents, there is evidence for the existence of two ditransitive constructions. Thus, in Avar, the dative recipient binds into the absolutive, but the absolutive binds into the locative goal [Testeleets 2016]. I assume that the same distinction may be relevant for Khwarshi, too; however, I am aware of no phenomena which would reveal it.

Other c-command-sensitive phenomena are also subject oriented, and probably even more restricted through additional constraints (e.g. on subject type). Thus, the causee in the causative construction is the subject of the caused predication; the addressee of the imperative is the volitional subject. Another potential diagnostic, suggested by an anonymous reviewer — the structure of masdar relative clauses — is not applicable in Khwarshi for lack of the relevant construction. So I reach the conclusion that the following c-command relations between arguments can be tentatively established for Khwarshi:

- (15) a. Intransitive clauses: ABS > OBL
 b. Transitive clauses: ERG > ABS
 c. Oblique subject clauses: DAT > ABS; POSS > ABS
 d. Ditransitive clauses: ERG > DAT > ABS; ERG > ABS > OBL

The next thing to be checked is whether these c-command relations reflect thematic properties of arguments or result from A-movement. Indeed, case licensing by a higher functional head can disrupt initial c-command relations between arguments, if the lower argument is attracted to the higher position, as happens in high-absolutive languages [Coon et al. 2014]. The good news is that in Khwarshi, all arguments are case-licensed within the verbal domain and are not case-dependent on higher functional heads, e.g. finite T. The evidence for this comes from various types of non-finite constituents embedding the verbal domain, primarily nominalizations: whenever an argument is projected by the verb, it can be assigned a dedicated case. Therefore, the established c-command relations in (15) can be used without reservation.

On the basis of these relations we can reconstruct the preliminary shape of the verbal domain for Khwarshi. Khwarshi does not seem to be very different from more familiar nominative-accusative languages in this respect. I adopt a shell structure for the verbal domain where internal arguments are projected by the lexical verb, whereas external arguments are projected by a specific light verb. I distinguish between three light verbs: v_{TR} , projecting the transitive agent, v_{EXP} , projecting the experiencer dative subject, and $v_{NON-VOL}$, projecting the poss-essive subject. Additionally, an applicative projection can be sandwiched between VP and vP , introducing the recipient / beneficiary dative. The reason for this assumption is the fact that the beneficiary can be freely introduced into the argument structure of any transitive verb, and its syntactic behavior is indistinguishable from that of the recipient argument of ditransitives. The maximal transitive structure featuring all types of arguments is represented in Figure 1.

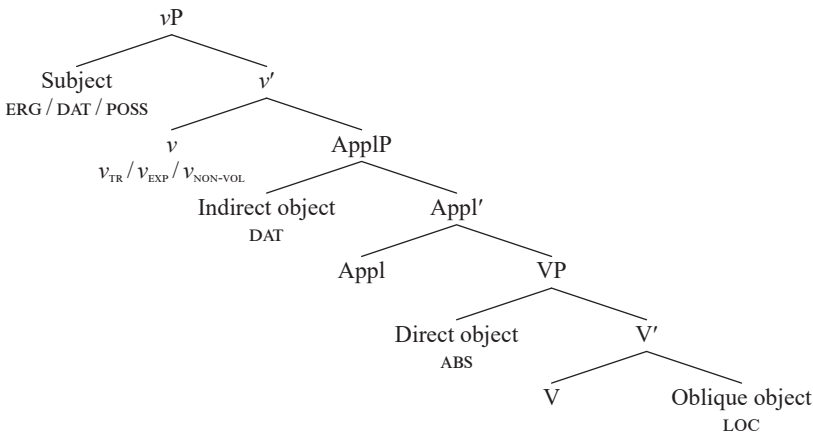

Figure 1. Syntactic structure of the verbal domain in Khwarshi

The most controversial issue for the characterization of Khwarshi clause structure is the existence and structural representation of split intransitivity. All intransitive clauses have an absolutive subject; no difference is attested in case marking or agreement with verbs denoting typically unaccusative and typically unergative situations. There exist no reliable diagnostics which would allow to meaningfully tell apart the two classes of intransitive verbs; the diagnostic involving iterative forms employed by Polinsky [2016a: 297] in Tsez cannot be used in Khwarshi, where no similar derivation exists. Some evidence can be provided by derivational morphology: inchoative verbs derived from adjectival stems (e.g. *ičla-l* ‘grow old’ from *ičla* ‘old’) and nominal

stems (e.g. *best'al-l* ‘be orphaned’ from *best'al* ‘orphan’) are supposedly unaccusatives. Additionally, a number of unaccusative verbs participate in the unmarked causative-inchoative alternation (e.g. *-ah* ‘rise, raise’).³ For the majority of intransitive verbs, though, the unaccusative/ unergative distinction seems to have no impact on the syntactic behavior of the sole argument.

The next source of uncertainty is the structural representation of unergatives: whether their argument is projected by a functional head identical to or in complementary distribution with v_{TR} , and how it comes to receive the same case as the argument of unaccusatives does. It should be noted that this question is especially challenging in languages like Khwarshi or Tsez, where all arguments are case-licensed within the verbal domain. Theoretical options available for the analysis of unergatives [Polinsky 2016a: 50 ff.] all require stipulations of one kind or another that cannot be independently motivated, at least for Khwarshi. Importantly, Polinsky herself notes that “...the status of unergatives with respect to extra projections is far from clear and may be less uniform than the status of transitives” [Ibid.: 45]. In view of this, I would tentatively suggest that unergatives in Khwarshi are not so different from unaccusatives. One can imagine that their argument is projected by the lexical verb and is licensed in the same way as the single argument of unaccusatives. This argument might further be attracted by the unergative *v*, thus providing a unification of the arguments of the process and initiation subevents, much as in Ramchand’s [2008] *l*-syntactic system. Alternatively, the unaccusative-unergative distinction might be purely semantic in Khwarshi, lacking syntactic representation or confined to aspectual oppositions. In any case, the issue of case licensing in unergatives is orthogonal to the problems I aim to discuss, and I hope that future research on unergatives in Northeast Caucasian languages will clarify the matter and turn out to be compatible with the core of my proposal.

The structure in Figure 1 is further supported by the evidence from the synthetic causative construction. In Khwarshi, two types of causative constructions are attested: synthetic and analytic. The synthetic causative construction is built by the causative morpheme embedding the initial verb with its arguments and projecting the ergative causer:

- (16) *idižidi q'očū-n b-at'ŕ'a-k'-na, (žu) q'oč-a-λ'o zoq'w-a-χ-na.*
 they.ERG eagle(III)-ADD III-come-CAUS-CNV.PF he eagle-O-SUP sit_ astride-CAUS-CNV.PF
 ‘They brought an eagle and sat him astride on the eagle.’ (Bear’s ear, 24)

The synthetic causative construction provides important information about the position of arguments in the verbal domain. Under synthetic causativization, the causee can retain its original encoding or receive a dedicated case in the causative construction. It turns out that absolutive, ergative, and dative subjects all behave differently. The intransitive subject retains the original encoding and remains absolutive, cf. (16); no alternative model is available. The ergative subject, by contrast, cannot retain its case; it receives poss-essive encoding (17). The dative subject allows both options (18). For obvious reasons, with a poss-essive subject it cannot be determined which option takes place.

- (17) *hoboža (mi) di-go / *de zihĩ-s lok'w*
 now you.ERG I.O-POSS I.ERG cow-GEN1 manure(IV)
l-ac'ē-χ-nu-λ'o-l-ek l-at'iq'q'a idu hiban?
 IV-eat-CAUS-MSD-SUP-LAT-Q IV-go.AOR this thing(IV)
 ‘It came to the fact that you were feeding me cow’s manure, didn’t it?’ (Malla Nasredin’s raven, 42)

³ An anonymous reviewer suggests that non-volitional agent constructions might represent derived unaccusatives. Although this issue definitely needs further study, I doubt that this is indeed the case. The range of verbal meanings compatible with the non-volitional agent construction is much wider than that of verbs usually participating in the causative-inchoative alternation. Thus, manner verbs like ‘read’ or ‘eat’ are not expected to give rise to derived unaccusatives, but they do feature in the non-volitional agent construction. Besides, it can be argued that the causativization of transitive verbs involves this

- (18) *muč'i b-ak^{wa}-χ-o-łła, ı̄la-na, ılı-ǵo / ılı-l.*
 manure(III) III-see-CAUS-IMP-QUOT say-CNV.PF she(II).O-POSS she(II).O-DAT
 ‘Show her the manure, he said.’ (The girl and the djinns, 25)

I suppose that the causative morpheme induces the coercion of the transitive predicate into the non-volitional agent construction; thus the poss-essive encoding of the causee is not accidental but reflects a constraint ruling out the presence of two volitional agents in the same clause. This hypothesis is consistent with the results of recent work on morphological causatives [Kim 2011; Legate 2014; Nash 2020] suggesting that the transitive causee is not an argument of the verbal stem or transitive v but is introduced in a specialized functional projection (e.g. high applicative) selected by the causative morpheme. Similarly, in Khwarshi synthetic causatives, the structure projected by the verb undergoes adjustments in order to meet the well-formedness condition on the monoclausal structure. Specifically, the ban on multiple volitional agents is circumvented by replacing v_{TR} with $v_{NON-VOL}$, which is responsible for the poss-essive case marking of the transitive causee, as represented in Figure 2. With experiential transitive verbs, this operation is optional.

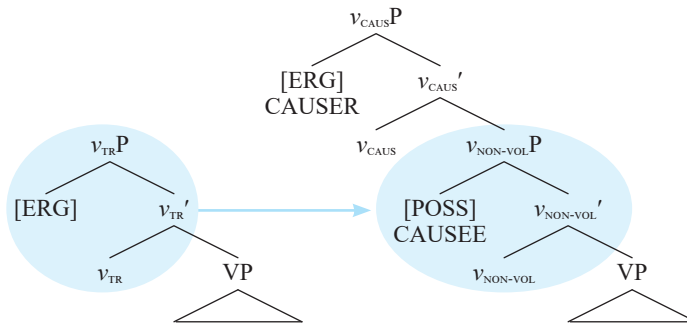

Figure 2. Coercion of the transitive vP under causativization

In this way, we obtain additional data supporting the claim that ergative and dative subjects are arguments of various v heads. Moreover, the synthetic causative construction provides evidence against positing a transitive vP layer in the structural representation of unergatives. Were the unergative subject situated in Spec, vP , or case-dependent on v , then we would expect that under causativization, non-volitional agent coercion would be obligatory (as in agentive transitive verbs) or at least available (as in experiential transitive verbs). However, the poss-essive encoding of the causee is illicit in causatives of unergatives, cf. (19).

- (19) *isi sajro / *sajro-ǵo durida-k'-na gole.*
 he(i).ERG horse / horse-POSS run-CAUS-CNV.PF COP.PRS
 ‘He rode the horse.’ (lit. ‘He made the horse run.’)

I conclude that various diagnostics point towards the same positioning of arguments in the verbal domain, and adopt the tree in Figure 1 as the structure in which verbal arguments are licensed.

2.4. Research questions

Now we are in a position to return to the research questions we started with and to refine them building upon what we have learned so far. The questions we are interested in are

construction (see below); if so, any transitive verb can be turned into an unaccusative under appropriate conditions, which is highly implausible.

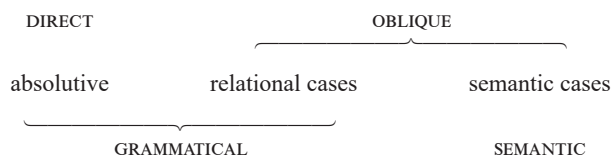
as follows. What is the nature of the ergative and how is it licensed? Does it pattern with other types of oblique subjects and oblique objects in its syntactic behavior? How is the absolutive represented and licensed?

Now that we are equipped with the syntactic representation of Khwarshi argument structure, we can proceed as follows. We will elaborate on the hypothesis that the syntactic properties of a noun phrase in Khwarshi are not fully determined by its position, but rather represent a function of three parameters: (i) the specific case form involved; (ii) the structural position of the noun phrase in the clause; and (iii) c-command relations with other noun phrases in the same clause. These parameters are not independent: thus, for example, if the ergative DP is in an argumental position, it is also the highest DP in the clause, and the absolutive DP cannot be an adjunct. On the other hand, all three parameters are involved in accounting for the full range of properties of noun phrases. Thus, absolutive subjects and absolutive objects should differ with respect to phenomena sensitive to subjecthood; one and the same case form, e.g. dative, may have different properties as an argument vs. an adjunct or as a subject vs. an object; and finally, different oblique subjects, e.g. dative and poss-essive, may behave differently.

Accordingly, we will study the syntactic properties of nominals characterized by three attributes: argumenthood, case, and syntactic position. Specifically, we will consider the following types of nominals: absolutive subject, absolutive object, ergative subject, dative subject, poss-essive subject, dative indirect object, oblique object, (oblique) adjunct. We will examine phenomena involving various syntactic processes — agreement, raising, control — and determine whether a specific type of nominal can be selected as a target of this process. Comparing the behavior of various case forms in the same syntactic position and the behavior of the same case form in various syntactic positions will allow us to identify the characteristics of case forms independent of their localization in the syntactic tree. This will be done in the next section.

3. Phenomena and oppositions

In what follows I discuss the syntactic properties of the various types of nominals identified in the previous section and determine if their syntactic behavior depends on their case and/or their position in the structure. It turns out that two major oppositions govern the organization of syntactic phenomena (see Figure 3).

Figure 3. Oppositions within the case system

The first is the opposition between absolutive and non-absolutive nominals; this opposition is independent of the localization of the absolutive noun phrase in the syntactic structure, and of c-command relations between the absolutive and other arguments. The second opposition is that between grammatical and semantic cases: absolutive, ergative and dative pattern together⁴ in contrast to semantic cases, as well as relational cases in semantic func-

⁴ Genitives should be tentatively classified as grammatical cases and therefore be given the same structural representation. However, more evidence is required for a correct characterization of genitives. Since genitives are only found in adnominal uses, certain diagnostics are inapplicable or their

tions. Importantly, this opposition is affected by the structural position of the nominal: thus, any case marker on an adjunct will behave as a semantic case, and dative subjects contrast with dative objects.

With this in mind, we turn to a discussion of the relevant phenomena supporting these oppositions.

3.1. The direct–oblique opposition

The opposition between absolutive and non-absolutive nominals is the primary opposition in the nominal morphosyntactic system: not only is it manifested DP-internally, but it also has an impact on clause-level processes.

3.1.1. DP-internal concord

Khwarshi exhibits DP-internal marking of the direct–oblique opposition on several types of modifiers. Thus, genitives distinguish two forms, which are complementarily distributed: a DP in the genitive 1 case modifies absolutive DPs, whereas a DP in the genitive 2 modifies oblique DPs:

- (20) a. ^{OK}*obu-t'e-s* / **obu-t'-lo*   *sájro*
 father-O-GEN1   father-O-GEN2   horse.ABS
 ‘the father’s horse’
- b. **obu-t'e-s* / ^{OK}*obu-t'-lo*   *sajró-l*
 father-O-GEN1   father-O-GEN2   horse.O-DAT
 ‘for the father’s horse’

Besides the genitive, other adnominal modifiers which exhibit a direct–oblique opposition include demonstratives, numerals, adjectives, participles, and attributivized constituents. In genitives, demonstratives, numerals, and attributives, the distinction is obligatory; in adjectives and participles it is optional (the direct form is compatible with both direct and oblique DPs).

DP-internal alignment in obliqueness is found in other Northeast Caucasian languages as well; languages differ as to the range of categories exhibiting concord in obliqueness. In Tsakhur, a distinction between direct and oblique forms is made by all adnominal modifiers except borrowed adjectives, whereas in Rutul this distinction is restricted to numerals (see [Daniel 2021] for detail).

In [Lyutikova 2021a], DP-internal concord in obliqueness as attested in several Northeast Caucasian languages is identified with the use of the direct vs. oblique stem for building case forms of nouns, which is typical for Northeast Caucasian languages in general. The hypothesis put forward in this work is that concord in obliqueness is the agreement of the DP with the external governor for syntactic category, along the lines of [Pesetsky 2013]; this feature is then morphologically realized on those components of the DP which are able to convey it. If this hypothesis is on the right track, the direct–oblique opposition is relevant for the syntactic representation of absolutives in all Northeast Caucasian languages.

Another important property of concord in obliqueness is that it does not distinguish between various structural positions of absolutive or non-absolutive nominals. Absolutives look identical whatever structural position they appear in, as do non-absolutive DPs.

---

outcome might be due to the additional structure associated with the dominating noun phrase. With this in mind, I refrain from providing a structural characterization for genitives, leaving this issue for further research.

3.1.2. Predicate agreement

Like the overwhelming majority of Northeast Caucasian languages, Khwarshi exhibits clause-level class-number agreement. The target of agreement is the verbal predicate, including lexical and auxiliary verbs, as well as certain adverbs possessing a class-number agreement slot. The controller of the agreement is the absolutive DP:

- (21) a. *kad j-agu j-ado-ho j-ejča.*
 girl(II) II-well II-work_{verb}-CNV.IPF II-AUX.AOR
 ‘The girl was working well.’
- b. *kand-i b-agu ħalt’i b-u-ho b-ejča.*
 girl-ERG III-well work_{noun}(III) III-do-CNV.IPF III-AUX.AOR
 ‘The girl was doing the job well.’

In a number of constructions, there is no overt absolutive. This can arise as the result of various processes, both syntactic and post-syntactic (ellipsis). The category of the syntactic gap may vary as well (e.g. A-trace, PRO, *pro*), but, irrespective of this, class-number agreement reveals the presence of the absolutive argument, whether overt or covert. Non-absolutive DPs may appear to control agreement, but only if they form a derivational or anaphoric chain with an absolutive. In (22), two examples illustrating agreement with absolutive gaps are shown: in (22a), the absolutive argument of the nominalized verb receives adnominal (genitive) encoding⁵; in (22b), the absolutive argument of the non-finite converbial clause is represented by *pro*.

- (22) a. *χan-e-l q’uča-na*
 khan-O-DAT want-CNV.PF
 [*isu-lo kand-e-s_i* [_i *j-ūq’a-nu*]] *čurid-a.*
 he(I).O-GEN2 daughter(II)-O-GEN1 ABS(II) II-recover-MSD celebrate-INF
 ‘The Khan wanted to celebrate his daughter’s recovery.’
- b. [_i *īdu-l j-at’r’a-zal*], *j-āve-na ili kand-i vamasu.*
 ABS(II) home-LAT II-come-CNV.TMP V-open-CNV.PF this.O girl(II)-ERG trunk(v)
 ‘This girl came home and opened the trunk.’ (Stepdaughter, 18)

In specificational, taxonomic and identificational clauses, there are two absolutives — the subject and the predicate. The copula agrees with the predicate absolutive, (23), or with the absolutive subject. In other types of copular clauses where the predicate is non-absolutive, the copula agrees with the absolutive subject.

- (23) *Ɔoloqan āše-m-λ’o-n hobondu-č jabu b-ejča da.*
 young time-O-SUP-ADD such-FOC nag(III) III-AUX.AOR I(I)
 ‘And in my youth, I was such a nag.’ [Ah, younger days, 11]

Adjectives not only exhibit optional DP-internal concord in obliqueness (see § 3.1.1), but also attest class-number agreement. It shows up in two positions: the prefixal class-number agreement slot and, optionally, the suffixal plural number marker:

- (24) a. *j-eχola kad*
 II-long girl(II)
 ‘a tall girl’
- b. *b-eχola(-t’a) kand-eba*
 HPL-long-PL girl-PL
 ‘tall girls’

⁵ See § 3.2.3 for a detailed discussion of argument encoding in nominalizations.

Typically, it is the head noun that appears to control this agreement, and, consequently, we might suggest that it should be characterized as DP-internal concord. However, I believe that adjectival class-number agreement in Khwarshi instantiates predicate agreement with the absolutive. The evidence for this claim comes from adjectival phrases projecting their own subject, cf. (25) repeated from (9).

- (25) a. *k'ak'a-ba l-εχola(-t'a) kad*
 leg-PL NPL-long-PL girl
 'a girl with long legs'
- b. *mani b-uq'u kad*
 nose(III) III-big girl
 'a girl with a long nose'

The argument of the adjectival phrase appears in the absolutive, and the adjective agrees with it, in the same way that the verb does. Importantly, non-absolutive internal arguments of adjectives never trigger class-number agreement.

It is easy to extend the analysis outlined above to other adjectival constituents without an overt absolutive argument. I suppose that they derive as reduced relatives where the subject coincides with the external head:

- (26) [~~*kad*~~ *j-εχola*] *kad*
 girl(II) II-long girl(II)
 'a tall girl'

The exact mechanism deleting the internal nominal is an issue for further research; the structures in (26) can be derived by head-raising of the noun [Kayne 1994] or it may involve phonological processes like deletion under identity [Citko 2001; Sauerland 2003]. Either way, Khwarshi provides strong evidence that prefixal class-number agreement in all lexical categories, copula and auxiliaries is absolutive-oriented.⁶

3.2. The grammatical–semantic opposition

The opposition between grammatical and semantic cases plays an essential role in syntactic phenomena presupposing specific changes in the encoding of arguments. It is well known that (morphological) case preservation or change under syntactic processes like A-movement is an important diagnostic in telling apart structural and inherent case [Zaenen et al. 1985; Marantz 1991; Woolford 2006]. On the other hand, it is possible that there exist restrictions on specific case marking of certain empty categories; thus, Sigurðsson [2002; 2008] supposes that Russian PRO cannot be inherently case-marked. Accordingly, various constructions where we might expect differential marking of an argument are of special interest for case taxonomy.

⁶ The suffixal class-number agreement slot in attributive constituents (adjectives, participles, demonstratives) available in Avar and Andic languages appears to instantiate DP-internal concord, indexing the features of the head noun, cf. example (i) from Bagwalal:

- (i) *mič'a b-ečatu-j jaš*
 hair(III) III-black-II girl(II)
 'a girl with black hair'

3.2.1. Biabsolutive construction

Let us start with the biabsolutive construction.⁷ In (27a), the standard transitive clause with an analytic predicate is shown. The subject is ergative, and both the lexical and auxiliary verbs agree with the absolutive. In (27b), the biabsolutive construction is exemplified. The subject is now absolutive, too, and the auxiliary agrees with it. The typical function of the biabsolutive construction is agent topicalization (and probably patient de-individuation, [Forker 2012]).

- (27) a. *rasul-i*   *ãq*   *l-u-ho*   *l-ejča*   /   **ejča*.
 Rasul-ERG   house(IV)   IV-make-CNV.IPF   IV-AUX.AOR   I.AUX.AOR
- b. *rasul*   *ãq*   *l-u-ho*   *ejča*   /   **l-ejča*.
 Rasul(I)   house(IV)   IV-make-CNV.IPF   I.AUX.AOR   IV-AUX.AOR
- ‘Rasul was building a house.’

Various syntactic diagnostics (possible word order permutations, positions of the focus particle, coordination, ellipsis etc.) suggest that the structure in (27b) is biclausal: the auxiliary and the higher absolutive belong to the matrix clause, whereas the lexical verb and the lower absolutive are in the embedded clause, and each verb agrees with its own absolutive. However, it is not easy to determine whether the absolutive DP in the matrix clause is base-generated (28a) or derived via raising (28b) — the standard diagnostics are mostly inapplicable or controversial.⁸ An obvious alternative analysis, based on attributing a reduced structure to the embedded clause (28c) — as advocated for in [Gagliardi et al. 2014] for Lak — cannot be maintained for Khwarshi, for many reasons. The strongest argument is the fact that ergative is still licensed in the embedded clause in the biabsolutive construction. To see this let us consider (29a), where ergative case shows up in the biabsolutive construction on the first component of the reflexive pronoun, which copies the case of the binder. Another way to observe the ergative in the biabsolutive construction is to look at the emphatic reflexive, which normally copies the case of its controller (29b).⁹

- (28) a. *rasul_i*   [PRO_i   *ãq*   *l-u-ho*]   *ejča*.
 Rasul(I)   ERG   house(IV)   IV-make-CNV.IPF   I.AUX.AOR
- b. *rasul_i*   [_{t_i}   *ãq*   *l-u-ho*]   *ejča*.
 Rasul(I)   ERG   house(IV)   IV-make-CNV.IPF   I.AUX.AOR
- c. *rasul*   [_{VP} *ãq*   *l-u-ho*]   *ejča*.
 Rasul(I)   house(IV)   IV-make-CNV.IPF   I.AUX.AOR
- ‘Rasul was building a house.’

⁷ Biabsolutive constructions in Northeast Caucasian languages have been discussed in a number of grammatical descriptions, as well as in comparative studies (see [Forker 2012] for an overview). A detailed analysis of biabsolutive constructions in Lak and Tsez is presented in [Gagliardi et al. 2014]. The biabsolutive construction in Khwarshi has more in common with the type seen in Tsez; however, there are several mismatches between them, see below.

⁸ Similar complications for many other constructions in ergative languages have been reported in [Polinsky, Potsdam 2001; 2002; 2006; Potsdam, Polinsky 2012], which provided the basis for an empirical argument in favor of the movement analysis of control ([Hornstein 1999] and elsewhere). Note, however, that even if multiple case positions are in principle allowed under A-movement, and the resulting case form is chosen according to a case hierarchy (cf. [Baker 2015]), the biabsolutive construction is even more puzzling, because a less marked absolutive case is obligatorily chosen over the more marked ergative case.

⁹ The diagnostic involving the first component of the complex reflexive is compromised in Khwarshi by the fact that complex reflexives can contain a “frozen” ergative component [Testelets 2019c]. The emphatic reflexive, however, cannot appear in the ergative unless its controller is also ergative. I conclude that (29a–b) reveal the presence of an ergative empty category in the biabsolutive construction. See also [Ganenkov 2016] for a similar argument for Lak.

- (29) a. *rasul [isi isa ãq l-u-ho] ejča.*
 Rasul(I) self.ERG self.GEN1 house(IV) IV-make-CNV.IPF I.AUX.AOR
 ‘Rasul was building his own house.’
- b. *rasul [isič ãq l-u-ho] ejča.*
 Rasul(I) self.ERG house(IV) IV-make-CNV.IPF I.AUX.AOR
 ‘Rasul was building a house all by himself.’

I conclude that the biabsolutive construction in Khwarshi involves either a control structure with a case-marked PRO (28a) or subject raising out of a case position (28b), and postpone further discussion until § 4.2.3. However, even if we do not fully understand the exact syntactic mechanisms producing the biabsolutive construction, it can still be used as a characteristic function of a set of arguments with similar properties. If ergative subjects can give rise to the biabsolutive construction, then ergative case is not preserved under raising or can be assigned to PRO, which is a hallmark of a structural rather than inherent case. If we further find out that dative experiencer subjects pattern with ergative subjects, we obtain evidence that the grammatical ergative and the grammatical dative may belong to the same class in a case taxonomy. This is essentially the kind of evidence this section is intended to provide.

The biabsolutive construction in Khwarshi is generally found with transitive verbs licensing the ergative subject, see (27a–b) above. However, unlike closely related Tsez [Gagliardi et al. 2014], Khwarshi also allows the biabsolutive construction to be based on dative subjects:

- (30) a. *pat'imat-e-l uža ak^wa-ha ejča.*
 Patimat-O-DAT boy(I) I.see-CNV.IPF I.AUX.AOR
- b. *pat'imat uža ak^wa-ha j-ejča.*
 Patimat(II) boy(I) I.see-CNV.IPF II-AUX.AOR
 ‘Patimat was seeing her son.’

Importantly, only subjects can give rise to the biabsolutive construction. Accordingly, only dative subjects, and not other types of datives, pattern with ergative subject in this respect.

The behavior of poss-essive subjects merits a discussion. In non-volitional agent constructions with transitive verbs, the poss-essive seems to allow the biabsolutive construction:

- (31) a. *rasul-go ittan dija telefon l-ica-χ-χo l-ejča.*
 Rasul-POSS always I.GEN1 phone(IV) IV-break-CAUS-CNV.IPF IV-AUX.AOR
- b. *rasul ittan dija telefon l-ica-χ-χo ejča.*
 Rasul(I) always I.GEN1 phone(IV) IV-break-CAUS-CNV.IPF I.AUX.AOR
 ‘Rasul was always destroying my phone.’

However, it can be argued that (31b) is not a counterpart of (31a), but of a transitive clause with an ergative subject. First, (31b) lacks the meaning component ‘accidentally’ that is conveyed in (31a). Secondly, poss-essive encoding of the first component of the emphatic reflexive is not available. Finally, with verbs obligatorily selecting a non-volitional agent, e.g. *-uč'e-l* ‘spill’, *-aqa* ‘find’, the biabsolutive construction is illicit. Likewise, poss-essive temporary possessors do not participate in the biabsolutive construction.

It is not clear whether verbs projecting an absolutive subject can appear in the biabsolutive construction. Indeed, if the absolutive subject were raised/replaced with PRO, the result would be indistinguishable from the regular construction. Importantly, the oblique object cannot be raised/replaced with PRO in the biabsolutive construction.

To sum up, the biabsolutive construction in Khwarshi is subject-oriented; among non-absolutive subjects, only ergative and dative subjects can alternate with absolutives in biabsolutive constructions.

3.2.2. Control structures

A number of matrix predicates in Khwarshi embed control infinitives. To discuss control structures I will use the example of the analytic causative construction.

The analytic causative construction involves a biclausal structure where the matrix causative verb *-ešt'a* ‘let’ embeds the control infinitive and projects an ergative causer and absolutive causee, the latter controlling the PRO subject of the infinitive:

- (32) *žu b-eyola t'ero-ho birgadir-lana ad-a ešt'a-na.*
 he(i) III-long bridge(III)-AD foreman-ADV I.WORK-INF I.let-CNV.PF
 ‘They made him work on the long bridge as a foreman.’ (Resettlement, 15)

Though Northeast Caucasian infinitives are generally compatible with non-control construals (cf. (12)), in several configurations, including analytic causatives, obligatory control (OC) obtains: the subject of the infinitival clause is represented by the empty category obligatorily controlled by the dedicated argument of the matrix predicate.

The analytic causative construction provides information about possible case marking of PRO in OC configurations. First of all, it should be noted that the infinitival clause preserves the case-marking of the finite clause, as evidenced again by the case properties of complex reflexives and emphatic reflexives:

- (33) a. *obu-t'-i rasul [PRO_j isi_{ij} isa āq l-uw-a] ešt' t'a.*
 father-O-ERG Rasul(i) self.ERG self.GEN1 house(IV) IV-make-INF I.let.AOR
 ‘The father_i forced Rasul_j to build his_{ij} own house.’
 b. *obu-t'-i rasul [PRO_j isič_j āq l-uw-a] ešt' t'a.*
 father-O-ERG Rasul(i) self.ERG house(IV) IV-make-INF I.let.AOR
 ‘The father forced Rasul_j to build a house all by himself_j.’

Consequently, I assume that the OC PRO in the causative construction can be case-marked. OC PRO can appear in the position of the absolutive (32), ergative (33), and dative (34) subject.

- (34) *obu-t'-i rasul [PRO pat'imat j-ak^w-a] ešt'a-j.*
 father-O-ERG Rasul(i) DAT Patimat(II) II-see-INF I.let-NEG.AOR
 ‘The father did not allow Rasul to see Patimat.’

Poss-essive arguments in a non-volitional agent construction or temporary possession construction cannot be replaced with OC PRO. This might be explained by saying that OC PRO is restricted to volitional subjects, which would rule out poss-essive arguments (as suggested by [Gagliardi et al. 2014] for Tsez). However, this explanation cannot be maintained for Khwarshi, since absolutive OC PRO is attested in clearly non-volitional contexts:

- (35) *žu ila išu j-ih-a j-ešt' t'a-λλa...*
 this we.GEN1 mother(II) II-die-INF II-let.AOR-QUOT
 ‘...they let our mother die.’ (Our mother, 26)

So I conclude that the poss-essive subject PRO is excluded for structural rather than semantic reasons.¹⁰ Thus, the distribution of the OC PRO is similar to that of the empty category in biabsolutive constructions: it is restricted to absolutive, ergative or dative subjects.

¹⁰ Similar restrictions on the OC PRO are attested in other OC configurations in Khwarshi, e.g. with implicative subject control verbs projecting their own nominal argument.

3.2.3. Nominalization

Nominalizations in Northeast Caucasian languages, traditionally called *masdars*, have much in common across the family, but also differ significantly with respect to several parameters. Apparently, most languages possess nominalizations projecting all the arguments of the verb and retaining their clause-like encoding. At the same time, nominalizations are nominal constituents, and as such possess nominal categories (class, number, case) and allow adnominal modifiers (demonstratives, possessors, adjectives). Our point of interest in this section is the possibility of possessive (genitive) marking of the arguments of the nominalization. In previous literature this process has been construed as raising, i.e. A-dependency, although all the cases are still licensed in the nominalization,¹¹ and possessive marking does not imply overt movement of the argument to the edge of the nominalized constituent. These peculiarities do not change the fact that as in conventional raising configurations, in Northeast Caucasian nominalizations the functional head responsible for the alternative case marking serves as a probe c-commanding all the arguments projected by the verb.

With respect to genitive marking of arguments, at least three parameters characterizing a given nominalization in a given language can be identified. Firstly, nominalizations differ as to the number of arguments which can receive adnominal encoding at any one time. Secondly, nominalizations differ as to the exact range of arguments allowing genitive case marking. Finally, nominalizations differ as to whether a lower argument (e.g. absolutive object) can receive genitive in the presence of the higher argument (e.g. ergative subject). In some Northeast Caucasian languages, superiority effects exclude adnominal marking of the object if the subject intervenes (see [Lyutikova 2021b] for examples).

Khwarshi nominalizations impose no restrictions on the number of arguments receiving an adnominal genitive.¹² Moreover, adnominal encoding is available for a structurally inferior argument in the presence of a c-commanding intervener. In (36), for instance, either of the core arguments of the nominalization may appear in the genitive. For most native speakers, genitive encoding does not involve any dislocation of the argument.

- (36) a. *di-l goqqa rasul-i ãq l-u-nu.*
 I.O-DAT like.AOR Rasul-ERG house(IV) IV-make-MSD
 'I liked Rasul's building the house.' (a = b = c = d)¹³
- b. *di-l goqqa rasul-e-s ãq l-u-nu.*
 I.O-DAT like.AOR Rasul-O-GEN1 house(IV) IV-make-MSD
- c. *di-l goqqa rasul-i ãq-e-s l-u-nu.*
 I.O-DAT like.AOR Rasul-ERG house(IV)-O-GEN1 IV-make-MSD
- d. *di-l goqqa rasul-e-s ãq-e-s l-u-nu.*
 I.O-DAT like.AOR Rasul-O-GEN1 house(IV)-O-GEN1 IV-make-MSD

¹¹ Again, the diagnostics involving emphatic and complex reflexives provide evidence that alternative possessive encoding occurs in configurations where the original case is still licensed.

¹² Yakov Testelefs (p.c.) reports that his consultants generally reject examples like (36d), where two or more arguments receive genitive encoding simultaneously. Presumably, the number of arguments bearing adnominal encoding in nominalizations is subject to variation. My tentative generalization is that those speakers who allow for two referential genitives with picture nouns (*Rasul's picture of Zaira*) are also liable to accept examples like (36d).

¹³ Native speakers report slight interpretational differences between (36a) and (36b–d): whereas (36a) is felicitous if the speaker approves of the very fact of building, in (36b–d), the speaker likes the way the construction is implemented. Similar facts are noted for nominalizations in other languages of the family, e.g. Tsakhur [Kibrik, Testelefs (eds.) 1999] and Bagwalal [Kibrik (ed.) 2001].

This peculiarity of Khwarshi nominalizations allows us to compare not only subjects with various case properties (absolutives, ergatives, datives, poss-essives), but also various arguments with the same case marking (absolute subjects and objects, dative subjects, indirect and oblique objects, poss-essive subjects and objects).

Absolute subjects allow for genitive encoding in nominalizations; the relevant example is (22a). Dative subjects can receive genitive encoding as well; thus, dative of a subject patterns with other grammatical cases (37). Importantly, dative objects and adjuncts cannot be put into the genitive.

- (37) *l-iq'a-na*   *begawul-e-l isa*   /   *isu-l*   *bałgoti*   *l-iq'e-nu*.
 IV-know-CNV.PF   elder-O-DAT   he(1).GEN1   he(1).O-DAT   secret(IV)   IV-know-MSD
 'The elder understood that he had learnt the secret.' [Walls have ears, 19]

Poss-essive arguments cannot receive genitive marking in the context of nominalization. It is easy to see that non-volitional agents disallow genitive encoding — the genitive DP can only be interpreted as a possessor of the absolute (or, if the verb allows this reading, as a volitional (ergative) subject). In nominalized possessive clauses, genitive encoding of the possessor gives rise to the permanent possession interpretation, attested in finite clauses as well. Other oblique arguments and adjuncts also disallow genitive encoding. I conclude that absolutives, ergative subjects, and dative subjects pattern together with respect to this diagnostic, as opposed to poss-essive subjects and objects, dative objects, and all adjuncts.

Very similar restrictions on adnominal encoding of arguments are attested in Bagwalal. Bagwalal differs from Khwarshi in that only a single instance of genitive case marking can be assigned in any nominalization, and superiority applies, meaning that there is no choice as to which argument this genitive marking will appear on. In intransitive clauses, the absolute argument can receive genitive case marking; ergative and dative subjects also allow genitive marking; at the same time, affective subjects not only disallow the genitive, but also create the intervention configuration for absolute objects, to the effect that neither argument of an affective verb can receive genitive marking [Kibrik (ed.) 2001: 525]. The difference between dative and affective experiencer subjects in Bagwalal is very instructive: the affective originates from an Andic localization affix which is still found on several adverbs in Bagwalal; recall also that overt post-positions can assign affective case to their arguments.

Thus, nominalizations provide us with a crucial piece of information: they characterize properties of arguments free from the impact of superiority effects or subject-orientedness. Importantly, we have learned that absolute subjects and objects pattern together, but dative subjects behave differently from dative objects.

So far, the evidence for grouping grammatical cases together and opposing them to semantic cases is positive with respect to grammatical cases: arguments bearing grammatical cases are eligible for participation in constructions involving alternative case marking, while other arguments and adjuncts are not. The information we still lack is whether these other arguments and adjuncts constitute a uniform group. Therefore, we now need some evidence in favor of grouping them together, e.g. some process in which only arguments and adjuncts in semantic cases participate.

Besides, the mere fact that grammatical cases differ from semantic cases does not provide us with cues about the syntactic representation of case forms. There are a number of oppositions we can think of as underlying the distinction: structural vs. inherent case in standard generative case theory, structural vs. inherent or inherent vs. lexical case in Woolford's [2006] extended taxonomy, dependent vs. lexical case in configurational case theory, and DP vs. PP (with further characterization of the case assigned by P) in Polinsky's [2016a] classification of ergatives.

Fortunately, Khwarshi possesses a grammatical device which is extremely useful in providing the evidence we lack — the attributive morpheme. Attributivizers are attested in many Northeast Caucasian languages (see [Boguslavskaya 1989]), but their distribution varies

significantly — from building adnominal modifiers on the basis of certain spatial case forms in Akhwakh up to marking any adnominal constituent in Tsakhur. The distribution of the Khwarshi attributivizer lies in the middle of this scale, and, importantly, can be accounted for in purely syntactic terms. In the next section, I present evidence from attributivization which not only provides us with positive grounds for unifying oblique objects and adjuncts, but also suggests a specific syntactic representation of the dichotomy between grammatical and semantic case forms.

3.2.4. Attributivization

The crucial property of Khwarshi is the co-existence of two techniques for introducing adnominal dependents: genitive construction and attributive construction.

These two constructions have a significant semantic overlap and can be used to express very similar relations, e.g. source, material, or goal:

- (38) a. *baχ-za-s*   *lal*
 grass-O.PL-GEN1   oil
 ‘herbal oil’, lit. ‘oil of herbs’
- b. *baχ-za-žu-sa*   *lal*
 grass-O.PL-ABL-A   oil
 ‘herbal oil’, lit. ‘oil from herbs’
- (39) a. *behana-s*   *χabar*
 pretence-GEN1   story
 ‘fictional story’, lit. ‘story of pretence’
- b. *behana-l-sa*   *χabar*
 pretence-DAT-A   story
 ‘fictional story’, lit. ‘story for pretence’

They differ significantly, however, as to the possible syntactic category of their complements. The genitive only attaches to the oblique stem form of nouns or substantivized constituents. The attributive morpheme, meanwhile, combines with non-nominal constituents: adverbial and postpositional phrases. Crucially, where semantic case forms are found adnominally they pattern with PPs in bearing attributive marking, providing evidence for the analysis of semantic case forms as PPs. Syntactic selection of the two morphemes is illustrated by (40) and summarized in Table 2.

- (40) a. *iša-t'e-s*   / **iša-t'e-sa*   / *iša-sa   *kaʔat*
 mother-O-GEN1   mother-O-A   mother-A   letter
 ‘the mother’s letter’
- b. [_{ADVP} *hũlχo*]-*sa*   / * [_{ADVP} *hũlχo*]-*s*   *χik'o-ba*
 yesterday-A   yesterday-GEN1   khinkali-PL
 ‘yesterday’s khinkali’
- c. [_{PP} *di-λ'o*   *adʔol*]-*sa*   / * [_{PP} *di-λ'o*   *adʔol*]-*es*   *uža*
 I.O-SUP   before-A   I.O-SUP   before-GEN1   boy
 ‘the boy in front of me’
- d. [_{PP} *b-oλa-λ'o*]-*sa*   / * [_{PP} *b-oλa-λ'o*]-*s*   *muk'o*
 III-middle.O-SUP-A   III-middle.O-SUP-GEN1   place
 ‘the place in the middle’

Table 2

Selectional restrictions of genitive and attributive

	DP	AdjP	AdvP	PP
attributive	–	(+)	+	+
genitive	+	–	–	–

Therefore, Khwarshi attributive morphology provides us with a powerful diagnostic of the PP status of a case form. In § 2.5.4, we have seen that all case forms licit in adnominal use, except for the genitive, combine with the attributive morpheme, and consequently should be characterized as PPs. Yet in this context, the structural status of relational cases, as well as the status of idiosyncratically governed objects, cannot be checked, since they are only licensed in the verbal environment.

The context where verbal arguments appear inside a noun phrase is provided by nominalization. In § 3.2.3, we have seen that only arguments bearing grammatical case — absolutive subject and object, ergative subject, and dative subject — allow genitive encoding within nominalization. Now we can check if attributivization of verbal arguments is allowed, and if so, which arguments can bear attributive morphology in nominalizations.

First of all, it is important to make sure that the selectional restrictions of the attributive morpheme persist in the nominalization context. It so happens that PP adjuncts can indeed be attributivized, and for adverbs, two strategies are available. For adverbs derived from adjectives, the derivational morphology is dropped; non-derived adverbs attach the attributive morpheme.

- (41) a. *xeχilana* / *xeχu-r* *bajdan-ƣo(-jžo)* *lił'ol(-ejžo)* *durid-nu-ƣo-žu*
 quickly quick-IV meadow-POSS-AO upwards-AO run-MSD-POSS-ABL
 ‘because of (his) fast running upwards through the meadow’
- b. *idi(-sa)* *hadam* *gobč'i-nu*
 here-A people NEG.COP-MSD
 ‘(the fact that) there are no people here’

We now examine which options of adnominal encoding are available for various verbal arguments. Arguments in grammatical cases — absolutives, ergative subjects, and dative subjects — only allow genitive encoding; the original case affix is dropped. Attributivization of these case forms is illicit.

- (42) a. *di-l* *ƣoƣƣa* *obu* / *obu-t'e-s* / **obu-sa* / **obu-t'e-sa* *λes-nu.*
 I.O-DAT like.AOR father.ABS father-O-GEN I father-A father-O-A sleep-MSD
 ‘I liked it that the father was asleep.’
- b. *di-l* *ƣoƣƣa* *obu-t'i* / *obu-t'e-s* / **obu-t'i-sa* / **obu(-t'e)-sa*
 I.O-DAT like.AOR father-O-ERG father-O-GEN I father-O-ERG-A father-O-A
ƣaj / *ƣaj-i-s* / **ƣaj-sa* / **ƣaj-i-sa* *b-u-nu.*
 house(III).ABS house-O-GEN I house-A house-O-A III-do-MSD
 ‘I liked it that the father built a house.’
- c. *di-l* *ƣoƣƣa* *pat'imat-e-l* / *pat'imat-e-s* / **pat'imat-e-l-sa* /
 I.O-DAT like.AOR Patimat-O-DAT Patimat-O-GEN I Patimat-O-DAT-A
*pat'imat(-e)-sa *iša* *j-ak^νa-nu.*
 Patimat-O-A mother(II).ABS II-see-MSD
 ‘I liked it that Patimat saw her mother.’

In contrast, PP-arguments — poss-essive subjects, dative indirect objects, and oblique objects bearing locative cases — cannot be converted into genitives (whether by dropping the original case morpheme or adding genitive marking to it), while they do allow attributivization.

- (43) a. *di-l goqqa rasul-*qo* / rasul-*qo-sa* / *rasul-e-s / **rasul-*qo-s***
 I.O-DAT like.AOR Rasul-POSS Rasul-POSS-A Rasul-O-GEN1 Rasul-POSS-GEN1
ĩĩ j-uč'e-l-nu.
 milk(v) v-pour-POT-MSD
 'I liked it that Rasul accidentally spilled the milk.'
- b. *di-l goqqa iša-t'-i pat'imat-e-l / pat'imat-e-l-sa /*
 I.O-DAT like.AOR mother-O-ERG Patimat-O-DAT Patimat-O-DAT-A
 **pat'imat-e-s / *pat'imat-e-l-es kunta tiļ-nu.*
 Patimat-O-GEN Patimat-O-DAT-A dress give-MSD
 'I liked it that the mother gave Patimat a dress.'
- c. *di-l goqqa rasul patimat-ļ'o /*
 I.O-DAT like.AOR Rasul Patimat-SUP
patimat-ļ'o-sa / *patimat-e-s / *patimat-ļ'o-s urvida-nu.
 Patimat-SUP-A Patimat-O-GEN1 Patimat-SUP-GEN1 think-MSD
 'I liked it that Rasul thought of Patimat.'

These results are summarized in Table 3. We see that variation in argument marking within nominalizations provides strong evidence for the hypothesis that the distinction between grammatical and semantic cases is represented structurally: core arguments behave as DPs, oblique arguments behave like PPs.

Table 3

Encoding variation in Khwarshi nominalizations

Original encoding (verbal environment)	ABS	ERG subject, DAT subject	POSS subject	Indirect and obl. objects	PP adjunct	Adverb
Derived encoding (nominal environment)	GEN / *A	GEN / *A	*GEN / A	*GEN / A	*GEN / A	Adj / A

3.3. Other diagnostics

Other phenomena which might be relevant for determining properties of case forms are phenomena involving A-bar movement and splits. As argued convincingly by Polinsky [2016a], extraction and subextraction options are indicative of the internal structure of nominal case forms and therefore can provide a contrast between various types of arguments.

In the cross-linguistic perspective, the relevant phenomena include: relativization involving an overt or covert operator (relativization with a gap), *wh*-movement in root and embedded questions, focalization (comprising focus in yes/no questions) and topicalization with a split. In Khwarshi, however, no differences between types of case forms can be detected with respect to these processes [Testelefs 2019b]; moreover, postpositional phrases behave exactly like case forms with respect to these diagnostics. Apparently, this outcome is due to the fact that the phenomena under discussion do not involve (covert) A-bar movement in Khwarshi.¹⁴

¹⁴ Interestingly, not all Northeast Caucasian languages are like Khwarshi in this respect. Testelefs [2016] reports a contrast between direct and oblique case forms in Avar with respect to transparency for focusing. The evident difference between Khwarshi and Avar focus constructions is that in Avar, focusing triggers a pseudo-cleft construction involving relativization. We might suggest that focusing in Avar, unlike in Khwarshi, is based on A-bar movement, and this is why Avar exhibits the contrast Khwarshi lacks.

3.4. Summary of findings

Let us take stock of what we have learned so far. Table 4 summarizes the properties of nominal arguments and adjuncts in Khwarshi.

Table 4

Morphological and syntactic properties of nominal arguments and adjuncts

	Absolutives		Oblique subjects			Oblique objects		Adjuncts
	ABS subject	ABS object	ERG subject	DAT subject	POSS subject	DAT indirect object	LOC objects	
I. Direct–oblique opposition								
1. Case morphology	zero; direct stem		case affix; oblique stem					
2. DP-internal concord	direct form		oblique form					
3. Predicate agreement	yes		no					
II. Grammatical–semantic opposition								
4. Case change	yes			no				
5. Case marking of PRO	yes	(no)	yes			no		
6. Attributivization	no			yes				

As Table 4 demonstrates, major morphosyntactic phenomena in Khwarshi are organized around two oppositions: (i) absolutive vs. non-absolutive arguments and (ii) arguments bearing grammatical cases vs. those bearing semantic cases. These oppositions are somewhat independent of the structural position of the nominal in the syntactic tree, as well as of c-command relations with other arguments. Absolutives behave uniformly whether they are subjects, objects, or licensed by other contexts (subject of adjective, ungoverned configurations); poss-essive subjects pattern with poss-essive (and other oblique) objects.

At the same time, we observe that arguments bearing similar cases but located in different structural positions can have different properties, and this difference is not reducible to superiority effects. Thus, dative indirect objects, unlike dative subjects, cannot receive genitive case under nominalization, and this fact cannot be explained by the intervention of the higher subject, because (absolutive) objects are able to appear as genitives in the presence of a subject.

Therefore, in order to account for the syntactic behavior of various arguments we need a theory which would involve, in addition to the syntactic representation of argument structure introduced in § 2.3, a syntactic representation of the case forms themselves as the explanatory mechanism. In § 4 I develop such a theory, building upon the generalization concerning the PP status of semantic cases obtained in § 3.2.3.

4. Analysis

In this section, I introduce my hypothesis concerning the internal syntactic structure of case forms in Khwarshi and show how their morphosyntactic properties are associated with their structural characteristics.

4.1. Proposal: the syntactic representation of case

I propose that the two functional oppositions governing the morphosyntactic properties of arguments and adjuncts translate into the following structural distinctions.

The direct–oblique opposition is represented as the presence vs. absence of the formal case feature on the nominal. The absolutive is the case-less (ungoverned) DP, which can be projected by any kind of predicate (verb, adjective, or Pred head) and assigned a very vague Theme theta-role. As for the absolutives in ungoverned positions discussed in § 2.2.6, I suppose that they are thematically licensed as vocatives, oaths, exclamations, or titles by specific functional heads in the syntactically represented pragmatic shell [Speas, Tenny 2003; Hill 2007; Slocum 2016]. Non-absolutive nominals bear a formal case feature.

The grammatical–semantic opposition is represented as the contrast between DP and PP. Arguments with marked grammatical cases (ergative and dative subject) are DPs bearing a formal case feature. The dedicated functional head (v_{TR} , v_{EXP}) in the extended verbal domain values this feature and assigns the corresponding theta-role (Agent, Experiencer) to its DP argument. Semantic cases are PPs headed by an empty P ($\emptyset_P$). The case morphology which shows up on the DP in the semantic case is the exponent of the inherent case assigned by this P. PPs allow further distinctions as to the semantic content of the empty P. If P has its own semantic content, it can assign a corresponding theta-role to the DP it projects; in this case, the PP can be licensed by itself and might function as an adjunct or a predicate in copular sentences. If, on the other hand, P is semantically bleached, then it cannot license its argument thematically. In this case, the PP can only function as an argument selected by a verbal head, which theta-licenses P's argument DP through theta-transmission. I suppose that non-core arguments, including poss-essive subjects, dative indirect objects, and idiosyncratic oblique objects, belong to this type. The structural representation of case forms in Khwarshi is summarized in (44).

- (44) a. absolutive: DP; case-less; licensed and assigned a theta-role by a predicate
 b. ergative agent subject: DP_[case:ERG]; case and theta-role assigned by v_{TR}
 c. dative experiencer subject: DP_[case:DAT]; case and theta-role assigned by v_{EXP}
 d. poss-essive non-volitional agent subject: [_{PP} DP_[case:POSS] $\emptyset_P$]; case assigned by $\emptyset_P$, theta-role assigned by $v_{NON-VOL}$
 e. oblique objects: [_{PP} DP_[case:VAL] $\emptyset_P$]; case assigned by $\emptyset_P$, theta-role assigned by V/AppI
 f. adjuncts: [_{PP} DP_[case:VAL] $\emptyset_P$ /P]; case and theta-role assigned by $\emptyset_P$ /P

In the next section, I show how the proposed structural representation of case forms allows us to explain the contrasts identified in § 3.

4.2. Explaining the contrasts

Below I group the phenomena revealing the relevant contrasts into three types: morphosyntactic, distributional and transformational.

4.2.1. Morphosyntactic properties

The first group of phenomena is sensitive to the opposition of case-marked vs. case-less DPs. They involve not only the internal morphological shape of the noun phrase, but also its eligibility as a goal in the predicate agreement process.

The hypothesis that absolutes are case-less DPs provides a straightforward explanation for the phenomena supporting the direct–oblique opposition. The category of obliqueness translates into the presence of the case feature on the DP, which is further realized morphologically on its subconstituents, along the lines of [Lyutikova 2021a]. Class-number agreement is case-discriminating in the terms of [Bobaljik 2008]: only case-less DPs are eligible as a goal for agreement probes. It should be emphasized that unlike in Bobaljik’s proposal, case discrimination in agreement processes does not presuppose the post-syntactic application of case/agreement: in theories where case assignment takes place in the syntax, the formal case feature (or lack of it) on a DP can condition the application of the agreement rule (see especially [Baker 2015: Ch. 2, 7]). Moreover, there is evidence that the absence of the case feature on the DP at the current stage of derivation can be a prerequisite for agreement [Levin, Preminger 2014; Kornfilt, Preminger 2015]. I assume that class-number agreement in Northeast Caucasian languages observes the earliness principle [Pesetsky 1989] and takes place as soon as the required configuration is built; consequently, predicates agree with their absolutes as soon as they project them.

4.2.2. Distributive properties

Distributive properties of case forms reflect the ways the DP is theta-licensed. Absolutes are theta-licensed by the predicates (V, Adj, Pred) which project them or by functional heads involved in the syntactic representation of specific speech acts; consequently, they are found in verbal and adjectival environments (but not in nominal or postpositional ones) and as isolated utterances. Lexical or light verbs are involved in the theta-licensing of relational cases, as well as poss-essive subjects and idiosyncratically governed objects. This is why the corresponding case forms are only licit in the verbal domain and cannot be used adnominally or as non-verbal predicates. Finally, case forms corresponding to PPs where P theta-licenses its argument DP are semantically self-sufficient and can be found in any syntactic context that is interpretationally compatible with them.

4.2.3. Transformational properties

Transformational properties of nominals involve case preservation and change in various types of derived constructions — biabsolute constructions, control infinitives, and nominalizations. The analysis attributes these properties to the opposition of DPs and PPs. From the theoretical point of view, it is possible to rationalize the difference between DP and PP arguments in both raising-based and control-based scenarios. If a raising analysis is more appropriate for a given phenomenon, then DPs can raise and express morphologically the case associated with the derived position; PPs, on the contrary, do not allow extraction of their DP arguments. Alternatively, if the control analysis is preferable for some reason, then the difference between DP and PP arguments can be attributed to a ban on inherently case-marked PRO.

As was noted above, distinguishing between raising and control is not an easy matter in Northeast Caucasian languages; neither raising nor control analyses in their “classical” form, based on the absence of case on the relevant empty category, suit the data. However, we can rely on other properties of constructions in modeling their underlying structure.

Let us start with nominalizations. Assuming that in nominalizations, verbal projections are embedded under nominal functional layers (see [Alexiadou 2010] for a comprehensive overview), we should expect that variable marking of arguments is associated with the presence of multiple case-assigning heads, the lower one in the verbal domain and the higher one in the nominal domain. In §§ 3.2.3–3.2.4 we have seen that in nominalizations, both heads are available simultaneously — that is, the nominalization where verbal encoding persists and the nominalization where adnominal encoding obtains do not differ as to their functional structure. This fact opens

up a new perspective on the analysis of differential argument marking in Khwarshi nominalizations as involving variable spell-out of multiply assigned case.

In the last two decades, significant headway has been made in exploring multiple case assignment. First of all, studies of languages with overt case stacking, such as Kayardild [Evans 1995] or Lardil [Richards 2007; 2013] provide important evidence for the claim that case morphology may be assigned to a DP arbitrarily many times, according to the number of c-commanding case-assigning heads in a certain local domain. Importantly, in certain combinations, some case affixes cannot appear and should be dropped; consequently, even within case-stacking languages, special rules exist that regulate the spellout of case chains. In Lardil, for instance, a structural case affix is overridden by subsequent case morphology, whereas an inherent case affix is preserved.

At the same time, the multiple case assignment analysis has been successfully applied to languages which do not exhibit overt case stacking. Thus, Pesetsky [2013] develops an analysis of Russian case morphology as involving multiple case affixes attached to the noun phrase embedded under multiple syntactic categories; the reason why we do not observe overt stacking is the “One Suffix rule”, which deletes all but the outermost case affix at spellout.

In principle, the format of such rules may differ: we might think of a rule that allows a choice as to which affix in the chain should be retained. Levine [2017] explores multiple case assignment in Korean, where the indirect object can bear two case affixes, the first assigned within VP and the second assigned within TP. Interestingly, overt case stacking is only attested if the noun phrase is focused; otherwise, only one case affix is allowed, but either of the two affixes can be deleted at spellout. Baker [2015: 284] suggests that a similar account may apply to the variation of case morphology in Adyghe raising configurations discussed in [Potsdam, Polinsky 2012], where either the case assigned in the embedded clause or the case assigned in the matrix clause shows up on the relevant noun phrase. Importantly, such variation is only attested in Adyghe if structural case morphology is involved; lexically governed cases cannot be dropped. Similar restrictions seem to apply in Korean: though structural case morphology can attach to inherently case-marked DPs and PPs (e.g. locatives) [Schütze 2001], it cannot replace their exponents.

Turning back to Khwarshi nominalization and pursuing this line of reasoning, I suggest that the data can be accounted for in the following way. Arguments of nominalizations lie within two case domains simultaneously: the verbal domain and the nominal domain. Accordingly, they can in principle be assigned multiple cases: e.g. the transitive agent is assigned both ergative and genitive. At spellout, either of these cases can be chosen. Multiple case assignment, however, is only licit for DP-arguments. PPs, on the other hand, cannot be assigned genitive in the higher nominal domain, and this is why non-core arguments never show up as genitives. At the same time, PPs are compatible with the other kind of adnominal morphology — the attributive affix, which attaches over the PP, and hence cannot give rise to deletion of the inner case affix. Arguably, the generalization drawn by Richards [2013: 42] that semantic (un)interpretability determines whether the case affix can be dropped translates into a condition on case chain formation: inherent cases are covert PPs, and therefore the outer case morphology, even if allowed to land on PP, is separated from the inner case marker by a PP boundary and cannot influence its spellout.

Control structures, as examined in § 3.2.2, are different. Firstly, they do not attest case variation on the relevant argument: the higher case must be realized. Secondly, the structural position of the overt argument is outside the infinitival clause. Thirdly, the overt argument is thematically licensed by the higher predicate. Fourthly, the higher case form can be absolutive.

These properties, I assume, characterize Khwarshi control structures as opposed to multiple case assignment structures as represented by nominalizations. Accordingly, the empty category in the embedded clause is PRO, and the DP/PP opposition is relevant for licensing PRO. I believe that embedding of PRO under the PP shell cannot cause ungrammaticality by itself, in view of the fact that PRO appears freely in case positions. What makes PRO incompatible with PP-arguments is the ban on inherent case-marking, a constraint suggested by Sigurðsson

[2002]. Accordingly, for the contrast of DP/PP arguments to be operative in determining the distribution of PRO, we should assume that DP-arguments bear a structural case (or are case-less).

Turning now to biabsolutive constructions, discussed in § 3.2.1, we observe that they pattern with control structures, not multiple case assignment structures. No variation in case assignment is attested: if the biabsolutive construction emerges (which is signaled by auxiliary agreement), the external argument cannot retain its ergative or dative case marking. Structurally, the overt argument stands outside the constituent projected by the lexical converb. Finally, the overt argument is absolutive. I conclude that the Khwarshi biabsolutive construction is a control configuration, as proposed by [Gagliardi et al. 2014] for Tsez.

Thus, phenomena identifying transformational properties select for the same pool of arguments, but for slightly different reasons. Multiple case assignment configurations are sensitive to the DP/PP status of arguments **and** to the type of case assigned to the DP argument; control configurations are restricted by the type of case assigned to PRO exclusively.

4.3. Controversial issues

4.3.1. On the structural vs. inherent status of grammatical cases

The status of grammatical cases is worth a comment. As the reader may have noticed, the characterization of the ergative (and the dative) as structural rather than inherent contradicts the definition of the structural / inherent distinction in e.g. Woolford's [2006] typology: ergative and dative subjects in Khwarshi are supposed to be case-marked by the functional head projecting them and licensing them thematically, which is a hallmark of inherent, not structural, case.

However, more recent work has shown that ergatives, at least in some languages, attest properties of structural cases: their association with the agent theta-role is far from universal, and they are not preserved under nominalization or raising to the matrix clause. Accordingly, many recent analyses adopt the idea of the ergative as a structural case. Thus, Polinsky [2015; 2016a; 2016b] considers DP-ergatives as bearing structural case (as opposed to PP-ergatives, which bear inherent case); her analysis is couched in the framework of case assignment by heads. Within the configurational framework, the ergative is usually considered as a higher dependent case of the TP domain [Baker 2015; Baker, Bobaljik 2017; Lyutikova 2017b]; dependent case is structural by definition [Baker 2015: 15].

Therefore, I believe that the characterization of a given case as structural or inherent should be based primarily on its properties in a given language. The fact that these properties often correlate with the "modality" of case assignment should not be considered a reason for disregarding the behavior of case forms and relying solely on the mechanism of case assignment. I assume that in principle, a functional head can assign a structural or an inherent case to its argument, and this is a parameter of cross-linguistic variation. In Khwarshi, the transitive and experiential light verbs assign structural cases.

4.3.2. On the status of absolutives

Another issue I would like to discuss is the case-less status of absolutives. Indeed, the uniform account of absolutives as ungoverned case-less DPs may seem undermotivated; an alternative would be to take morphologically unmarked forms as corresponding to different entities — case-less nominals (for citation forms, titles etc.) on the one hand and structurally case-marked DPs (for verbal arguments) on the other. Absolutives in adjectival phrases would then be case-licensed by some invisible verbal head.

Though I cannot refute such proposals directly, I believe that this approach involves several stipulations and makes the analysis more complicated. Firstly, the alleged morphological syncretism of the case-less uncontrolled and case-marked argumental absolutes is not a coincidence but is attested in all the languages of the family. Secondly, no verbal head can be identified in adjectival phrases licensing an absolute subject — not only in languages like Khwarshi, where the copula can be dropped in its finite present form, but also in languages like Bagwalal, where the copula is never dropped. Thirdly, the uniform analysis of absolutes provides a straightforward generalization about the controller of predicate agreement; if argumental absolutes are structurally case-marked DPs, we have to explain why other structurally case-marked DPs, namely ergative and dative subjects, cannot be agreed with by higher probes, e.g. auxiliaries. Finally, if the analysis of DP-internal concord in obliqueness as a syntactic phenomenon [Lyutikova 2021a] is correct, the opposition of **all** absolute DPs to other noun phrases is not only morphological, but should be represented in syntax as well. To sum up, I conclude that distinguishing between case-less and structurally case-marked absolutes results in significant complications.

Let us now determine if there is any positive evidence for analyzing argumental absolutes as structurally case-marked DPs. The most highly elaborated analysis for a Northeast Caucasian language involving such a thesis is Polinsky's [2015; 2016a] account of Tsez absolutes. The reason why Polinsky opts for case-licensing of absolutes is the fact that in Tsez, argument case-licensing can be distinguished from argument projection. The evidence comes from nominalizations. Polinsky shows that the minimal structure of Tsez event nominalizations is too small to incorporate the projections licensing the core arguments of the clause; consequently, arguments of such nominalizations can only appear as genitives. Therefore, absolutes in Tsez are licensed not only by virtue of being the argument of lexical V; they also need a case-licensing head. In Khwarshi, however, there is no configuration revealing a difference between projecting and licensing an absolute; so I conclude that no need for introducing separate case-licensing arises.

To sum up, I believe that other things being equal, the simpler analysis should be preferred; for Khwarshi, the simpler variant is the uniform analysis of absolutes as case-less DPs.

5. Conclusions

In this paper, I studied the properties of various case forms in Khwarshi, a morphologically ergative language of the Northeast Caucasian family, paying special attention to three research questions: (i) How should the ergative case be assigned and structurally represented? (ii) Does it differ from other oblique subjects and objects in this respect? (iii) How should the absolute be characterized? Addressing these questions I examined the morphological and syntactic characteristics of these case forms in various syntactic positions — subject, object, adjunct — and identified two major oppositions organizing the case taxonomy. The first opposition contrasts the absolute as direct and the other case forms as oblique. The second opposition involves the division of case forms into grammatical cases, used to encode core arguments of the clause, and semantic cases, primarily used as adjuncts. Moreover, I determined that certain case forms exhibit differing properties in different syntactic positions: thus, dative subjects behave differently from dative indirect objects or instrumental adjuncts.

Drawing upon the observed characteristics of the case forms, I proposed a structural representation of the case taxonomy. My hypothesis is that the functional opposition of case forms translates into a structural distinction between case-less DPs, case-marked DPs, and PPs headed by an empty P ($\emptyset_P$). Absolutes are invariably case-less DPs, whatever syntactic position they are found in; ergative and dative subjects are structurally case-marked DPs. All the other case forms found in subject, object, or adjunct positions are PPs. PPs allow a further distinction as to the semantic content of the empty P, and, correspondingly, its ability to theta-license its DP argument. PPs headed by semantically bleached Ps can only function as arguments selected

by verbal heads, which can theta-license P's argument DP — poss-essive subjects, dative indirect objects, and idiosyncratic oblique objects belong to this type. Meanwhile, PPs headed by contentful Ps are unrestricted in distribution.

In arguing for this hypothesis I presented a novel diagnostic for the structural status of verbal arguments. This diagnostic is based on selective restrictions on the use of the Khwarshi attributive morpheme, which attaches to adverbial and postpositional but not nominal constituents. The context where verbal arguments can undergo attributivization is provided by nominalizations. I showed that DP-arguments and PP-arguments employ different techniques of adnominal marking: DP-arguments receive genitive case and cannot be attributivized, whereas PP-arguments cannot be marked with the genitive but do allow attributivization.

The present study contributes to our understanding of ergativity in the following ways. First, it provides empirical support for the theoretical model of Northeast Caucasian-style ergativity advocated for in [Polinsky 2016a], which involves *v*P-bound argument licensing and characterizes the ergative as a structural case feature on DP arguments. Secondly, it proposes an alternative characterization of absolutes as case-less DPs on the basis of their distribution in non-verbal contexts and their special status with respect to predicate agreement and DP-internal concord. Finally, it addresses the challenging issue of the comparison of ergative subjects with other oblique subjects. The Khwarshi data seem to be very instructive in this respect, since Khwarshi attests two non-ergative oblique subjects, which differ in their properties and structural characteristics. Dative subjects pattern with ergative subjects and call for a similar analysis. Poss-essive subjects, on the other hand, appear to occupy the same structural position but differ as to their internal structure, exhibiting properties of PP-arguments.

This variation in the DP/PP status of oblique subjects, coupled with the fact that corresponding case forms are still found in other syntactic positions where they clearly exhibit PP-properties, points to a specific path of diachronic development of oblique subjects, including ergative subjects. The process starts with a PP headed by a contentful P which case-licenses and theta-licenses its DP-argument. If P undergoes semantic bleaching and loses the ability to theta-mark its argument, this PP can only appear as an argument of a verbal head which theta-licenses it. Such PP-arguments of light verbs become PP-subjects. In Khwarshi, poss-essive subjects belong to this type. The transition from oblique PP-subjects to oblique DP-subjects involves syntactic restructuring erasing the PP layer and the reanalysis of the inherent case assigned by P as structural case assigned by *v*. This is the stage attained by ergative and dative subjects in Khwarshi. Subsequent development might result in further assimilation of oblique subjects to absolute subjects, making them equally eligible for external ϕ -probes — the process we observe in several Northeast Caucasian languages developing person agreement [Ganenkov 2017; Forker 2020]. In general, the patterns found in Khwarshi provide strong support for the diachronic transition from inherently case-marked arguments embedded under a covert PP layer to structurally case-marked DPs, proposed for oblique subjects [Polinsky 2016a] as well as for other core arguments [Anagnostopoulou, Sevdali 2020]. In this way, the paper not only contributes to our understanding of the synchronic state of Northeast Caucasian ergativity, but also sheds light on its diachronic development.

ABBREVIATIONS

I-VI — nominal class
 A — attributive
 ABL — ablative
 ABS — absolute
 AD — adessive
 ADD — additive
 AO — oblique form of the attributive
 AOR — aorist

AUX — auxiliary
 CAUS — causative
 CNV.IPF — imperfective converb
 CNV.PF — perfective converb
 COP — copula
 DAT — dative
 ERG — ergative
 FOC — focus particle

GEN1 — genitive 1	PL — plural
GEN2 — genitive 2	POSS — possessive
HPL — human plural	POT — potential
IMP — imperative	PTCP — participle
INF — infinitive	Q — question particle
LAT — lative	QUOT — quotative
MSD — masdar (nominalization)	REFL — reflexive
NEG — negation	SUP — superessive
NPL — non-human plural	TMP.CNV — temporal converb
O — oblique	TRNS — translative

REFERENCES

- Aldridge 2008 — Aldridge E. Generative approaches to syntactic ergativity. *Language and Linguistics Compass: Syntax and Morphology*, 2008, 2(5): 966–995.
- Aldridge 2012 — Aldridge E. Antipassive and ergativity in Tagalog. *Lingua*, 2012, 122: 192–203.
- Alexiadou 2010 — Alexiadou A. Nominalizations: A probe into the architecture of grammar. Part I: The Nominalization Puzzle. *Language and Linguistics Compass*, 2010, 4(7): 496–511.
- Anagnostopoulou, Sevdali 2020 — Anagnostopoulou E., Sevdali C. Two modes of dative and genitive case assignment: Evidence from two stages of Greek. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2020, 38: 987–1051.
- Asbury 2008 — Asbury A. R. *The morphosyntax of case and adpositions*. Utrecht: LOT, 2008.
- Baker 2015 — Baker M. C. *Case: Its principles and parameters*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015.
- Baker, Bobaljik 2017 — Baker M. C., Bobaljik J. On inherent and dependent theories of ergative case. *The Oxford handbook of ergativity*. Coon J., Massam D., deMena Travis L. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2017, 111–134.
- Bittner, Hale 1996 — Bittner M., Hale K. The structural determination of case and agreement. *Linguistic Inquiry*, 1996, 27: 1–68.
- Bobaljik 2008 — Bobaljik J. Where's phi? Agreement as a post-syntactic operation. *Phi-Theory: Phi features across interfaces and modules*. Harbour D., Adger D., Béjar S. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008, 295–328.
- Boguslavskaya 1989 — Boguslavskaya O. Yu. *Struktura imennoi gruppy: Opredelitel'nye konstruksii v dagestanskikh yazykakh* [Noun phrase structure: Attributive constructions in Dagestani languages]. Ph.D. diss., Moscow State Univ., 1989.
- Bokarev 1959 — Bokarev E. 1959. *Tsezskie (didoiskie) yazyki Dagestana* [Tsezic languages of Dagestan]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1959.
- Citko 2001 — Citko B. Deletion under identity in relative clauses. *PROCEEDINGS-NELS*, 2001, 31(1): 131–146.
- Coon et al. 2014 — Coon J., Pedro P. M., Preminger O. The role of case in A-bar extraction asymmetries: Evidence from Mayan. *Linguistic Variation*, 2014, 14(2): 179–242.
- Coon et al. (eds.) 2017 — Coon J., Massam D., deMena Travis L. (eds.). *The Oxford handbook of ergativity*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- Daniel 2021 — Daniel M. Agreement in obliqueness in East Caucasian: A formal survey. *Rhema*, 2021, 2: 102–130.
- Deal 2010 — Deal A. R. Ergative case and the transitive subject: A view from Nez Perce. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2010, 28: 73–120.
- Dixon 1979 — Dixon R. M. W. Ergativity. *Language*, 1979, 55: 59–138.
- Dixon 1994 — Dixon R. M. W. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Evans 1995 — Evans N. *A grammar of Kayardild. With historical-comparative notes on Tangkic*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995.
- Forker 2012 — Forker D. The bi-absolutive construction in Nakh-Dagestani. *Folia Linguistica*, 2012, 46(1): 75–108.
- Forker 2017 — Forker D. Ergativity in Nakh-Dagestani. *The Oxford handbook of ergativity*. Coon J., Massam D., deMena Travis L. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- Forker 2020 — Forker D. *A grammar of Sanzhi Dargwa*. Berlin: Language Science Press, 2020.

- Gagliardi et al. 2014 — Gagliardi A., Goncalves M., Polinsky M., Radkevich N. Biabsolutives in Lak and Tsez. *Lingua*, 2014, 150: 137–170.
- Ganenkov 2016 — Ganenkov D. Lak biabsolutives are raising structures. 2016. *Higher School of Economics Research Paper* No. WP BRP 46/LNG/2016. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2883156>.
- Ganenkov 2017 — Ganenkov D. Syntax of person agreement and morphological case in Mehweb. *Acta linguistica Petropolitana*, 2017, 1: 572–604.
- Hill 2007 — Hill V. Vocatives and the pragmatics–syntax interface. *Lingua*, 2007, 117: 2077–2105.
- Hornstein 1999 — Hornstein N. Movement and control. *Linguistic Inquiry*, 1999, 30: 69–96.
- Karimova 2014 — Karimova R. *Khwarshi folklore (with translation into Russian)*. Ed. by B. Comrie. Leipzig; Makhachkala: ALEF, 2014.
- Kayne 1994 — Kayne R. S. *The antisymmetry of syntax*. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Khalilova 2009 — Khalilova Z. *A grammar of Khwarshi*. Utrecht: LOT, 2009.
- Kibrik 1997 — Kibrik A. E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. *Linguistic Typology*, 1997, 1: 279–346.
- Kibrik (ed.) 2001 — Kibrik A. E. (ed.). *Bagvalinskii yazyk* [The Bagwalal language]. Moscow: Gorky Institute of World Literature, 2001.
- Kibrik 2003 — Kibrik A. E. *Konstanty i peremennye yazyka* [Constants and variables of language]. St. Petersburg: Aleteiya, 2003.
- Kibrik, Testelets (eds.) 1999 — Kibrik A. E., Testelets Ya. G. (eds.). *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Tsakhur in typological perspective]. Moscow: Nasledie, 1999.
- Kim 2011 — Kim K. High applicatives in Korean causatives and passives. *Lingua*, 2011, 121: 487–510.
- Kornfilt, Preminger 2015 — Kornfilt J., Preminger O. Nominative as *no case at all*: An argument from raising-to-ACC in Sakha. *Proc. of the 9th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL 9)*. Joseph A., Predolac E. (eds.). Cambridge (MA): MIT Working Papers in Linguistics, 2015, 109–120.
- Landau 2010 — Landau I. *The locative syntax of experiencers*. Cambridge (MA): MIT Press, 2010.
- Legate 2008 — Legate J. A. Morphological and abstract case. *Linguistic Inquiry*, 2008, 39: 55–101.
- Legate 2014 — Legate J. A. *Voice and v: Lessons from Acehnese*. Cambridge (MA): MIT Press, 2014.
- Levin, Preminger 2014 — Levin T., Preminger O. Case in Sakha: Are two modalities really necessary? *Natural Language and Linguistic Theory*, 2014, 33(1): 231–250.
- Levine 2017 — Levine T. Successive-cyclic case assignment: Korean nominative–nominative case-stacking. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2017, 35(2): 447–498.
- Lyutikova 2017a — Lyutikova E. A. Case morphology, syntactic categories and the problem of case taxonomy. *Acta linguistica Petropolitana*, 2017, 3: 11–40.
- Lyutikova 2017b — Lyutikova E. A. Configurational case in a parametric model. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 5: 92–122.
- Lyutikova 2021a — Lyutikova E. A. Concord for obliqueness in Daghestanian languages: A sketch of syntactic model. *Durqazi xazna. Papers on the occasion of Rasul Mualov's 60th anniversary*. Maisak T. A., Sumbatova N. R., Testelets Ya. G. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2021, 187–213.
- Lyutikova 2021b — Lyutikova E. A. Typology of ergativity and grammatical asymmetries in Daghestanian languages. *Rhema*, 2021, 2: 84–101.
- Manning 1996 — Manning C. *Ergativity: Argument structure and grammatical relations*. Stanford: CSLI, 1996.
- Marantz 1991 — Marantz A. Case and licensing. *Eastern States Conf. on Linguistics*. Westphal G., Ao B., Chae H.-R. (eds.). Ithaca (NY): Cornell Linguistics Club, 1991, 234–253.
- Markman, Grashchenkov 2012 — Markman V., Grashchenkov P. On the adpositional nature of ergative subjects. *Lingua*, 2012, 122: 257–266.
- Nash 2020 — Nash L. Causees are not agents. *Perspectives on causation*. Bar-Asher Siegal E. A., Boneh N. (eds.). Dordrecht: Springer, 2020, 349–394.
- Pesetsky 1989 — Pesetsky D. *Language-particular processes and the Earliness principle*. Ms., Massachusetts Institute of Technology, 1989.
- Pesetsky 2013 — Pesetsky D. *Russian case morphology and the syntactic categories*. Cambridge (MA): MIT Press, 2013.
- Polinsky 2015 — Polinsky M. *Tsez syntax: A description*. Ms., 2015. <https://ling.auf.net/lingbuzz/002315>, accessed 27.05.2019.
- Polinsky 2016a — Polinsky M. *Deconstructing ergativity: Two types of ergative languages and their features*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.

- Polinsky 2016b — Polinsky M. Agreement in Archi from a minimalist perspective: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective. *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. Bond O., Corbett G. G., Chumakina M., Brown D. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2016, Chapter 7. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198747291.003.0007>.
- Polinsky, Potsdam 2001 — Polinsky M., Potsdam E. Long-distance agreement and topic in Tsez. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2001, 19: 583–646.
- Polinsky, Potsdam 2002 — Polinsky M., Potsdam E. Backward control. *Linguistic Inquiry*, 2002, 33: 245–282.
- Polinsky, Potsdam 2006 — Polinsky M., Potsdam E. Expanding the scope of control and raising. *Syntax*, 2006, 9: 171–192.
- Polinsky, Potsdam 2012 — Polinsky M., Potsdam E. Backward raising. *Syntax*, 2012, 15: 75–108.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. *Verb meaning and the lexicon: A first-phase syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Richards 2007 — Richards N. *Lardil “case stacking” and the structural/inherent case distinction*. Ms., Massachusetts Institute of Technology, 2007. <https://ling.auf.net/lingbuzz/000405>, accessed July 2, 2020.
- Richards 2013 — Richards N. Lardil “case stacking” and the timing of case assignment. *Syntax*, 2013, 16: 42–76.
- Sharafutdinova, Levina 1961 — Sharafutdinova R., Levina R. The Khwarshi language: A preliminary report. *Voprosy izucheniya iberiisko-kavkazskikh yazykov*. Bokarev E. (ed.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1961, 90–122.
- Sauerland 2003 — Sauerland U. Unpronounced heads in relative clauses. *The interfaces: Deriving and interpreting omitted structures*, 2003, 61: 205–226.
- Schütze 2001 — Schütze C. T. On Korean case stacking: The varied functions of the particles *ka* and *lul*. *The Linguistic Review*, 2001, 18(3): 193–232.
- Sigurðsson 2002 — Sigurðsson H. Á. To be an oblique subject: Icelandic vs. Russian. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2002, 20: 691–724.
- Sigurðsson 2008 — Sigurðsson H. Á. The case of PRO. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2008, 26: 403–450.
- Slocum 2016 — Slocum P. *The syntax of address*. Ph.D. diss., Stony Brook Univ., 2016.
- Speas, Tenny 2003 — Speas P., Tenny C. Configurational properties of point of view roles. *Asymmetry in grammar*. Vol. 1. Di Sciullo A. M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2003, 315–345.
- Testelets 1999 — Testelets Ya. G. Khwarshi. *Yazyki mira. Kavkazskie yazyki*. Alekseev M. E. (ed.). Moscow: Academia, 1999, 339–347.
- Testelets 2009 — Testelets Ya. G. Unexpressed arguments in polypredicative constructions. *Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeiskogo yazyka*. Testelets Ya. G., Arkadiev P. M., Letuchii A. B., Sumbatova N. R. (eds.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2009, 654–711.
- Testelets 2016 — Testelets Ya. G. Case and clause structure in Avar. Paper presented at the open session of the Department of Caucasian languages, Institute of Linguistics, Moscow, May 19, 2016.
- Testelets 2019a — Testelets Ya. G. *Argumental genitive in Khwarshi*. Ms. Moscow: Institute of Linguistics, 2019.
- Testelets 2019b — Testelets Ya. G. *Focus constructions in Khwarshi*. Ms. Moscow: Institute of Linguistics, 2019.
- Testelets 2019c — Testelets Ya. G. A language for Guinness World Records: Fifteen (or more?) reflexive pronouns in Khwarshi. *Rhema*, 2019, 2: 77–99.
- Testelets, Khalilova, in prep. — Testelets Ya., Khalilova Z. Khwarshi. To be published in: *The Caucasian languages. An international handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Woolford 2006 — Woolford E. Lexical case, inherent case, and argument structure. *Linguistic Inquiry*, 2006, 37: 111–130.
- Zaenen et al. 1985 — Zaenen A., Maling J., Thráinsson H. Case and grammatical functions: The Icelandic passive. *Natural Language and Linguistic Theory*, 1985, 3(4): 441–483.

Об одном типологическом раритете: каузатив в цугнинском диалекте даргинского языка

© 2022

Гасангусен Рабаданович Сулайбанов

Практическая школа высших исследований, Париж, Франция;
gasangusen.sulaibanov@gmail.com

Нина Романовна Сумбатова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; nina.sumbatova@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается типологически редкий и, возможно, даже уникальный случай маркирования каузативной деривации, зафиксированный в диалекте селения Цугни даргинской группы языков (нахско-дагестанская семья). В то время как во всех прочих даргинских идиомах каузатив образуется при помощи суффикса (чаще всего суффикса *-axъ*), в цугнинском каузативная деривация маркируется сдвигом ударения с основы глагола на словоизменительный суффикс, примыкающий к основе справа. В связи с этим в работе рассматриваются также правила выбора ударного слога в глагольных словоформах цугнинского и некоторых других идиомов даргинской группы. В заключительной части работы обсуждается вопрос о том, из какого лексического источника и в результате каких процессов мог образоваться такой необычный способ маркирования каузативной деривации.

Ключевые слова: актантная деривация, каузатив, даргинские языки, морфема, нахско-дагестанские языки, несегментная морфология, просодия, редкие явления, ударение

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 17-18-01184.

Для цитирования: Сулайбанов Г. Р., Сумбатова Н. Р. Об одном типологическом раритете: каузатив в цугнинском диалекте даргинского языка. *Вопросы языкознания*, 2022, 3: 109–131.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.109-131

On one typological rarity: The causative in Tsugni Dargwa

Gasangusen R. Sulaibanov

École pratique des hautes études, Paris, France; gasangusen.sulaibanov@gmail.com

Nina R. Sumbatova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; nina.sumbatova@gmail.com

Abstract: The paper deals with a typologically rare and perhaps even unique case of causative marking attested in the dialect of Tsugni (Dargwa group, Nakh-Dagestanian family). Whereas all dialects and languages of the Dargwa group that have been described before express the causative by a suffix (the suffix *-aq* in most cases), the causative derivation in Tsugni is marked by a stress shift — from the verbal stem to the inflectional suffix following it. In this connection, the paper also describes the stress patterns attested in the verbs in Tsugni and some other Dargwa dialects. In the final part of the paper we discuss how this unusual marking pattern could arise and what its lexical source could be.

Keywords: causative, Dargwa, morpheme, Nakh-Daghestanian, non-segmental morphology, prosody, rarer, stress, valency change

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 17-18-01184.

For citation: Sulaibanov G. R., Sumbatova N. R. On one typological rarity: The causative in Tsugni Dargwa.

Voprosy Jazykoznanija, 2022, 3: 109–131.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.109-131

1. Вводные замечания

В большинстве даргинских языков представлена продуктивная каузативная деривация. Наиболее частый способ ее маркирования — глагольный суффикс *-aq*¹, который зафиксирован, в частности, в агушинском, кадарском, ицаринском, санжинском [Forker 2020], тантынском, мегебском идиомах, а также в даргинском литературном языке [С. Абдуллаев 1954: 152–153; Магомедов 1977]. Ср., например, глаголы кадарского диалекта (северно-даргинская группа, пример (1)) и примеры из текстов на тантынском и ицаринском диалектах (2)–(3).

- (1) КАДАРСКИЙ (Н. А. Вагизиева, личное сообщение)

rurž-es ‘кипеть’ > *rurž-aq-es* ‘кипятить’²

arv-es ‘понимать’ > *arv-aʔq-es* ‘объяснять’

- (2) ТАНТЫНСКИЙ [Сумбатова, Ландер 2014: 233]

dazu ka-d-ic:-aq-ur-le=sa-d hil-t:-a-li wanza-la
 граница DOWN-NPL-статья.PFV-CAUS-PRET-CVB=COP-NPL ЭТОТ-PL-OBL.PL-ERG земля-GEN

‘Они установили границу (своей) земли’.

- (3) ИЦАРИНСКИЙ [Sumbatova, Mutalov 2003: 116]

allah-il q:at:a-r že:-d-al blagaralučna
 Аллах-ERG ущелье.LOC-EL вниз-1/2PL-EL благополучно

t:ura-ka-t:-erɣ:-aq-ur=da
 OUT-DOWN-IF-1/2PL-направляться.PFV-CAUS-PRET=1

‘Аллах дал нам благополучно выбраться из ущелья’.

В некоторых идиомах (кункинском, чирагском, в несовершенном виде также в кубачинском) каузативное значение выражается при помощи аналитических конструкций (см. раздел 5).

В настоящей статье речь пойдет о типологически редком и, возможно, даже уникальном способе маркирования каузативной деривации, который мы обнаружили в одном из идиомов даргинской группы языков — диалекте селения Цугни. В этом диалекте каузатив маркируется при помощи **сдвига ударения**, ср., например, глагольные формы в предложениях (4а) и (4б):

- (4) ЦУГНИНСКИЙ³

a. *murad-li hin d-érç:-ib*
 Мурад-ERG вода NPL-ПИТЬ.PFV-PRET

‘Мурад выпил воду’.

¹ Суффикс *-aq* может иметь фонетические варианты *-aʔq*, *-eq*.

² Примеры из литературного даргинского языка даются в даргинской орфографии, примеры из прочих даргинских языков (не имеющих официальной письменности) — в фонологической транскрипции.

³ Ниже все даргинские примеры, для которых не указан язык / диалект, принадлежат цугнинскому диалекту.

b. murad-li urči-c:e hin d-erč:-íb
 Мурад-ERG лошадь-INTER вода NPL-пить.PFV-PRET
 ‘Мурад напоил лошадь водой’.

В (4a) форма аориста (претерита совершенного вида) глагола *bérč:i / búč:i* ‘пить’ имеет ударение на первом слоге (на корне глагола), в (4b) форма аориста, отличающаяся только позицией ударения (которое теперь падает на суффикс претерита) имеет каузативное значение ‘напоил’. Такой способ выражения каузативного значения типологически необычен и, насколько это известно, уникален для даргинских и, шире, нахско-дагестанских языков.

Задача нашей работы — описать необычный способ маркирования каузативной деривации в цугнинском идиоме даргинской группы и выдвинуть гипотезы по поводу возможных источников и путей возникновения этого способа.

Статья имеет следующую структуру: в разделе 2 мы даем необходимые сведения о даргинских языках, в том числе о диалекте селения Цугни; в разделе 3 показываем, как ударение используется в глагольной системе даргинских языков вообще и цугнинского в частности. Следующий раздел представляет собой описание каузативов в цугнинском. В частности, здесь объясняется, почему каузативные глаголы в цугнинском являются дериватами, хотя их морфологическая структура не более сложна, чем структура соответствующих некаузативных глаголов. В разделе 5 мы высказываем некоторые соображения, касающиеся происхождения необычного способа маркирования каузативной деривации, представленного в цугнинском, и, наконец, в заключении коротко суммируем основные наблюдения и выводы.

2. Даргинские языки: необходимые сведения

Даргинские языки образуют подгруппу нахско-дагестанской языковой семьи. В большинстве лингвистических работ до недавнего времени (как и в официальных документах) даргинский рассматривался и рассматривается как один язык с чрезвычайно сильной диалектной расщепленностью. При этом различия между «диалектами» даргинского языка настолько существенны, что в большинстве современных работ высказывается мнение о том, что правильнее было бы говорить о **даргинской группе** языков. Однако поскольку точная классификация идиомов, входящих в даргинскую группу, еще не создана окончательно, то мы не всегда можем отличить идиомы, являющиеся языками даргинской группы, от диалектов и говоров, которые входят в состав этих языков. В данной работе мы опираемся на новейшую версию классификации даргинских языков [Коряков 2021], однако в тексте статьи позволяем себе называть диалектами те даргинские идиомы, статус которых окончательно не определен, включая **диалект** селения Цугни (цугнинский).

Селение Цугни расположено на юге Акушинского района Республики Дагестан. По данным лексикостатистики [Коряков 2021], цугнинский диалект относится к юго-западной группе даргинских языков. Наиболее близки к нему диалекты селений Урари, Мукракари и Танты (94–95 % совпадений для стословного списка базовой лексики; данные Ю. Б. Корякова).

Данные цугнинского диалекта, использованные в этой статье, собраны одним из авторов, Г. Р. Сулайбановым, для которого цугнинский является родным языком. Приводятся примеры из цугнинских текстов, а также словоформы и предложения, полученные путем интроспекции и элицитации. Инструментальных исследований ударения и других аспектов фонетики цугнинского диалекта пока не проводилось.

Грамматические особенности даргинских языков в целом типичны для нахско-дагестанской семьи. Ниже мы отметим те (и только те) из них, которые существенны для понимания нашей работы.

Даргинские языки — это морфологически эргативные языки с исключительно богатой агглютинативной морфологией (как именной, так и глагольной) и левым ветвлением при сравнительно свободном порядке слов. Как и большинство нахско-дагестанских языков, даргинские языки имеют согласование по именному классу (роду) и — в отличие от большинства нахско-дагестанских языков — имеют также согласование по лицу.

Глагольные корни в даргинских языках имеют строгие ограничения на допустимые фонологические структуры, поэтому общее количество глагольных корней сравнительно невелико (200–250 для отдельного идиома). Абсолютное большинство глагольных корней имеет одну из следующих структур:

VC и CL-VC;

VRC и CL-VRC;

RVC,

где V — любая гласная, R — согласная из набора {r, l, m, b, š, ž}, C — согласная (кроме сонорных), символами CL- здесь и в прочих случаях отмечается позиция показателя классного согласования. Присутствие или отсутствие согласования по именному классу является лексической характеристикой глагола (глаголов с классным согласованием большинство); ниже в примерах (5b, d, e, f) глаголы имеют классное согласование, а в (5a, c) — не имеют.

Кроме того, во всех диалектах присутствует небольшое число (от двух до пяти) глагольных корней, состоящих из одной согласной, например, в тантынском диалекте это корни совершенного вида k: ‘давать’, q: ‘нести’, ʔ ‘сказать’; корни несовершенного вида q’ ‘идти’, k’ ‘вести’.

Абсолютное большинство глагольных корней существует в двух вариантах, различающихся по виду (совершенный — несовершенный). Эти варианты образуют видовые пары, причем формальное соотношение между элементами пары нерегулярно, ср. примеры глагольных корней из цугнинского диалекта в (5)⁴:

(5) а. aq / iq ‘преодолевать’

б. CL-arq’ / CL-irq’ ‘делать’

с. aχ / alχ ‘надевать’

д. CL-ac / CL-alc ‘пахать’

е. CL-elč’ / CL-uč’ ‘читать’

ф. CL-elk’ / luk’ ‘писать’

Поскольку, как сказано выше, число собственно глагольных корней невелико, невелико и число так называемых простых глаголов — глаголов, которые, помимо корня, имеют в своем составе только словоизменяемые морфемы (ба–б). От простых глаголов образуются превербные, которые имеют в своем составе один или два преверба (в большинстве

⁴ Здесь и ниже даргинские глаголы цитируются либо в форме инфинитива с показателем неличного класса единственного числа <b> или неличного класса множественного числа <d>, либо в виде основы с условным обозначением позиции классного показателя CL- (CL-arq’ / CL-irq’ ‘делать’). Показатель инфинитива различается по диалектам (в цугнинском показателе -i); при цитировании суффикс инфинитива и классный показатель отделяются дефисом: d-êřč.-i / d-úč.-i ‘пить’. Глаголы цитируются в двух видах через косую черту (слева от черты — совершенный вид, справа — несовершенный). В тех случаях, когда один из видов отсутствует или не приводится, в скобках указывается вид цитируемой формы (если он не указан в тексте). Словоформы из примеров цитируются в том виде, как они встретились в примере.

случаев с локативным значением), как в (6с–d). Кроме того, существует большое число сложных глаголов, которые присоединяют слева от глагольного корня и превербов еще одну лексическую основу, как в (6е–f). Сложные глаголы могут одновременно иметь превербы, которые располагаются непосредственно слева от глагольного корня, как глагол ‘внзуть’ (6f).

(6) **простые глаголы**

a. *b-arq'-i / b-irq'-i* ‘делать’

b. *aχ-i / aλχ-i* ‘надевать’

превербные глаголы

с. *b-it-aq-i / b-it-iq-i* ‘теряться’ (преверб *CL-it-* ‘туда’)

d. *gu.r-ka-b-is:-i / gu.r-ka-b-ils:-i* ‘прятаться’ (превербы *gu.r-* ‘из-под’ и *ka-* ‘вниз’)

сложные глаголы

e. *taman-b-arq'-i / taman-b-irq'-i* ‘заканчивать’ (глагол состоит из простого глагола *b-arq'-i / b-irq'-i* ‘делать’ и корня существительного *taman* ‘конец’)

f. *pa'p-ka-b-ig-i / pa'p-ka-b-irg-i* ‘внзуть’ (глагол состоит из простого глагола *b-ig-i / b-irg-i* ‘садиться’, к которому слева присоединяется корень прилагательного *pa'p* ‘вялый’ и преверб *ka-* ‘вниз’)

Суффиксальное словообразование для даргинских глаголов нехарактерно. Единственным продуктивным суффиксом во всех известных идиомах является показатель каузатива, проиллюстрированный выше в примерах (2–3).

Системы глагольного словоизменения в даргинских языках чрезвычайно богаты и содержат несколько десятков ТАМ-парадигм и нефинитных форм. Все глагольные формы характеризуются по виду, причем часть ТАМ-парадигм и нефинитных форм существует в двух видах (например, опатив или деепричастие прошедшего времени в ряде диалектов могут быть и совершенного, и несовершенного вида), а другая часть — только в одном (например, формы настоящего и будущего времени бывают только несовершенного вида).

Образование некоторых форм (претерит, простое деепричастие, будущее время, императив, условное наклонение и др.) зависит от морфологического класса глагола. Как правило, диагностической для определения морфологического класса может служить форма аориста (претерита совершенного вида), для выражения которой имеется несколько суффиксов, распределенных лексически. Во многих диалектах, включая цугнинский, это суффиксы *-ib*, *-ub*, *-ur*, *-un*, например:

(7) a. *b-arq'-ib*

N-делать.PFV-PRET

‘сделал’

b. *ix-ub*

бросать.PFV-PRET

‘бросил’

c. *b-at-ur*

N-оставлять.PFV-PRET

‘оставил’

d. *b-elk'-un*

N-писать.PFV-PRET

‘написал’

3. Ударение как средство выражения грамматического значения

3.1. Использование ударения в глагольной системе даргинских языков

Следует признать, что мы крайне мало знаем об ударении в даргинских языках. В частности, мы плохо понимаем акустическую природу ударения. По крайней мере в части диалектов ударение не всегда хорошо различимо и, судя по всему, не используется в грамматических целях. В частности, С. Н. Абдуллаев [1954: 61–71] говорит о слабой выраженности ударения в акусинском и урахинском диалектах. Характерно, что в известной книге

[Гаприндашвили 1966], посвященной даргинской фонетике, нет раздела об ударении. Со времени появления классических работ С. Абдуллаева и Ш. Гаприндашвили появилось несколько публикаций, посвященных проблемам даргинского ударения [Шахбанова 2010; Мороз 2014; Габидуллаева 2018], однако существенных изменений в понимании его устройства пока не произошло.

В то же время в ряде даргинских языков и диалектов ударение используется в системе глагола как дополнительное (а иногда и единственное) средство противопоставления глагольных форм. Так, в нескольких идиомах (например, цудахарский, сирхинский, ицаринский, тантынский, карбачимахинский [Шахбанова 2010; 2011]) зафиксирована ситуация, когда в ряде форм несовершенного вида происходит сдвиг ударения с глагольной основы на следующий за основой слог, который всегда принадлежит некоторому грамматическому (словоизменительному) показателю (суффиксу). Тем самым формы НСВ распадаются на два класса: формы с **лексическим** ударением⁵ (в этом отношении они совпадают с формами совершенного вида) и формы со сдвигом ударения на суффикс (ниже отмечены звездочкой), ср. примеры из ицаринского и сирхинского диалектов (8–9).

- (8) ИЦАРИНСКИЙ
 СВ (аорист): b-árq'-ib 'сделал'
 НСВ (презент): b-írq'-a-ca-b 'делает'
 НСВ* (имперфект): b-irq'-ib 'делал'
- (9) СИРХИНСКИЙ [Кадигабамаев 1998: 31]
 СВ (аорист): b-át-ur 'оставил'
 НСВ (потенциальное причастие): b-ált-an-ce 'оставляемый'
 НСВ* (имперфект): b-alt-úna 'оставлял'

Иногда ударение оказывается единственным формальным средством противопоставления глагольных форм. Например, в тантынском диалекте форма 3 лица аориста сегментно совпадает с формой краткого причастия, однако эти формы различаются ударением — в аористе представлено лексическое ударение (в большинстве случаев на основе), а в кратком причастии ударение падает на суффикс:

- (10) ТАНЫНСКИЙ [Сумбатова, Ландер 2014: 114–116]
 b-árč:-ib 'нашел' (аорист)
 b-arč:-ib 'найденный' (краткое причастие)
 b-árč:-ib-se 'найденный' (полное причастие)

Судя по данным С. Абдуллаева [1954: 62–63], аналогичную роль ударение имеет в цудахарском диалекте, ср.: *váčIib* 'пришел' — *váčIíb адим* 'человек, который пришел', *гIяй-кку* 'не люблю' — *гIяйкку душман* 'нелюбимый враг'.

3.2. Ударение в глагольной системе диалекта с. Цугни

Цугнинский диалект генетически и географически близок тем диалектам, где отмечено использование ударения в грамматической системе глагола (тантынский, сирхинский,

⁵ Как правило, это ударение на основе, но часть глаголов может иметь лексическое ударение на слоге, следующем за основой.

ицаринский). Такое использование ударения зафиксировано и в говоре селения Цутни. Позиция ударения в глагольной системе цутнинского диалекта определяется несколькими факторами:

- (i) наличие акцентно-доминантной морфемы,
- (ii) акцентный класс глагольной лексемы,
- (iii) глагольный вид,
- (iv) в несовершенном виде — конкретная ТАМ-парадигма.

Существенно, что лично-числовые формы в пределах одной парадигмы ударением не различаются.

3.2.1. Допустимые позиции ударения и акцентно-доминантные морфемы

В большинстве глагольных словоформ ударение падает либо на лексическую основу глагола, либо на гласный, непосредственно следующий за основой. Из раздела 2 мы знаем, что все глагольные корни заканчиваются на согласный. Справа от корня находится один или несколько словоизменительных суффиксов, причем тот суффикс, который непосредственно следует за корнем, всегда начинается с гласной (или состоит из одной гласной). Поэтому если ударение падает на гласный, следующий за основой, мы будем говорить, что ударение падает на суффикс.

Если же ударение падает на лексическую основу глагола, то возникает вопрос о том, на какой именно слог основы оно падает, так как лексическая основа не всегда односложна (см. раздел 2, где перечислены типы глаголов с точки зрения их морфологического состава). Если перед нами простой глагол, то его лексическая основа состоит либо из одного корня (11), либо из сочетания классного показателя и корня (12). В обоих случаях основа односложна, ударение падает на корень, например:

(11) $\acute{i}x^w-i$ / $\acute{i}rx^w-i$
 бросать.PFV-INF   бросать.IPFV-INF
 ‘бросить’   ‘бросать’

(12) $b-\acute{a}rq'-i$ / $b-\acute{i}rq'-i$
 N-делать.PFV-INF   N-делать.IPFV-INF
 ‘сделать’   ‘делать’

Превербные глаголы также, как правило, имеют ударение на корне (13–14). Исключение составляет сравнительно небольшая группа глаголов, о которой речь пойдет в разделе 3.2.2 (превербные глаголы акцентного класса Б).

(13) $b-it-\acute{a}q-i$ / $b-it-iq-i$
 N-TNITNER-теряться.PFV-INF   N-TNITNER-теряться.IPFV-INF
 ‘потеряться’   ‘теряться’

(14) $gu-r-ka-b-\acute{i}s:i-i$ / $gu-r-ka-b-\acute{i}ls:i-i$
 UNDER-EL-DOWN-N-ложиться.PFV-INF   UNDER-EL-DOWN-N-ложиться.IPFV-INF
 ‘спрятаться’   ‘прятаться’

Если же перед нами сложный глагол, то он содержит слева от глагольного корня еще одну основу. Ударение в сложных глаголах требует дополнительного исследования. Позиция ударения в этом случае, видимо, зависит от того, какая именно основа присоединяется. Однако по крайней мере второстепенное ударение остается на глагольном корне⁶.

⁶ Поскольку соотношение двух ударений в сложных глаголах не исследовано, мы пока обозначили их как равноправные.

(15)	tamán-b-árq'-i конец-N-делать.PFV-INF 'закончить'	/	tamán-b-írq'-i конец-N-делать.IPFV-INF 'заканчивать'
(16)	ráp-ka-b-íg-i вялый-DOWN-N-садиться.PFV-INF 'завянуть'	/	ráp-ka-b-írg-i вялый-DOWN-N-садиться.IPFV-INF 'вянуть'

Таким образом, ударение на лексической основе во всех случаях (кроме глаголов акцентного класса Б, речь о которых пойдет в разделе 3.2.2), предполагает ударение на глагольном корне.

Существует небольшое число аффиксов, которые всегда несут ударение, так что в формах, где эти морфемы присутствуют, никакое варьирование ударения невозможно. Ниже мы называем такие морфемы **акцентно-доминантными**. В глагольной системе цугнинского диалекта акцентно-доминантными показателями являются, например, суффикс масдара *-ni*, контрастивный атрибутивный суффикс *-il*, суффикс отглагольного имени *-ala*.

В примерах (17а) и (18а) содержатся формы причастия совершенного и несовершенного вида соответственно (суффикс причастия *-ce*). Видно, что они различаются ударением: в формах НСВ в цугнинском происходит сдвиг ударения на суффикс, аналогичный тому, который представлен в сирхинском и других диалектах (см. раздел 3.1). В близких по значению примерах (17б) и (18б) формы причастия содержат акцентно-доминантный контрастивный суффикс *-il*, который перетягивает на себя ударение. В результате формы СВ и НСВ ударением не различаются.

(17)	a. dam s:a w-ág-ib-ce admí я:ДАТ вчера м-видеть.PFV-PRET-ATR человек 'человек, которого я увидел вчера'	b. dam s:a w-ag-ib-íl admí я:ДАТ вчера м-видеть.PFV-PRET-CONTR человек 'тот человек, которого я увидел вчера'
(18)	a. dam har zamana w-íg-íb-ce admí я:ДАТ каждый время м-видеть.IPFV-PRET-ATR человек 'человек, которого я видел каждый раз'	b. dam har zamana w-ig-ib-íl admí я:ДАТ каждый время м-видеть.IPFV-PRET-CONTR человек 'тот человек, которого я видел каждый раз'

3.2.2. Акцентный класс и распределение ударения по ТАМ-формам

Выделяется две базовые схемы распределения ударения и соответственно два акцентных класса глагольных лексем. Один из них (акцентный класс А) включает большинство глаголов, другой (акцентный класс Б) содержит сравнительно небольшое число глагольных лексем (схема распределения ударения в обоих классах будет дана ниже).

Класс Б содержит в основном глаголы с превербами *ka-* 'вниз', *ha-* 'вверх' и *ca-* 'сюда', не имеющие классного согласования (19). На стыке преверба и корня в таких глаголах происходит стяжение гласных: $a + a = a$, $a + i = aj$.

- (19) cas:-í / cájs:-i (< ca- + as: / is:) 'брать'
kaq'-i / kálq'-i (< ka- + aq' / alq') 'убивать; сыпать'
hah-í / hárg-i (< ha- + ag / arg) 'бродить (о тесте)'

Если к такому глаголу слева присоединяется еще один преверб или основа, то глагол остается в классе Б:

- (20) a. *k^we-r-cas:-í* / *k^we-r-cá-js:-í*
 IN.HANDS-EL-NITHER+брать.PFV-INF / IN.HANDS-EL-NITHER-брать.IPFV-INF
 ‘отнять’ / ‘отнимать’
- b. *sa-r-haq-í* / *sa-r-há-jq-í*
 IN.FRONT-EL-UP+преодолевать.PFV-INF / IN.FRONT-EL-UP+преодолевать.IPFV-INF
 ‘повесить’ / ‘вешать’

Так, например, близкие по значению глаголы в (21a) и (21b) различаются ударением, так как второй из них содержит преверб *ha-* ‘вверх’:

- (21) a. *t:ur-ák-i* / *t:ur-ík-i*
 OUTSIDE-ГНАТЬ.PFV-INF / OUTSIDE-ГНАТЬ.IPFV-INF
- b. *t:ura-hak-í* / *t:ura-há-jk-í*
 OUTSIDE-UP+ГНАТЬ.PFV-INF / OUTSIDE-UP-ГНАТЬ.IPFV-INF
 ‘выгнать’ / ‘выгонять’

Помимо этого, в классе Б представлено несколько глаголов другой структуры:

- (22) *uq-í* / *b-úq-í* ‘сосать’
umc-í / *úmc-í* ‘мерить’
b-urs-í / *b-úrs-í* ‘сказать’
b-í-č:-í / *b-u-lúč:-í* ‘давать’ (с превербом *CL-i-* / *CL-u-* ‘внутри’)

Все прочие глаголы относятся к акцентному классу А.

Схема распределения ударения для акцентного класса А показана в таблице 1, где ее иллюстрирует глагол *d-érč:-i* / *d-úč:-i* ‘пить’. В первой колонке содержится список ТАМ-парадигм и нефинитных форм, во второй приведены грамматические показатели, непосредственно следующие за корнем в данной форме. В следующих двух колонках указано место ударения в формах совершенного и несовершенного вида, данных через косую черту (К — ударение на корне, С — ударение на суффиксе). Отсутствующие в парадигме формы

Таблица 1

Акцентный класс А: схема распределения ударения

Форма / парадигма	Суффикс	Ударение		Формы глагола ‘пить’
		СВ	НСВ	
императив	-a	К	К	<i>d-érč:-a</i> / <i>d-úč:-a</i>
инфинитив	-i	К	К	<i>d-érč:-i</i> / <i>d-úč:-i</i>
деепричастие презенса	-u / -un + -le	***	К	<i>d-úč:-u-le</i>
хабитуалис	-a (1–2), -aj (3)	***	К	<i>d-úč:-a-di</i> (1), <i>d-úč:-aj</i> (3)
будущее	-i, -u, -a, -ar, -an	***	К	<i>d-úč:-u</i> (3)
претерит	-ib, -ub, -ur, -un	К	С	<i>d-érč:-ib</i> / <i>d-uč:-ib</i>
потенциальное причастие	-an	***	С	<i>d-uč:-án</i>
оптатив	-ab	К	С	<i>d-érč:-ab</i> / <i>d-uč:-áb</i> (3)
условные и уступительные формы	-i, -u, -a, -ar, -an	К	С	<i>d-érč:-ar-le</i> / <i>d-uč:-ánne</i> (3) <i>d-érč:-ardale</i> / <i>d-uč:-árdale</i>

отмечены звездочками. В последней колонке указаны соответствующие формы глагола *d-érč:-i / d-úč:-i* ‘пить’ (при необходимости цифрой в скобках обозначено лицо; напомним, что ударения в пределах одной лично-числовой парадигмы не различаются). Формы, содержащие акцентно-доминантные морфемы, в таблицу не включены.

Легко видеть, что в акцентном классе А все формы совершенного вида имеют ударение на корне, а формы НСВ распадаются на две группы: с ударением на основе и ударением на суффиксе (последние четыре строки).

У глаголов акцентного класса Б основа совершенного вида, наоборот, всегда безударна, а ударение падает на слог, следующий за основой. Ударение в формах НСВ такое же, как и у глаголов акцентной парадигмы А. В таблице 2 акцентная парадигма Б показана на примере глагола *kaq'-i / kálq'-i* ‘убивать’.

Таблица 2

Акцентный класс Б: схема распределения ударения

Форма/ парадигма	Суффикс	Ударение		Формы глагола ‘убивать; сыпать’
		СВ	НСВ	
императив	-a, -en	С	К	<i>kaq'-á / kálq'-en</i>
инфинитив	-i	С	К	<i>kaq'-i / kálq'-i</i>
деепричастие презенса	-u/-un + -le	***	К	<i>k-álq'-un-ne</i>
хабитуалис	-a (1–2), -eni (3)	***	К	<i>k-álq'-a-di (3), k-álq'-eni (3)</i>
будущее	-i, -u, -a, -ar, -an	***	К	<i>k-álq'-a (3)</i>
претерит	-ib, -ub, -ur, -un	С	С	<i>kaq'-úr / kalq'-ún</i>
потенциальное причастие	-an	***	С	<i>kalq'-án</i>
оптатив	-ab	С	С	<i>kaq'-áb / kalq'-áb</i>
условные и уступительные формы		С	С	<i>kaq'-árle / kalq'-ánne kaq'-árdale / kalq'-ándale</i>

Таким образом, ударение в глаголах двух акцентных классов различается только в совершенном виде, где первые имеют ударение на основе, а вторые — на суффиксе. В несовершенном виде распределение ударения совпадает в обоих акцентных классах.

4. Каузативные формы в цугнинском диалекте

4.1. Образование каузативов

В цугнинском диалекте для большинства глаголов можно построить каузативный деепричаст, который сегментно совпадает с исходным глаголом, но отличается от него положением ударения: все ударения (за исключением ударений в формах с акцентно-доминантными морфемами) смещаются на гласный, следующий за основой. Предложения (23)–(25) из текстов на цугнинском диалекте иллюстрируют употребление каузативных глаголов. В примере (23) два каузативных глагола: деепричастие *česada'qible* ‘заставив собрать’ и *raxric:úr* ‘выставил, выгнал’. Сегментно совпадающие формы с ударением на корне (*česadá'qible* и *raxric:úr*) имели бы соответствующее некаузативное значение (‘собрав’ и ‘отправился’). В примере (24) форма *ba'čún* глагола ‘ломаться’ с ударением на суффиксе аориста имеет каузативное значение ‘сломал’. В (25) представлена отрицательная

форма 1 лица каузативного глагола *wisʒaʃjs:íd*, которая буквально означает ‘я каузирую его не плакать’⁷.

- (23) *če-sa-d-aʃq-ib-le* paltar=ra, quli-r-ka
 ON-ANTE-NPL-ударить-PRET-CVB(CAUS) одежда=ADD ДОМ.LOC-EL-DOWN
g-agx-g-ic-úg ʰaʎ rurs:i
 F-направить-F-становиться.PFV-PRET(CAUS) ЭТОТ девочка
 ‘Заставив собрать одежду, он [отец] выставил эту девочку из дома’.
- (24) *b-erɣ-ub-ce* sʰulha-li b-aʃč-ún
 N-сохнуть.PFV-PRET-ATR хлеб-ERG N-ломаться.PFV-PRET(CAUS)
il raqʰir-la cula
 ЭТОТ бедняжка-GEN зуб
 ‘Сухой хлеб сломал этому бедняжке зуб’.
- (25) “w-iq:-a dam-c:e gali, dali il w-is-ʒaʃjs:-í-d” —
 M-дать.PFV-IMP Я.OBL-INTER ребенок Я:ERG ЭТОТ M-плакать.IPFV-NEG-плакать.IPFV-TH-1(CAUS)
g-ikʰ-u-le=ca(ɣ)i maʃʒu-χuχu
 F-говорить.IPFV-PRS-CVB=COP(F) Баба-Яга
 ‘«Дай мне ребенка, у меня он не будет плакать» — говорит Баба-Яга’.

В таблице 3 показано, как соотносятся ударения в исходных и соответствующих каузативных глаголах.

Таблица 3

Каузативные глаголы в говоре с. Цугни

	Исходный глагол	Каузативный глагол	
Класс А (глагол <i>b-érč:-i / b-úč:-i</i> ‘пить’)	инфинитив СВ	<i>b-érč:-i</i>	<i>b-erč:-i</i>
	инфинитив НСВ	<i>b-úč:-i</i>	<i>b-uč:-i</i>
	аорист (СВ)	<i>b-érč:-ib</i>	<i>b-erč:-ib</i>
	имперфект (НСВ)	<i>b-uč:-ib</i>	<i>b-uč:-ib</i>
Класс Б (глагол <i>kaqʰ-i / kálqʰ-i</i> ‘убивать’)	инфинитив СВ	<i>kaqʰ-i</i>	<i>kaqʰ-i</i>
	инфинитив НСВ	<i>kálqʰ-i</i>	<i>kalqʰ-i</i>
	аорист (СВ)	<i>kaqʰ-úr</i>	<i>kaqʰ-úr</i>
	имперфект (НСВ)	<i>kalqʰ-ún</i>	<i>kalqʰ-ún</i>

При образовании каузатива, очевидно, различие между глаголами акцентных классов А и Б нейтрализуется. Кроме того, те глагольные формы, в которых ударение падает на суффикс, омонимичны соответствующим формам каузатива — в акцентном классе А это только часть форм НСВ (формы со смещенным ударением, в таблице 4 обозначены как НСВ*), зато в акцентном классе Б таких форм большинство: все формы СВ и часть форм НСВ. В таблице 4 (с. 120) в каждой строке выделены серым клетки, соответствующие омонимичным формам.

Акцентно-доминантные морфемы сохраняют свои акцентные свойства в составе каузативных глаголов, поэтому формы, содержащие эти морфемы, также являются лабильными.

⁷ Каузатив в цугнинском имеет довольно широкое значение, и в частности, как показывает пример (24), допускает неличный каузатор. Исследование семантики каузативных конструкций, однако, не входит в наши задачи.

Таблица 4

Соотношение исходных акцентных парадигм и ударения каузативных глаголов

Вид	ТАМ-парадигма	Акцентный класс А	Акцентный класс Б	Каузатив
СВ	императив СВ; инфинитив СВ; аорист; оптатив СВ; условные и уступительные формы СВ	К	С	С
НСВ	императив НСВ; инфинитив НСВ; будущее; простое деепричастие презенса; хабиуталис	К	К	С
НСВ*	имперфект; оптатив НСВ; потенциальное причастие; условные и уступительные формы НСВ	С	С	С

- (26) a. hin d-érč:-ib-ce admí
 вода NPL-пить.PFV-PRET-ATR человек
 ‘человек, который выпил воду’
- b. амха-с:е hin d-érč:-ib-ce admí
 осел-INTER вода NPL-пить.PFV-PRET-ATR человек
 ‘человек, который напоил осла водой’
- c. hin d-erč:-ib-íl admí
 вода NPL-пить.PFV-PRET-CONTR человек
 ‘тот человек, который выпил воду / напоил (осла) водой’
- d. амха-с:е hin d-erč:-ib-íl admí
 осел-INTER вода NPL-пить.PFV-PRET-CONTR человек
 ‘тот человек, который напоил осла водой’

В примере (26a) представлено причастие СВ глагола ‘пить’. Этот глагол относится к акцентному классу А и имеет в данной форме ударение на корне. В (26b) сегментно совпадающая форма с ударением на суффиксе претерита имеет каузативное значение. Причастие в (26c) содержит акцентно-доминантный (и, следовательно, ударный) суффикс *-il*, поэтому соответствующая форма может иметь как исходное, так и каузативное значение. Впрочем, добавление ИГ в иллитиве, которая интерпретируется как субъект каузируемой ситуации, позволяет однозначно интерпретировать конструкцию как каузативную (26d).

У глаголов, корень которых состоит из одной согласной, каузатив совпадает с исходным глаголом, как в примере (27), где аорист глагола ‘нести, принести’ *q:ib* имеет каузативное значение ‘заставил(а) принести’.

- (27) buba-li durh-n-a-c:e wac'a-c:e-r-kale urculi q:-ib
 мать-ERG мальчик-PL-OBL.PL-INTER лес-INTER-EL-DOWN дрова принести.PFV-PRET
 ‘Мама заставила мальчиков принести дрова из леса’.

Как правило, в даргинских языках представлены глаголы, которые в большинстве форм являются лабильными. В цугнинском соответствующие глаголы распадаются на две группы: в одной из них глаголы тоже являются лабильными (28), другие имеют в переходном значении «каузативное» ударение, как показано в (29), то есть на самом деле представляют собой пару глаголов, один из которых является каузативным.

- (28) Лабильные глаголы:
če-ka-b-ás:-i / če-ka-b-áls:-i ‘прилипать’ и ‘приклеивать’
b-úq'-i / b-úlq'-i ‘закрыватьсь’ и ‘закрывать’
b-éls:-i / lúš:-i ‘вариться’ и ‘варить’

(29) Пары «исходный глагол vs. каузатив»

b-áʕč-i / b-álʕč-i ‘ломаться’ vs. *b-aʕč-i / b-alʕč-i* ‘ломать’*b-érʕw-i / b-úw-i* ‘сушиться’ vs. *b-erʕw-i / b-uw-i* ‘сушить’*b-it-áq-i / b-it-íq-i* ‘теряться’ vs. *b-it-aq-i / b-it-iq-i* ‘терять’

В близком цугнинском тантынском диалекте соответствующие словоформы всех этих глаголов являются лабильными [Сумбатова, Ландер 2014: 615–632].

4.2. Каузатив в цугнинском как актантная деривация

Поскольку каузативные глаголы с формальной точки зрения не кажутся более сложными, чем прочие глаголы, возникает вопрос о том, имеем ли мы дело с деривацией, маркированной при помощи сдвига ударения, или же каузативные глаголы не являются производными, а просто образуют еще один акцентный класс (С), который мы можем добавить к двум описанным выше. Мы считаем, что каузатив в цугнинском в такой же степени является глагольной деривацией, как и в других даргинских диалектах, где он маркируется более привычным нам образом.

Во-первых, практически любой глагол, относящийся к акцентным классам А и Б, может образовывать каузативный коррелят, то есть глаголы легко выстраиваются в пары «исходный глагол → каузатив».

Каузативное ударение указывает именно на производность глагольной лексемы и не является обязательным свойством глаголов, значение которых содержит каузативный компонент. Многие такие глаголы относятся к акцентным классам А или Б, так как не являются дериватами какого-либо другого глагола. Например, глагол со значением ‘убивать’ во многих языках трактуется как каузатив глагола ‘умереть’, в цугнинском же глагол *kaqʼ-i / kálqʼ-i* ‘убивать’ — это «исходный» глагол акцентного класса Б, так же как многие другие переходные глаголы, содержащие элемент каузации в своем значении (см. также глаголы в примере 28а):

(30) *kaqʼ-i / kálqʼ-i* ‘убивать’ (Б)*sarhaq-i / sarhájq-i* ‘вешать’ (Б)*b-áχ-i / b-álχ-i* ‘кормить’ (А)*taman-b-árqʼ-i / taman-b-írqʼ-i* ‘заканчивать’ (А)*gur-ka-b-íš-i / gur-ka-b-írš-i* ‘прятать’ (А)*b-át-i / b-ált-i* ‘пускать, отпускать’ (А)

Интересно, что в ряде даргинских диалектов часть глаголов с каузативным показателем могут присоединять еще один показатель, образуя так называемый второй каузатив (каузатив от каузатива), как в ицаринском: *CL-uk* ‘есть’ > *CL-uk-aq* ‘кормить’ > *CL-uk-aq-aq* ‘заставлять кормить’ [Sumbatova, Mutalov 2003: 62]. Можно предположить, что в цугнинском образование второго каузатива будет затруднено или даже невозможно, так как сдвиг ударения может быть осуществлен только один раз. Действительно, при попытке построить примеры со значением второго каузатива получаются предложения, которые хотя и грамматичны, но для носителя языка звучат неестественно:

- (31) a. gal-li-j   čе-b-ág-ib   ?ixliq'a'n
 ребенок-OBL-DAT   ON-N-видеть.PFV-PRET   птица
 ‘Ребенок увидел птицу’.
- b. it-i-li   gal-li-j   čе-b-ag-ib   ?ixliq'a'n
 этот-OBL-ERG   ребенок-OBL-DAT   ON-N-видеть.PFV-PRET(CAUS)   птица
 ‘Он показал ребенку птицу’.
- c. ?t:at:i-li   baba-c:e   gal-li-j   čе-b-ag-ib   ?ixliq'a'n
 отец-ERG   мать-INTER   ребенок-OBL-DAT   ON-N-видеть.PFV-PRET(CAUS)   птица
 ‘Папа заставил маму показать ребенку птицу’.

Синтаксические особенности конструкций с каузативными глаголами также указывают на их производность: модель управления каузативного глагола всегда может быть описана как результат присоединения нового аргумента (каузатора) к модели управления исходного глагола. Хотя морфологическое маркирование каузативных глаголов в цугнинском необычно, их синтаксические свойства, в том числе оформление актантов каузативной конструкции, практически не отличаются от того, что мы наблюдаем в других идиомах.

При каузативизации непереходного глагола к исходной модели управления добавляется каузатор в эргативе. Так, глагол *b-it-áq-i / b-it-íq-i* ‘теряться’, относящийся к акцентному классу А, при стандартном ударении является непереходным, а при смещении ударения, как в примере (32), имеет каузативное значение и присоединяет А-аргумент в эргативе:

- (32) warila eli   dila   amxa   b-it-ma-b-it-aq-í-t
 INTJ   ты:ERG   я:GEN   осел   N-THITHER-PROH-N-THITHER-теряться.PFV-TH-2(CAUS)
 ‘(Смотри) ни в коем случае не теряй моего осла’.

То же самое происходит при каузативизации экспериенциальных (аффективных) глаголов, как в (33), где представлен каузатив глагола ‘видеть’:

- (33) kam-b-ix-ub-le   x:unul-li-š:u
 близкий-N-стать.PFV-PRET-CVB   женщина-OBL-AD
 čе-b-ag-ib   il-ij   cun-na   t'ul-li-c:e-b-ce   at'ni
 ON-N-видеть.PFV-PRET   этот-DAT   сам-GEN   палец-OBL-INTER-N-ATR   заноза
 ‘Подойдя к женщине, он показал ей занозу в своем пальце’.

При образовании каузатива от переходного глагола А-аргумент исходного глагола (cau-see) приобретает форму иллатива — так же, как в большинстве других идиомов — например, в акушинском [van den Berg 2001], ицаринском, мегебском [Магомедов 1982], кайтагском ([Темирбулатова 2004] и др.), ср. (34), а также пример 27 выше:

- (34) dila   imx-e   d-ix^v-al-dele,   il-t:-a-c:e   b-alc-ádi
 я:GEN   осел-PL   NPL-быть-TH-IRR.COND   этот-PL-OBL-INTER   N-пахать.IPFV-IRR.1
 dali   qu
 я:ERG   поле
 ‘Если бы у меня были ослы, я бы их заставил вспахать пашню’.

В даргинских языках представлена антипассивная конструкция, в которой исходный глагол становится непереходным, исходный эргативный агент оформляется абсолютивом, а П-аргумент (пациент) либо отсутствует, либо оформляется эргативом (но при этом не может контролировать согласование по лицу и классу), более подробно см. в [Сумбатова 2010; Сумбатова, Ландер 2014; Authier 2016]. Антипассивная конструкция не имеет морфологического маркирования в глаголе. Простейшая иллюстрация антипассивной конструкции представлена в (35). ИГ ‘мальчик’ и ‘работа’ как бы меняются падежами, при этом глагол в обоих случаях согласуется по классу с ИГ в абсолютиве (‘работа’ в (35a) и ‘мальчик’ в (35b)).

- (35) a. *durħa^s-li*   *ʔa^sçi*   *b-írq'-u-l=de*   *nux:a*   *d-aç'-ib=zamana*
 мальчик-ERG   работа[ABS]   N-делать.IPFV-PRS-CVB=PST   мы[ABS]   1/2PL-прийти.PFV-PRET=когда
- b. *durħa^s*   *ʔa^sçi-li*   *w-írq'-u-l=de*   *nux:a*   *d-aç'-ib=zamana*
 мальчик[ABS]   работа-ERG   M-делать.IPFV-PRS-CVB=PST   мы[ABS]   1/2PL-прийти.PFV-PRET=когда
 ‘Когда мы пришли, мальчик работал’ (букв. ‘делал работу’).

При каузативизации противопоставление эргативной и антипассивной конструкции сохраняется: глагол в антипассиве подвергается каузативизации по тем же правилам, что и любой непереходный глагол. К модели управления исходного глагола добавляется каузатор в эргативе, прочие ИГ сохраняют свои падежи. При этом в одной клаузе могут присутствовать две эргативные ИГ: каузатор и исходный пациент в абсолютиве, как в (36).

- (36) *ili-li*   *ča^sllaldelen*   *da^sry:a^slla*   *b-ek-are*   *ʔa^sçi-li*
 он-ERG   с.утра   до.вечера   N-достигать.PFV-пока   работа-ERG
w-írq'-ú-l=de   *durħa^s*
 M-делать.IPFV-PRS-CVB=PST   мальчик[ABS]
 ‘Он заставлял мальчика работать (букв. ‘делать работу’) с утра до вечера’.

Таким образом, каузатив в говоре селения Цугни — это актантная деривация с не вполне обычным типом маркирования.

«Акцентный» способ маркирования каузативной деривации не только необычен для даргинских и, шире, нахско-дагестанских языков, но и крайне редок или даже уникален в языках мира вообще. Такой способ маркирования не отмечен в типологических работах, содержащих описание способов образования каузативов, — в частности, в [Холодович 1969; Dixon 2000; Kulikov 2001; Song 1996; 2013]⁸.

В следующем разделе мы постараемся понять, как мог возникнуть такой необычный тип маркирования актантной деривации.

5. Происхождение показателей каузатива

Говоря о происхождении какого-либо грамматического показателя, мы стремимся, во-первых, идентифицировать лексический источник этого показателя и, во-вторых, описать путь его грамматикализации, то есть те процессы, которые сопровождали превращение лексического источника в грамматическую единицу.

В разделе 1 мы отметили, что в большинстве даргинских языков каузатив маркируется при помощи суффикса *-aq*. Этот суффикс восходит к корню совершенного вида глагола *aq/iq*, который часто переводится как ‘преодолевать’, однако имеет достаточно сложную семантическую структуру. Можно, однако, заметить, что существенная часть приводимых в словарях [З. Абдуллаев 2017] и [Юсупов 2017] значений этого глагола действительно может быть интерпретирована как преодоление некоторого препятствия или трудности: ‘рассчитаться (с долгами)’, ‘пройти, проехать (дорогу, некоторое расстояние)’, ‘форсировать (реку)’, ‘преодолеть (препятствие)’. Хотя такое значение, насколько нам известно, не отмечено в литературе как потенциальный источник показателя каузатива, нам оно кажется вполне подходящим для этой роли. Действительно, прототипическая (фактивная) каузативизация предполагает, что некоторая цель (осуществление исходным субъектом действия, обозначенного исходным глаголом) достигается через преодоление некоторой сложности (потенциального сопротивления субъекта исходного глагола).

⁸ Наиболее близким к нашему случаю можно считать маркирование каузатива при помощи удлинения гласной основы (кашмири *marin* ‘умирать’ vs. *mārin* ‘убивать’) или изменения тона (лаху *cā* ‘есть’ vs. *cā* ‘кормить’) — примеры из [Song 2013].

Происхождение каузативного суффикса от глагола *aq / iq* ‘преодолевать’ подтверждается, в частности, данными урахинского и муиринского идиомов, в которых представлен суффикс каузатива *-iq* — можно предположить, что он восходит к корню того же глагола, но к варианту несовершенного вида⁹.

(37) Муиринский

a. агв-ага	→	агв- iq -ага
понимать.PFV-INF		понимать.PFV-CAUS-INF
‘понимать’		‘объяснять’
b. b-it-aq-ага	→	b-it-aq- iq -ага
N-TNITNER-теряться.PFV-INF		N-TNITNER-теряться.PFV-CAUS-INF
‘теряться’		‘терять’

Морфологический каузатив, видимо, развивался из конструкции с матричным каузативным глаголом, присоединяющим инфинитивную клаузу. В ряде даргинских языков такая конструкция существует и сейчас — как в кункинском и чирагском [Ganenkov 2018a; 2018b], где морфологического каузатива нет, или в мегебском, где аналитический каузатив существует параллельно с морфологическим [Baryl'nikova 2019]. Матричные глаголы при этом различаются по идиомам.

(38) Чирагский [Ganenkov 2018a], матричный глагол *CL-aq / CL-irq*

pat'imat-le	ʔali-le	qar-be	d-iʔ ^w -i	d-aq-ib
Патимат-ERG	Али-ERG	яблоко-PL	NPL-красть:PFV-INF	NPL-CAUS:PFV-PRET
‘Патимат заставила Али украсть яблоки’.				

В различных идиомах даргинской группы зафиксированы разные стадии грамматикализации исходного каузативного глагола. Особенно показательна ситуация в кубачинском языке, где каузатив форм совершенного вида имеет суффикс *-aq*, а в несовершенном виде представлена аналитическая каузативная конструкция¹⁰, состоящая из инфинитива исходного глагола и вспомогательного глагола *q-ij*¹¹, очевидно, восходящего к форме НСВ уже знакомого нам глагола *aq / iq* ‘преодолевать’.

(39) Кубачинский [Магомедов 1963: 213]

СВ:	морфологический каузатив, суффикс <i>-aq</i>
	<i>b-a:q'-ij</i> ‘сделать’ → <i>b-a:q'-aq-ij</i> ‘заставить сделать’
	<i>ka-b-ilč'-ij</i> ‘прочесть’ → <i>ka-b-ilč'-aq-ij</i> ‘заставить прочесть’
НСВ:	аналитический каузатив, инфинитив + <i>q-ij</i>
	<i>b-i:q'-ij</i> ‘делать’ → <i>b-i:q'-ij-q-ij</i> ‘заставить делать’
	<i>ka-luč'-ij</i> ‘читать’ → <i>ka-luč'-ij-q-ij</i> ‘заставить читать’

В тех диалектах, где представлен стандартный морфологический каузатив, также можно наблюдать различия в степени интегрированности каузативного маркера в исходный глагол.

Во-первых, она проявляется в морфологических свойствах каузативных глаголов. В части даргинских идиомов все каузативные глаголы переходят в тот морфологический класс,

⁹ Анонимный рецензент высказал предположение, что суффикс *-iq* мог возникнуть из показателя инфинитива исходного глагола и согласной глагола *aq / iq*, аналогично формам каузатива НСВ в кубачинском диалекте (ср. (39)). Однако эта версия не подходит для муиринского диалекта, где показатель инфинитива (*-ara / -ana*) не содержит гласной *i*.

¹⁰ Синтаксические свойства этой конструкции, насколько нам известно, не исследованы, поэтому судить о степени ее слитности пока не представляется возможным.

¹¹ *-ij* — показатель инфинитива.

в котором находился (находится) глагол — источник каузативного показателя. Так как глагол *aq / iq* имеет показатель аориста *-ib*, то и все каузативные глаголы с суффиксом, восходящим к этому глаголу, имеют такой же показатель; ср. примеры из мегебского языка:

- (40) МЕГЕБСКИЙ [Daniel 2019: 98], формы аориста
CL-aʰn-un ‘намок’ → *CL-aʰn-aʰiq-ib* ‘намочил’
CL-arc-ur ‘застрял’ → *CL-arc-aq-ib* ‘заставил застрять’
CL-ac-ib ‘растаял’ → *CL-ac-aq-ib* ‘растопил’

В других идиомах (например, в тантынском и хуцуцком) каузативный глагол сохраняет тот же показатель аориста, что и исходный глагол, от которого образован каузатив, как в тантынском:

- (41) ТАНТЫНСКИЙ [Сумбатова, Ландер 2014: 109], формы аориста
ha-CL-ic-ur ‘встал’ → *ha-CL-ic-aq-ur* ‘поставил, велел встать’
CL-urq-ub ‘выкопал’ → *CL-urq-aq-ub* ‘заставил выкопать’
če-CL-až-ib ‘увидел’ → *če-CL-až-aq-ib* ‘показал’

Очевидно, во втором случае степень грамматикализованности каузативного показателя выше.

Кроме того, в ряде даргинских идиомов гласная каузативного суффикса подвергается ассимиляции последующей гласной, относящейся к грамматическому показателю, прилегающему к корню справа. Такую ситуацию можно, в частности, наблюдать в диалекте селения Худуц¹²:

- (42) Худуцкий [Ganekov 2018b]
 а. *r-is-**uq**-ul*   са-г   б. *d-irc-**iq**-ib*
    N-плакать.IPFV-CAUS-CVB   COP-F   NPL-мыть.PFV-CAUS-PRET
    ‘заставляет плакать’   ‘заставил мыть (посуду)’

Помимо грамматикализации инфинитивных конструкций с матричным каузативным глаголом, никаких других сценариев возникновения морфологического каузатива в даргинских языках не обнаружено, в том числе в диалектах, непосредственно соседствующих с цугнинским. Поэтому у нас нет оснований предполагать, что в говоре Цугни дело обстояло как-то по-другому.

В то же время матричный глагол, к которому восходит каузативный показатель, может отличаться от *aq / iq* ‘преодолевать’. Существует ряд идиомов, каузативные показатели в которых, видимо, имеют другой, пока неизвестный источник. В различных вариантах кайтагского языка представлены суффиксы *-aχ* (баршамайский и санчинский говоры) и *-iχ* (джибахнинский и карацанский) [Темирбулатова 2006: 28]. В ширинском и сирхинском идиомах представлен каузативный суффикс *-Vh*; его гласная, как и в хуцуцком, ассимилируется последующей гласной¹³:

¹² Ассимиляция характерна именно для суффикса каузатива, в общем случае на стыке морфем ассимиляция не происходит.

¹³ Нет также ясности относительно того, один это источник или больше. Между некоторыми даргинскими идиомами можно наблюдать регулярное соответствие согласных *h ~ χ*, в том числе в глагольных корнях, что позволяет предположить, что все суффиксы, перечисленные здесь, восходят к одному глаголу, ср.: ‘надевать’ муиринск. *ah / alh*, акушинск. *Vh / Vlh*, ицаринск. *ah / arh* vs. тантынск. *aχ / alχ*, хуцуцк. *aχ / Vχ*; ‘шить’ ицаринск. *CL-arh / CL-urh* vs. тантынск., хуцуцк. *CL-arχ / CL-urχ*; ‘быть, становиться’ муиринск. *CL-∅ / CL-irh^w*, ицаринск. *CL-ih^w (PFV)* vs. тантынск., хуцуцк. *CL-iχ^w / CL-irχ^w*; ‘завязывать, привязывать’ кадарск. *CL-ih (PFV)*, акушинск. *CL-ih / CL-ilh*, ицаринск. *CL-ih / CL-ilh* vs. тантынск., хуцуцк. *CL-iχ / CL-ilχ*; ‘знать’ кадарск. *CL-ah (PFV)*,

- (43) Сирхинский [Кадибагамаев 1998: 97]
burs-ah-an-ce ‘заставляющий рассказать’
burs-uh-u ‘заставит рассказать’
burs-ih-i-d ‘заставлю рассказать’
burs-eh-e ‘заставь рассказать’

Что касается морфологического каузатива в цугнинском, то, скорее всего, его источником также была конструкция с матричным глаголом, присоединяющим инфинитивную клаузу. Вероятно, корень матричного глагола — источника каузативного показателя — имел структуру V_1C , так же, как и корень глагола *aq / iq*. Появление акцентного маркирования каузатива можно объяснить, если предположить, что в процессе грамматикализации исходный каузативный глагол с корнем V_1C участвовал в трех фонологических процессах:

- (i) гласная V_1 в составе корня исходного глагола V_1C (превратившегося в каузативный суффикс $-V_1C$) подвергалась регрессивной ассимиляции последующей гласной V_2 ;
(ii) корневой согласный C выпал;
(iii) две гласные, оказавшиеся рядом в результате выпадения, подверглись стяжению:
(44) $V_1C-V_2(\dots) \rightarrow V_2C-V_2(\dots) \rightarrow V_2\epsilon-V_2(\dots) \rightarrow V_2(\dots)$

Регрессивная ассимиляция гласной каузативного показателя зафиксирована в сирхинском, ширинском и хуцуком, причем сирхинский и хуцукский входят в тот же диалектный кластер, что и диалект селения Цугни.

Стяжения двух одинаковых гласных характерны для многих даргинских языков и диалектов, включая цугнинский: например, в глаголах с превербами *ka-* ‘вниз’, *sa-* ‘сюда’ и *ha-* ‘вверх’ в отсутствие классного показателя корневая гласная стягивается с гласной преверба, см. примеры в (19) выше. Так возникают основы структуры C_1VRC_2 , которые, как мы знаем из раздела 3.2.2, принадлежат глаголам акцентного класса Б.

Вопрос о том, возможно ли в такой ситуации выпадение согласного и какой именно согласный мог выпасть, мы обсудим немного ниже.

Если имел место путь грамматикализации каузативного глагола, показанный в (44), то акцентный сдвиг в каузативных глаголах легко объясним. Гласная V_2 , «оставшаяся» от сочетания каузативного суффикса V_1C и следующего за ним грамматического показателя, начинающегося с V_2 , не может не быть ударной: поскольку в исходном матричном глаголе ударение падало либо на V_1 , либо на V_2 , гласная, возникающая после их стяжения, остается ударной в обоих случаях.

- (45) а. $\acute{V}_1C-V_2(\dots) \rightarrow \acute{V}_2C-V_2(\dots) \rightarrow \acute{V}_2\epsilon-V_2(\dots) \rightarrow \acute{V}_2(\dots)$
б. $V_1C-\acute{V}_2(\dots) \rightarrow V_2C-\acute{V}_2(\dots) \rightarrow V_2\epsilon-\acute{V}_2(\dots) \rightarrow \acute{V}_2(\dots)$

В результате этих процессов от исходного матричного глагола, превратившегося в каузативный суффикс, остается только ударение на гласной грамматического показателя, примыкающего к основе справа.

муиринск. *CL-ah / CL-ahh*, ицаринск. *CL-ah / CL-arh* vs. тантынск. *CL-aχ / CL-aχ*. Однако у нас нет словарных данных для сирхинского диалекта и упомянутых выше кайтагских говоров, поэтому мы не можем соотнести их с каузативными суффиксами; при этом в ширинском диалекте, где суффикс каузатива *-Vh*, в подобных рядах представлен согласный χ , что не согласуется с таким предположением, ср.: *CL-iχ^w / CL-irχ^w* ‘становиться’; *Vχ* ‘надевать (PFV)’; *CL-arχ / CL-urχ* ‘шить’ [Belyaev 2020].

Схемы в (44)–(45) показывают, как могло возникнуть акцентное маркирование каузатива, но не отвечают на вопрос о том, каким был исходный матричный глагол, корень которого обозначен у нас символами V_1C . Теоретически это может быть как самый популярный в даргинских языках глагол *aq/iq*, так и какой-то другой глагол, для которого в принципе доступно развитие в каузативный показатель. В идеале этот глагол должен обладать следующими свойствами:

- (i) это должен быть один из глаголов, которые являются источниками каузативных конструкций в других даргинских диалектах;
- (ii) этот глагол не должен иметь классного показателя, который, находясь перед V_1 , препятствовал бы слиянию матричного глагола с лексическим;
- (iii) согласная в составе корня этого глагола должна быть «склонна» к выпадению;
- (iv) желательно, чтобы это был один из глаголов, для которых в типологии засвидетельствовано развитие в каузативный показатель.

Требование (iii) имеет крайне неопределенный характер. Дело в том, что нам неизвестны ни синхронные, ни регулярные исторические процессы выпадения согласных в глагольных корнях даргинских языков юго-западной группы¹⁴. С другой стороны, грамматикализация не требует фонетической регулярности: в ходе этого процесса могут исчезать фонемы, хорошо сохраняющиеся в прочих ситуациях. Тем самым получается, что у нас нет ни четких ограничений на источник каузативного маркера, ни четких аргументов в пользу того или иного глагола. Мы можем выдвинуть несколько предположений относительно источника каузатива в цугнинском, однако следует признать, что ни одно из них не может считаться достаточно аргументированным.

Во-первых, можно допустить, что источником каузативного маркирования в цугнинском был тот же глагол *aq/iq* ‘преодолевать’, что и в большинстве прочих диалектов, однако по каким-то причинам согласный *q* здесь выпал. Это предположение хорошо тем, что не требует поиска дополнительных источников каузатива, однако для сильного (придыхательного) смычного согласного *q* вероятность выпадения кажется более низкой, чем для некоторых других согласных.

Другой возможный источник показателя каузатива — глагол, к которому восходит современный цугнинский глагол с корнем *av/iv* ‘загонять, помещать’. Следует отметить, что в работах по грамматикализации отмечено развитие показателя каузатива из глаголов со значением ‘посылать, отправлять’, что довольно близко к ‘загонять’ [Heine, Kuteva 2019: 393].

Глаголу *av/iv* в литературном даргинском соответствует глагол *ас/айэс* ‘завести, загнать’, корень которого *aʔ/iʔ*. Фонетическое соответствие *v* — *ʔ* является для данной пары идиомов регулярным¹⁵. В поддержку этого кандидата говорит также тот факт, что в мегебском языке даргинской группы зафиксирована аналитическая каузативная конструкция, использующая вспомогательный глагол *aʔ-as/ʔ-es* ‘гнать, загонять’ [Barylnikova 2019]. В современном литературном даргинском при помощи этого глагола образуются переходные глаголы от основ разных типов (данные из словаря [З. Абдуллаев 2017]): *барс* ‘взамен’ → *барсаэс* ‘обменять; сменять, поменять’; *гъарш* ‘борозда’ → *гъаршаэс* ‘провести

¹⁴ В глагольных корнях северно-даргинских языков произошли выпадения корневых согласных *h* и *g* (‘сидиться’: акушинск. *CL-ir* (IPFV) vs. тантынск., ицаринск. *CL-irg*; ‘оставаться’: акушинск. *Vl/ul* vs. тантынск. *elg/ulg*, ицаринск. *elg/lug*), однако и эти процессы не носят регулярного характера. В глаголе ‘делать’ зафиксировано также выпадение согласного *q*: тантынск., ицаринск., цугнинск., муиринск. и др.: *CL-arq* / *CL-irq* — даргинский литературный, акушинск., кадарск. *CL-ar* / *CL-ir*.

¹⁵ Ср. ‘резать’: тантынск. *CL-alk-* / *CL-ulk-* / *luk-* vs. акушинск. *alʔ/ul*; ‘сохнуть’: тантынск. *CL-erk* / *CL-uk* vs. акушинск. *CL-erʔ* / *CL-urʔ*.

борозду»; *гьала* ‘перед, впереди’ → *гьалааэс* ‘пустить впереди»; *тлаш* ‘стоп; стой(те)’ → *тлашаэс* ‘остановить; затормозить’.

Кроме того, в цугнинском и близких диалектах зафиксировано sporadическое использование глагола *ав / ив* в качестве каузативного матричного глагола (46), а также sporadическое образование сложных глаголов с глагольным корнем *ав / ив* и каузативным значением (47) (параллельно с каузативами, маркированными сдвигом ударения).

(46) *il-i-li*   *šawg*   *gurq-í*   *há-jk-u*
этот-OBL-ERG   кастрюля   кипеть.IPFV-INF   UP-ГНАТЬ.IPFV-TH
‘Она вскипятит кастрюлю’.

(47) *b-úс:í*   → *b-uc:í*   / *b-uc:-ak-í*
N-работать.IPFV-INF   N-работать.IPFV-INF(CAUS)   N-работать.IPFV-ГНАТЬ-INF
‘работать’   ‘чинить, заставлять работать’

Выпадение звонкого фрикативного согласного *в* кажется нам более вероятным, чем выпадение *q*, однако другими примерами такого выпадения мы не располагаем.

Наконец, у нас есть еще одна гипотеза по поводу возникновения каузативного ударения в цугнинском, которая не подкрепляется диалектным материалом, но привлекательна с точки зрения фонетики. Можно предположить, что цугнинский каузатив восходит к глаголу с корнем *ʔ* ‘сказать’, представленному во многих даргинских идиомах (акушинский *ʔ-es*). Этот глагол используется также в значении ‘велеть’ и может управлять при этом инфинитивной клаузой.

В современном цугнинском такого глагола нет, однако следы его присутствия сохраняет цитативный показатель *ible*, восходящий к деепричастию глагола ‘сказать’: **ʔ-ib-le* (сказать.PFV-PRET-CVB).

Поскольку глагол ‘сказать’ имеет нестандартный корень, состоящий из одного согласного *ʔ*, ударение в нем всегда падает на словоизменительный суффикс. Во многих даргинских языках фонема */ʔ/* имеет нулевую реализацию в ряде позиций (в акушинском — в начале слога [С. Абдуллаев 1954: 26–27]: о ее присутствии сигнализирует отсутствие стяжения гласных, разделенных этой фонемой, — как в упоминавшемся выше глаголе *аэс / айэс* ‘завести, загнать’). При выпадении корневого согласного от глагола остается только цепочка посткорневых словоизменительных показателей, имеющая собственное ударение. Так мог возникнуть сдвиг ударения на суффикс в каузативных глаголах, будь эта гипотеза верна:

(48) *ʔ-Ů(...)* → *ʔ-Ů(...)* → *Ů(...)*

Однако это предположение, к сожалению, пока не подкрепляется данными других даргинских языков¹⁶.

¹⁶ В связи с этим предположением интересно следующее рассуждение С. Абдуллаева [1954: 152–153]: «Можно полагать, что даргинская форма каузатива в прошлом была описательной. Из двух глаголов в этой форме получился один глагол: *луклес* “писать”, *ахъес* “заставить сказать” — вместе дало: *луклахъес*. Две основы *лукл* и *ахъ* соединились, из них образовалась составная основа. Вторая основа потеряла свое вещественное значение и превратилась в суффикс». С. Абдуллаев предполагает, что каузатив литературного языка (опирающегося на акушинский диалект) с суффиксом *-aq* (в орфографии *ахъ*) возник путем слияния исходного глагола с каузативом *ахъес* глагола *эс* ‘сказать’. В орфографии глагол *эс* ‘сказать’ выглядит как глагол с нулевым корнем (*-es*, в орфографии *эс* — показатель инфинитива), однако на фонологическом уровне присутствует фонема *ʔ*, которая в данном случае и составляет глагольный корень. Предположение Абдуллаева не объясняет, откуда взялся форматив *ахъ* в составе каузатива глагола *эс*, однако интересно, что, размышляя о происхождении морфологического каузатива в акушинском диалекте он также обратился к глаголу ‘сказать’.

6. Заключение

В диалекте селения Цугни (юго-западная ветвь даргинской группы языков) обнаружился экзотический способ маркирования каузативной деривации, не засвидетельствованный, по-видимому, в других языках мира: каузатив маркируется сдвигом ударения на гласную, следующую за глагольной основой и принадлежащую словоизменительному суффиксу. При этом, поскольку в ряде глагольных форм ударение всегда падает на эту гласную, возникает частичная омонимия между «обычными» глаголами и соответствующими им каузативами.

Мы попытались разобраться в том, как мог появиться такой необычный способ маркирования каузатива. По поводу тех процессов, которые привели к имеющемуся результату, можно выдвинуть достаточно обоснованные предположения: источником цугнинского каузатива, как мы считаем, была конструкция с матричным каузативным глаголом и сентенциальным актантом, возглавляемым инфинитивом. В то же время нет ясности относительно лексического источника акцентного маркирования каузатива — в значительной степени именно потому, что от этого источника не осталось никаких сегментных следов. В разделе 5 мы выдвинули некоторые предположения относительно возможных лексических источников цугнинского каузатива, однако ни одно из них нельзя пока считать достаточно обоснованным.

Для решения вопроса о том, верно ли хотя бы одно из наших предположений, необходимо собрать дополнительные данные, прежде всего в даргинских селениях, соседних с селением Цугни. Мы надеемся, что это будет сделано в обозримом будущем.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	IPFV — несовершенный вид
AD — локализация 'около'	IRR — ирреалис
ANTE — преверб 'перед'	IRR.COND — ирреальное условие
ATR — атрибутивный показатель	LOC — локатив
CAUS — каузатив	M — мужской класс
CONTR — контрастивный атрибутивный показатель	N — неличный класс
COP — связь	NEG — отрицание
CQ — частный вопрос	NPL — неличный множественный класс
CVB — дееспричастие	OBL — косвенная основа
DAT — датив	ON — преверб 'на'
DOWN — преверб 'вниз'	OUTSIDE — преверб 'наружу'
EL — элатив	PFV — совершенный вид
ERG — эргатив	PL — множественное число
F — женский класс	PRET — претерит
GEN — генитив	PROH — прохибитив
HTHER — преверб/суффикс 'туда'	PRS — презенс
IF — интерфикс	PST — прошедшее время
IMP — императив	SG — единственное число
IN.HANDS — преверб 'в руки'	TH — тематический суффикс
INF — инфинитив	THHTHER — преверб 'туда'
INTER — локализация 'внутри (в сплошной среде)'	UNDER — преверб 'вниз'
INTJ — междометие	UP — преверб 'вверх'

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- С. Абдуллаев 1954 — Абдуллаев С. *Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1954. [Abdullaev S. *Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya)* [Dargwa grammar: Phonetics and morphology]. Makhachkala: Daghestanian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1954.]

3. Абдуллаев 2017 — Абдуллаев З. Г. *Даргинско-русский словарь / Дарган-урус словарь*. 12 000 слов, терминов и выражений. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2017. [Abdullaev Z. G. *Darginsko-russkii slovar'* [Dargwa–Russian dictionary]. Makhachkala: Tsadasa Institute for Language, Literature, and Art, 2017.]
- Габибуллаева 2018 — Габибуллаева П. М. К вопросу об ударении в даргинском языке. *Мир науки, культуры, образования*, 2018, 5: 417–418. [Gabibullaeva P. M. On stress in Dargwa. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2018, 5: 417–418.]
- Гаприндашвили 1966 — Гаприндашвили Ш. Г. *Фонетика даргинского языка*. Тбилиси: Мецниереба, 1966. [Gaprindashvili Sh. G. *Fonetika darginskogo yazyka* [Dargwa phonetics]. Tbilisi: Metsniereba, 1966.]
- Кадибагамаев 1998 — Кадибагамаев А. А. *Сирхинский диалект даргинского языка (фонетическая система)*. Махачкала: ДНЦ РАН, 1998. [Kadibagamaev A. A. *Sirkhinskii dialekt darginskogo yazyka (foneticheskaya sistema)* [Sirkhi dialect of Dargwa: The phonetical system]. Makhachkala: Daghestanian Research Center of the Russian Academy of Sciences, 1998.]
- Коряков 2021 — Коряков Ю. Б. Даргинские языки и их классификация. *Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова*. Майсак Т. А., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. (ред.). М.: Буки Веди, 2021, 139–154. [Koryakov Yu. B. Dargwa languages and their classification. *Durqazi hazna. Papers on the occasion of Rasul Mutalov's 60th anniversary*. Maisak T. A., Sumbatova N. R., Testeletz Ya. G. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2021, 139–154.]
- Магометов 1963 — Магометов А. А. *Кубачинский язык (исследование и тексты)*. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1963. [Magometov A. A. *Kubachinskii yazyk (issledovanie i teksty)* [Kubachi language: A study and texts]. Tbilisi: Academy of Sciences of the Georgian SSR Press., 1963.]
- Магометов 1977 — Магометов А. А. Каузатив в лакско-даргинской группе дагестанских языков. *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания*, 1977, IV: 188–207. [Magometov A. A. Causative in the Lak-Dargwa group of Daghestanian languages. *Annual of Ibero-Caucasian Linguistics*, 1977, IV: 188–207.]
- Магометов 1982 — Магометов А. А. *Меgebский диалект даргинского языка (исследование и тексты)*. Тбилиси: Мецниереба, 1982. [Magometov A. A. *Megebskii dialekt darginskogo yazyka (issledovanie i teksty)* [Mehweb dialect of Dargwa: A study and texts]. Tbilisi: Metsniereba, 1982.]
- Мороз 2014 — Мороз Г. А. Именное ударение в даргинских языках. *Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики. Сборник статей к юбилею О. Ф. Кривновой*. Кобозева И. М. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2014, 245–269. [Moroz G. A. Nominal stress in Dargwa languages. *Aktual'nye voprosy teoreticheskoi i prikladnoi fonetiki. Sbornik statei k yubileyu O. F. Krivnoy*. Kobozeva I. M. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2014, 245–269.] <https://publications.hse.ru/chapters/136081838>.
- Сумбатова 2010 — Сумбатова Н. Р. Конструкции глагольных предложений в диалектах даргинского языка. *Вестник СПбГУ. Сер. «Востокведение. Африканистика»*, 2010, 4: 108–124. [Sumbatova N. R. Constructions of verbal sentences in Dargwa dialects. *Vestnik SPbGU. Series "Vostokovedenie. Afrikanistika"*, 2010, 4: 108–124.]
- Сумбатова, Ландер 2014 — Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. *Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. М.: Языки русской культуры, 2014. [Sumbatova N. R., Lander Yu. A. *Darginskii govor seleniya Tanty. Grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa* [Tanty dialect of Dargwa. Grammatical sketch, aspects of syntax]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2014.]
- Темирбулатова 2004 — Темирбулатова С. М. *Хайдакский диалект даргинского языка*. Махачкала: ДНЦ РАН, 2004. [Temirbulatova S. M. *Khaidakskii dialekt darginskogo yazyka* [Khaidak dialect of Dargwa]. Makhachkala: Daghestanian Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2004.]
- Темирбулатова 2006 — Темирбулатова С. М. *Хайдакский диалект даргинского языка*. Дис. ... докт. филол. наук. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2006. [Temirbulatova S. M. *Khaidakskii dialekt darginskogo yazyka* [Khaidak dialect of Dargwa]. Doctoral diss. Makhachkala: Tsadasa Institute for Language, Literature, and Art, 2006.]
- Холодович 1969 — Холодович А. А. (ред.). *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Л.: Наука, 1969. [Kholodovich A. A. (ed.). *Tipologiya kauzativnykh konstrukttsii. Morfologicheskii kauzativ* [Typology of causative constructions: Morphological causative]. Leningrad: Nauka, 1969.]
- Шахбанова 2010 — Шахбанова П. Г. Ударение в карбачимахинском говоре даргинского языка. *Вестник Ун-та Российской академии образования*, 2010, 3: 80–82. [Shakhbanova P. G. Stress in the Karbachimakhki dialect of Dargwa. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya*, 2010, 3: 80–82.]
- Шахбанова 2011 — Шахбанова П. Г. *Фонетические и морфологические особенности карбачимахинского говора даргинского языка*. Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала: Дагестан. гос. пед. ун-т,

2011. [Shakhbanova P. G. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti karbachimakhinskogo govora darginskogo yazyka* [Phonetical and morphological features of the Karbachimakhi dialect of Dargwa]. Candidate diss. Makhachkala: Daghestanian State Pedagogical Univ., 2011.]
- Юсупов 2017 — Юсупов Х. А. *Дарган-урус словарь / Даргинско-русский словарь*. Около 40 000 слов и фразеологических выражений. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2017. [Yusupov Kh. A. *Dargan-urus slovar'* [Dargwa–Russian dictionary]. Makhachkala: Tsadasa Institute for Language, Literature, and Art, 2017.]
- Authier 2016 — Authier G. The antipassive construction in Dargi. Paper presented at the 49th Annual Meeting of the *Societas Linguistica Europaea* (Naples, 2016).
- Barylnikova 2019 — Barylnikova D. Periphrastic causative constructions in Mehweb. *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax*. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (eds.). Berlin: Language Science Press, 2019, 167–187.
- Belyaev 2020 — Belyaev O. (ed.). *Shiri–English Dictionary*. Bamberg: Otto-Friedrich Universität Bamberg, 2020. <https://www.webonary.org/shiri/>. Accessed on June 2, 2021.
- Daniel 2019 — Daniel M. Mehweb verb morphology. *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax*. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (eds.). Berlin: Language Science Press, 2019, 73–115.
- Dixon 2000 — Dixon R. M. W. A typology of causatives: Form, syntax and meaning. *Changing valency: Case studies in transitivity*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). New York: Cambridge Univ. Press, 2000, 30–83.
- Forker 2020 — Forker D. *A grammar of Sanzhi Dargwa*. Berlin: Language Science Press, 2020.
- Ganenkov 2018a — Ganenkov D. *Chirag*. Ms., 2018.
- Ganenkov 2018b — Ganenkov D. *Khuduts*. Ms., 2018.
- Heine, Kuteva 2019 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.
- Kulikov 2001 — Kulikov L. Causatives. *Language typology and language universals. An international handbook*. Vol. 2. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2001, 886–898.
- Song 1996 — Song J. J. *Causatives and causation: A universal-typological perspective*. London: Routledge, 1996.
- Song 2013 — Song J. J. Nonperiphrastic causative constructions. *The world atlas of language structures online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). <http://wals.info/chapter/111>, accessed on June 2, 2021.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — Sumbatova N. R., Mutalov R. O. *A grammar of Icari Dargwa*. Munich: LINCOM Europa, 2003.
- van den Berg 2001 — van den Berg H. *Dargi folktales. Oral stories from the Caucasus. With an introduction to Dargi grammar*. Leiden: Universiteit Leiden, 2001.

Бурятские «однократное» и «постоянное» причастия в типологической перспективе

© 2022

Елена Константиновна Скрибник

Институт финноугроведения и уралоистики Университета Людвиг Максимилиана,
Мюнхен, Германия; skribnik@lmu.de

Надежда Баировна Даржаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН,
Улан-Удэ, Россия; dnadezhda@mail.ru

Аннотация: Бурятские формы на *-gšA* («причастие настоящее / однократное» / *nomen actoris*) и *-AAšA* («причастие постоянное») характеризуются в грамматических описаниях наиболее противоречиво: предшествующие исследователи приписывали им самые разнообразные временные и аспектуальные различия. Далее, именно эти две формы способны кодировать не только событие, но и его участника (*nomen actoris*), а также значительно ограничены по функциям по сравнению с остальными причастиями. В статье показано, что эти формы задают не ТАМ-характеристики ситуации, названной причастием, а статус ее релятивизированного участника, референта определяемого имени, в дискурсе: они маркируют его как несущего фокус внимания, базирующийся или на знании говорящего (*-gšA*), или на общем знании говорящего и слушающего (*-AAšA*). Таким образом, предлагается новый параметр дифференциации бурятских причастий, интересный как для монголистики, так и для общей типологии.

Ключевые слова: адресат, бурятский язык, говорящий, дискурс, коммуникативная структура, монгольские языки, причастия, фокус

Благодарности: Авторы приносят глубокую благодарность за консультации и замечания коллегам Ж. Б. Бадагарову, Л. Б. Бадмаевой, Б. Д. Бальжинмаевой, А. А. Кибрику, Ж. Ш. Санжанову, Б. Д. Цыренову, К. Шагала, а также анонимным рецензентам. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования: Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Бурятские «однократное» и «постоянное» причастия в типологической перспективе. *Вопросы языкознания*, 2022, 3: 132–154.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.132-154

Buryat “semelfactive” and “constant” participles in typological perspective

Elena K. Skribnik

Institute for Finno-Ugric and Uralic Studies of Ludwig-Maximilians-Universität München,
Munich, Germany; skribnik@lmu.de

Nadezhda B. Darzhaeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences, Ulan-Ude, Russia; dnadezhda@mail.ru

Abstract: The Buryat forms *-gšA* (“present/semelfactive” participle / *nomen actoris*) and *-AAšA* (“constant participle”) are characterized in fairly contradictory ways in grammars: researchers have ascribed

quite different temporal and aspectual meanings to them. Further, these two forms can encode not only the event, but also its participants (hence *nomen actoris*). Their functional range is much narrower than that of other participles. The paper shows that these forms indicate not the TAM-characteristics of the event marked by the participle, but the discourse status of its relativized participant, the referent of the head noun: they mark it as bearing the focus of attention based on either the speaker's knowledge (-*gšA*), or the common knowledge of the speaker and the addressee (-*AAšA*). Thus we propose a new distinctive parameter for Buryat participles, which is pertinent also through the lens of Mongolic studies and general typology.

Keywords: addressee, Buryat, discourse, focus, information structure, Mongolic, participles, speaker

Acknowledgements: The authors are grateful to Zhargal Badagarov, Larisa Badmaeva, Bayarma Bal'zhinimaeva, Andrei Kibrik, Zham'yan Sanzhanov, Ksenia Shagal, Babasan Tsyrenov, and two anonymous reviewers. The research was carried out within the state assignment (project "The man and the world in Mongolic languages: Analysis of expressive means of emotionality", No. 121031000258-9).

For citation: Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. Buryat "semelfactive" and "constant" participles in typological perspective. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 3: 132–154.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.132-154

Введение

Как известно, инфинитные формы играют чрезвычайно важную роль в морфосинтаксисе монгольских языков, участвуя в построении и аналитических конструкций сложного сказуемого, и всех видов полипредикативных конструкций. Формы, в монголистике традиционно именуемые причастиями (или «именными формами»), противопоставляются деепричастиям: если последние участвуют в построении только обстоятельственных конструкций, то причастия полифункциональны и могут возглавлять конструкции определительные, изъяснительные и обстоятельственные, а также способны выступать самостоятельно как финитное (или «окончательное») сказуемое без участия служебных глаголов. Поэтому причастия предлагают включать также в состав финитных глагольных форм (ср. термин «причастно-изъяснительные формы глагола» [Санжеев 1963: 267]). Их описанию посвящено значительное количество исследований, см. обзоры в [Харчевникова 2003; Рассадин 2012; Скрибник, Даржаева 2016].

В бурятском языке система причастий насчитывает по разным источникам от девяти [ГБЯФМ: 266–278] до двенадцати единиц [Скрибник, Даржаева 2016: 19], не считая отрицательных форм, имеющих свою специфику. Возникает естественный вопрос — почему причастий так много, по сравнению с европейскими и даже другими монгольскими языками, и какова их семантика? Существующие классификации причастий делят их на группы с временным, аспектуальным, модальным значением, также выделяется одна пассивная форма [Санжеев 1963; Цыдыпов 1972; Рассадин 2011; 2012]. Например, у Ц.-Ж. Ц. Цыдыпова и В. И. Рассадина: 1) временные причастия: настояще-прошедшего времени на *-AA*, прошедшего времени на *-hAn*, завершено-прошедшего на *-hxAй*, будущего времени на *-xA*; 2) видовые причастия: многократное на *-dAg*, однократное на *-gшA*, постоянное на *-AAшA*, 3) модальные причастия: возможности на *-xAAp*, целесообразности на *-mAAp*, 4) диатезальное (страдательное) на *-AAmAй*.

Типологические исследования причастий в языках мира показывают, что два ведущих системообразующих параметра — это ориентация, т. е. набор синтаксических функций, которым может соответствовать определяемое имя (ОИ) по отношению к определительной конструкции [Haspelmath 1994; Shagal 2019], и темпорально-аспектуально-модальные (ТАМ) характеристики. Ориентация, задающая подразделение причастий, например, на активные (*читающий*) и пассивные (*читаемый*), для бурятского практически нерелевантна: как уже говорилось, в системе имеется единственное «пассивное»

(результативное) причастие, а у остальных бурятских причастий ориентация является не фиксированной (*inherent*), а свободной (*contextual*), т. е. они допускают определяемые имена не только с исходной синтаксической функцией подлежащего или прямого дополнения, но с любыми синтаксическими функциями (и семантическими ролями)¹. Тем самым ТАМ-характеристики в монгольских языках выступают на первый план, что и показывают предыдущие классификации. Однако являются ли они единственными — и достаточными?

В настоящей статье мы сосредоточимся только на двух из двенадцати бурятских причастий, описания которых в разных источниках наиболее противоречивы. Это формы на *-гшА* («причастие однократное») и *-АшА* («причастие постоянное»), которые мы рассмотрим в разделах 1 и 2, проведя их сопоставление в разделе 3. Материалом исследования послужили примеры из художественных произведений, размещенных в электронном [Бурятском корпусе]², а также данные, полученные от консультантов.

Бурятский, относящийся к северной группе монгольских языков [Rybatzki 2003: 388], является агглютинативным языком с гармонией гласных; порядок слов фиксирован (SOV), определения предшествуют определяемому имени без согласования. Имеется дифференцированное кодирование прямого дополнения (винительный либо именительный / неопределенный падеж), а также дифференцированное кодирование подлежащего в инфинитных зависимых клаузах (именительный либо родительный падеж); выбор падежа в обоих случаях определяется информационной структурой. Лицо в зависимых клаузах выражается не лично-предикативными, а притяжательными показателями; в определительных конструкциях эти суффиксы размещаются на определяемом имени.

1. Форма на *-гшА*

Форма на *-гшА* имеет две четко различимые функции: она способна обозначать не только событие, но и его участника, обычно исполнителя действия.³ Отсюда различающиеся термины: с одной стороны, «*nomen actoris*» [Роппе 1987], с другой — «причастие настоящее» [Поппе 1938], «настоящее однократное» [Бобровников 1835], «однократное» [Санжеев 1963; ГБЯФМ: 276; Бурятский корпус] (в англоязычной версии Бурятского корпуса — «*semelfactive*»). Однако и авторы Бурятской грамматики, и Ц.-Ж. Ц. Цыдыпов считали именование «однократное причастие» данью традиции, приравнивая его по значению причастию постоянному на *-АшА* и многократному на *-даг* [Санжеев 1963: 209; ГБЯФМ: 276; Цыдыпов 1972: 120], сравним: «...мы стремились выделить многократное причастие как видовое, а “однократное” и постоянное причастия как подвидовые. Но (...) мы не могли обнаружить различия в их видовых значениях. (...) Повторность, многократность действия могут выразить все три причастия» [Цыдыпов 1972: 127]. Тем самым вопрос о семантике данного причастия остается открытым.

Если форма на *-гшА* как *nomen actoris* функционирует подобно существительному, то в событийном значении она выступает обычно в функции определения либо финитного

¹ Более того, они используются и в случаях, когда ОИ не имеет никакой синтаксической функции и семантической роли в ситуации, названной в определительной конструкции, а, например, представляет собой название отношения, типа восприятия (ср. пример 32) и т. п. (так называемые «*general noun modifying constructions*», [Matsumoto et al. 2017]).

² Для корпусных примеров источник мы далее не указываем; примеры, полученные от информантов, маркируются («инф.»).

³ Другие причастия в такой функции без ОИ абстрактного значения (номинализаторов типа *хун* ‘человек’, *юмэн* ‘вещь’, *хэрэг* ‘дело’) употребляются редко.

сказуемого, часто в сопровождении частиц. В аргументных придаточных она практически не встречается, в обстоятельственных используется только с послелогами сравнения *орходо* и *адляар* ‘по сравнению с тем, как’. Мы рассмотрим только основные функции определения и сказуемого.

1.1. Форма на *-шиА* в функции определения

В отношении аспектуальных характеристик события, названного данным причастием, корпусный материал показывает следующее: в функции определения оно может выражать как дйащиеся действия и состояния (1), так и действия однократные (2), а также многократные, постоянно повторяющиеся, типичные для исполнителя действия (3), т. е. аспект не является его релевантной характеристикой.

- (1) *Пагма унта-жа хэбтэ-шиэ хубуун тээш-ээ эрьелд-ээд, нэгэ*
 П. спать-СВВ лежать-РС⁴ мальчик К-REFL поворачиваться-СВВ один
хэды соо адагла-жа бай-хан-аа, стол-ой
 сколько в внимательно_смотреть-СВВ AUX-РС.PST-REFL стол-GEN
часы хара-ба.
 часы смотреть-РСТ[3]

‘Пагма, обернувшись к спавшему сыну⁵, некоторое время внимательно смотрела на него, [а потом] взглянула на настольные часы’ (возможна замена на конструкцию с причастием прошедшего времени, *унта-жа хэбтэ-хэн*; значение длительности обеспечивается аналитической формой с глаголом *хэбтэ-* ‘лежать’ в качестве вспомогательного).

- (2) *...нэгэ хото-той шуһа түрүүн үгэ-шиэ нулаад-та-нь орёо-гоод,*
 один желудок-СОМ кровь раньше дать-РС платок-DAT-POSS₃ завернуть-СВВ
үгэ-жэ үрди-хэн бай-гаа-б
 дать-СВВ успевать-РС.PST AUX-РС.PRS-1SG

‘[Я] успел отдать [ей] один пузырь (букв. желудок) с кровью, завернув в ее [же] платок, который [она] дала [мне] раньше’ (возможна замена на причастие прошедшего времени, *үгэ-хэн*).

- (3) *Минии-л хана-шиа юумэн боло-жо бай-на*
 я:GEN-PCL думать-РС вещь становиться-СВВ AUX-PRS[3SG]

‘Начинается [именно] то, о чем я думал’ (возможна замена как на причастие прошедшего времени, *хана-хан*, так и на причастие многократное, *хана-даг*).

Как видим, ориентация у этого причастия не фиксирована: ОИ в (1) — субъект причастного действия (релятивизированное подлежащее), в (2)–(3) — объект (релятивизированное прямое дополнение). Само ОИ может нести в предложении любую синтаксическую функцию, подлежащего (3, 4, 5, 8, 10, 11, 12), дополнения, прямого и косвенного (1, 2, 9, 11), именного определения (7) и именного сказуемого (4, 6).

- (4) *Зуралза-шиа түмэр зам — залгуула-шиа худахан.*
 сверкать-РС железо дорога соединять-РС артерия
 ‘Сверкающая железная дорога — это соединительная артерия’.

⁴ Мы пока глоссировем форму на *-шиА* просто как причастие (РС).

⁵ Лексема *хубуун* имеет значение ‘мальчик’, но с показателями личного или субъектного притяжения — в данном случае на послелоге — ‘сын’.

Что касается двух оставшихся ТАМ-характеристик, то обозначаемое действие / состояние реально (в частности, не сочетается с отрицанием) и может относиться либо к относительному настоящему (1), либо к прошедшему (2)–(3) времени (одновременность и предшествование); ср. у Ц.-Ж. Ц. Цыдыпова [1972: 126]: «однократное и постоянное причастия употребляются только в прошедшем и настоящем временах». С учетом сказанного не удивительно, что в ряде примеров определить ТАМ-характеристики без контекста и знания ситуации затруднительно:

- (5) *Хүн-үүд-тэ зоболон асара-гша ши өөрөө*
 человек-PL-DAT страдание приносить-PC ты сам
хосор-хо бай-гаа-и!
 погибать-PC.FUT AUX-PC.PRS-2SG

‘Ты, что принес / приносишь / несешь страдания людям, сгинул бы ты сам!’

На основе анализа корпусных данных мы выдвинули предположение, что причастие на *-гша* как определение работает на уровне дискурса, задавая не ТАМ-характеристики действия, названного глагольной основой, а когнитивный статус участника этого действия, референта ОИ⁶, как несущего подчеркнутый фокус внимания (ср. [Кибрик 2003: 28]). Задача этого причастия — показать, что данный референт, как и характеризующее его действие / состояние, находится в фокусе внимания говорящего и говорящий предлагает слушающему также перенести на него свой фокус внимания, добавляя с помощью причастного определения информацию, релевантную для дальнейшей коммуникации. Тем самым переводы примеров (1)–(5) можно уточнить выражениями типа ‘вот тот’, ‘именно такой (о чем ты еще не знаешь)’ и т. п.

Нужно отметить, что А. А. Кибрик использует понятие «фокус внимания» с опорой на работы Р. Томлина [Tomlin 1995] для объяснения связи между вниманием, активацией и дальнейшей прономинализацией языкового представления референта в дискурсе; оба автора полагают, что «фокусное внимание отражается в языковой структуре (по крайней мере в английском языке) посредством статуса подлежащего» [Кибрик 2003: 60]. Наше употребление этого термина существенно расширяет его объем за счет включения в него имен с причастным определением независимо от синтаксической функции. Далее, термин «фокус» ассоциируется в первую очередь с теориями, описывающими актуальное / коммуникативное членение (информационную структуру, коммуникативную перспективу предложения, *information packaging* и т. д.); таких теорий достаточно много (ср. [Halliday 1967; Kuno 1972; Chafe 1976; Lambrecht 1994; Gundel 1999; Krifka 2008] и мн. др.), используемые термины определяются в них по-разному, имеются различные мнения по поводу основных единиц и методик их выделения. Нашей задачей является не проверка какой-то одной теории на бурятском материале, а выяснение, какая из теорий (и, соответственно, какая терминология) наиболее точно отражает функции и семантику рассматриваемых нами форм; возможно при этом, что полного совпадения не обнаружится, хотя хотелось бы, чтобы наше терминопотребление согласовалось с более или менее общепринятым.

Отметим еще, что в стратегиях выражения актуального членения в бурятском порядок слов не участвует; порядок слов жесткий, предложение стандартно открывается подлежащим-темой и завершается сказуемым-ремой. Соответственно, нестандартное актуальное членение маркируется отдельными показателями (частицами — показателями топика и фокуса). Мы полагаем, что рассматриваемые причастия тоже входят в систему таких маркеров.

В ходе анализа мы проверяли информационный статус референта ОИ и причастного действия (в терминах «данное — доступное — новое» или по степени активации

⁶ Примеры нереферентных ОИ с *-гша* также имеются (см. пример 4 с именным сказуемым — метафорой), однако подавляющее большинство употреблений термовое и референтное.

в дискурсе⁷), коммуникативный статус конструкции (в терминах «тема — рема» / «топик — фокус»⁸), а также статус причастного действия в терминах доступа к информации.

С точки зрения характеристик «данное — доступное — новое» применительно к референту ОИ корпусный материал дает примеры всех трех типов; применительно к причастному действию типична (но не исключительна) характеристика «новое».

- (6) *Үдэр таанад-та ерэ-гшээ хубуун-би, — гээжэ тэрэ харанхы*
 день вы-ДАТ приходит-РС мальчик-1SG СОМР он темный
соо-хоо харюуса-ба.
 внутри-ABL ответить-РСТ[3]

‘Тот ответил из темноты: «Это я, тот самый парень, что приходил к вам днем»’.

В данном примере, как и в примере (5), референтом ОИ является участник коммуникативного акта, говорящий (6) или слушающий (5), т. е. это автоматически «данное»; характеризующее действие для говорящего «новое».

В следующем примере (7) референт ОИ активирован, но характеризующее его действие (‘стреляющий’) названо в начале и отделено от актуального высказывания некоторым объемом текста («данное» → «доступное»); автор текста считает необходимым обновить эту информацию для адресата, снова выводя ее в фокус внимания:

- (7) *...эндэ бай-хан зон бүгэдөөрэн баярла-ха-һаа гадна тэрэ*
 здесь быть-РС.РСТ люди все радоваться-РС.ФУТ-ABL кроме тот
бууда-гшээ хүн-эй шуһан үшөө ехээр адхар-һай гээжэ һана-жа
 стрелять-РС человек-GEN кровь еще много проливаться-ОРТ СОМР думать-СВВ
бай-гаа һэн.
 AUX-РС.PRS PCL[3]

‘Все находившиеся там люди не только обрадовались, но и желали, чтобы у того стрелявшего человека еще больше пролилась кровь’ (после нападения на Далай-ламу).

К информации доступной относится и референт ОИ в примере (1): сын главной героини известен из нарратива, хотя в ближайшем левом контексте не активирован. Характеризующее его действие (‘спящий’) является новой для читателя информацией, значимой для последующего развития сюжета (мать смотрит на часы и не включает радио, чтобы не разбудить сына). Подобная реактивация ранее введенных референтов представлена в корпусе значительным числом примеров.

Рассмотрим теперь пример (8) с активацией в предыдущем предложении как референта ОИ, так и причастного действия:

- (8) *Тии-хэ-дэ-нь ардагар бишы-хан хубуу-е хайрл-аад,*
 DIST-РС.ФУТ-ДАТ-ПОСС3 щупленький маленький-DIM мальчик-ACC жалеть-СВВ
буудалдаан соо-хоо абар-жа абая-гша бэлэй-б.
 перестрелка внутри-ABL спасать-СВВ AUX-РС PCL-1SG
Тэрэ абара-гшээ хубуу-мни ерэ-жэ яба-на.
 тот спасать-РС мальчик-ПОСС1SG приходит-СВВ AUX-PRS[3SG]

‘[Ведь] тогда я, пожалев тощенького маленького мальчика, спас его из боя. [Так вот, именно] тот самый мальчишка, которого я спас, едет сюда’.

⁷ Ср. понятия «активация» / «activation status» и «identifiability status» [Chafe 1987; Lambrecht 1994], «hearer-old/new» и «discourse-old/new» [Prince 1992], а также «cognitive status» [Gundel et al. 1993].

⁸ Топик: «a constituent is a topic expression if the proposition expressed by the clause with which it is associated is pragmatically construed as conveying information about the referent of the constituent» [Lambrecht 1994: 131]; фокус: «the semantic component of a pragmatically structured proposition whereby the assertion differs from the presupposition» [Ibid.: 213].

В предыдущем предложении говорящий сообщает важную информацию о спасении мальчика (также формой на *-гшиА*, но в роли сказуемого, см. 1.2). В следующем предложении эта форма с тем же лексическим глаголом использована уже в роли определения: говорящий предлагает слушающему перевести в фокус внимания только что активированного персонажа ‘мальчик’; далее речь пойдет о нем, т. е. такое определение дополнительно сигнализирует смену топика (*topic shift*). Хотя информация о действии ‘спасение’ была уже только что введена, но говорящий продолжает использовать форму на *-гшиА*, еще усиливая эффект выделенности. Замена формой на *-hAn* возможна, но с полной потерей этого эффекта.

Наконец, референт ОИ может быть новым, только что введенным; в таком случае он задается как новый фокус внимания и становится основным топиком в роли подлежащего (ср. (8)) или вторичным топиком в роли дополнения на последующие несколько предложений (9). При этом причастное действие также является новой информацией.

- (9) *Гэбэшые Норжимо бар-яад бай-гшиа газетэ-еэ стол*
 рсL Н. брать-сVВ АУХ-РС газета-АСС стол
дээрэ-нь дэлгэ-жэрхи-нэ.
 на-POSS3 разложить-INTENS-PRS[3SG]

‘Однако Норжима разложила на его столе газету, которую держала в руках’.

Газета упоминается впервые, в последующем контексте речь идет о действиях с ней (она просмотрена, в ней карандашом сделаны отметки). Возможна замена *-гшиА* формой прошедшего времени на *-hAn*, но тогда выделенность снимается.

Сочетание «данное причастное действие — новый референт ОИ» для формы на *-гшиА* в корпусе не встречено, получить у информантов его не удалось.

Таким образом, можно заключить, что конструкция с формой на *-гшиА* не демонстрирует однозначного противопоставления по характеристикам референта ОИ в терминах «данное — доступное — новое», хотя для причастного действия характеристика «данное» возможна только в специальных случаях (см. пример 8).

Рассмотрим теперь функционирование данной формы с точки зрения коммуникативного членения предложения (для описания которого используются противопоставления «тема — рема», «топик — комментарий», «background — focus», «топик — фокус»). Эти термины обычно ассоциируются с синтаксическими функциями подлежащего и сказуемого (ср. «Subject and topic» в заголовке [Li (ed.) 1976]); однако в нашем случае речь идет об определенной конструкции, способной относиться к любому именованному члену предложения (ср. в примере 7 — определение к определению к подлежащему). Уже этот факт подразумевает, что найти место для рассматриваемых данных в существующих системах представлений и терминов будет затруднительно.

В большинстве примеров конструкция с *-гшиА* является частью ремы, задавая в ней как бы «узкий фокус» («narrow focus»: примеры 1, 2, 3, 6, 9). Однако она может входить и в тему (5, 7), часто маркируя при этом смену темы («topic shift», пример 8). Тем самым в терминах коммуникативного членения данная конструкция также однозначно охарактеризована быть не может.

Отметим еще, что новый фокус внимания, задаваемый данной формой, при вхождении в рему может представлять не только фокус новой информации⁹, но и фокус выбора одного референта из нескольких доступных («selective focus», 10), а также серию равновыделенных референтов («additive focus», 11).

- (10) (Контекст с двумя потенциальными референтами: человек невысокого роста взялся за поводья; хозяин коня взял хомут; конь резко отскочил.)

Гэнтэ шигэ-жэ узгар-уул-ха-д-аа, жолоо-е-нь бар-яад
 вдруг PROX-CVВ дергать-CAUS-PC.FUT-DAT-REFL поводья-АСС-POSS3 держать-CVВ

⁹ О типах фокуса см. [Aissen 2015: 2].

бай-гшиа хун сага руу гудар-ша-на.
 AUX-PC человек снег в падать-INTENS-PRS[3SG]

‘От неожиданности человек, державший поводья, упал в снег’.

- (11) *...сэбэрүү нэбшэрэ-гшиэ тама, шүдэ-еэ хабжасана-гшиа тама,*
 волдырь скопиться-PC ад зуб-REFL стучать_зубами-PC ад

(...) Удбала мэтэ хахара-гшиа тама, лёнхобо мэтэ ехэтэ
 аквилегия как разрываться-PC ад лотос как сильно

хахара-гшиа тама-тай найман хүйтэн там-ын орон би.
 разрываться-PC ад-СОМ восемь холодный ад-GEN страна есть

‘{После восьми горячих преисподних,} ад, где обсыпает волдырями; ад, где стучат зубами; (...) ад, где [грешника] разрывает [так, что он выглядит] наподобие [цветка] аквилегии, вместе с адом, где сильно разрывает наподобие [цветка] лотоса, — это область восьми холодных преисподних’.

В диалоге форма на *-гшиА* может оформлять контрастивный топик [Aissen 2015: 5], например, различающиеся мнения участников диалога по отношению к уже активированным референтам. В следующем примере три действующих лица обсуждают группу деревьев, которые они вместе рассматривают, выбирая, которое из них нарисовать:

- (12) (Эрдэм спрашивает маму, нравится ли ей вон то черемуховое дерево; Дандар переспрашивает, которое именно, указывая на одно из деревьев пальцем; Эрдэм уточняет, что имеется в виду дерево справа. Реплики матери, Дандара и Эрдэма:)

— *Тээд Дандар-ай заа-гшиа хаглагар мойһон намда*
 но Д.-GEN показывать-PC развесистый черемуха мне

хайшаа-гда-на, гээ-бэ-б.
 одобрять-PASS-PRS[3SG] говорить-PST-1SG

— *Нээрээ гү? — гэжэ Дандар баярла-ша-ба.*
 правда Q СОМР Д. радоваться-INTENS-PST[3]

— *Минии хэлэ-гшиэ мойһон нэгэ газар-та урга-һан*
 я:GEN говорить-PC черемуха один место-DAT расти-PC.PST

модо-д-һоо тад ондоо-гоор, үзэсхэлэн хай-хан-аар хара-гда-на.
 дерево-PL-AVL PCL другой-INS зрелище хороший-DIM-INS смотреть-PASS-PRS[3SG]

‘— Но мне нравится [именно та] развесистая черемуха, на которую показал Дандар, — сказала я.

— Правда? — обрадовался Дандар.

— Та черемуха, которую я назвал (букв. сказал), в отличие от [остальных] деревьев, выросших в том же месте, выглядит совсем по-другому, необычайно красиво, [— сказал Эрдэм]’.

В этом примере говорящие фокусируют внимание каждый на своем конкретном дереве; хотя все референты не просто активированы в дискурсе, но и находятся в сфере непосредственного наблюдения всех участников, однако они представлены в контрасте друг с другом с точки зрения каждого отдельного говорящего. Замена на *-һан* в данном случае информантами не одобряется. Обратим внимание, что в определительной конструкции с не выделенными в дискурсе «другими деревьями, выросшими в том же месте» используется нейтральная форма на *-һан*.

Таким образом, функция формы на *-гшиА* в роли определения — маркирование говорящим носителя своего фокуса внимания в данном отрезке дискурса (что может дополнительно подчеркиваться местоименными усилителями типа *үнөөхи* ‘тот самый’) с предложением слушающему включить его в свой фокус внимания. При этом референт ОИ может иметь любую степень активации, т. е. быть и совершенно новым, только что введенным, и реактивированным в дискурсе, и данным, уже активированным, а также представленным в контрасте с рядом ему подобных; причастное действие преимущественно

относится к новой информации, реже — к доступной, которую говорящий желает реактивировать, в случаях специального подчеркивания — к информации, только что введенной в левом контексте. Далее, именная группа с таким определением может иметь любую синтаксическую функцию, от подлежащего до именного сказуемого; с точки зрения коммуникативной структуры она включается чаще всего в состав ремы в качестве узкого фокуса, но появление в теме также возможно. Временные же или аспектуальные характеристики события, обозначаемого данным причастием, нерелевантны — как мы видели, это может быть действие или состояние, одновременное, предшествующее или последующее, однократное, многократное или постоянное; варианты прочтения к тому же зависят и от семантики глагола, и от внеязыковых знаний говорящего. Как нам представляется, именно этим обусловлены проблемы с определением семантики и именованием данного причастия, уже цитированные выше (см. [Цыдыпов 1972: 127]). Мы предлагаем для него именование «причастие фокусное» (см. также ниже, раздел 3).

Тем самым налицо грамматическое явление, до сих пор в монголистике не описанное (и неясно, насколько часто встречающееся в языках мира): причастная форма, характеризующая не ситуацию, названную глагольной основой, в терминах ТАМ, и не возможную синтаксическую функцию / семантическую роль участника причастной ситуации, названного определяемым именем (= ориентация), а когнитивный статус референта определяемого имени. При этом когнитивный статус «фокус внимания» не связан однозначно ни с информационным статусом (данное — новое), ни со статусом коммуникативным (тема — рема / топик — фокус).

1.2. Форма на *-гшиА* в функции сказуемого

В финитной функции, т. е. в самостоятельном употреблении в качестве сказуемого, без определяемого имени, это причастие также маркирует новый фокус внимания — но уже на самом действии, названном причастным сказуемым (в переводах мы попытались передать это значение частицами типа *ведь, да уж*). Поскольку сказуемое обычно уже представляет собой рему, использование этой формы дает эффект подчеркнутой аффирмативности ('само собой', 'как же иначе'):

(13) — *Телевизор гэжэ мэдэ-хэ гү-т?*
 телевизор COMP знать-PC.FUT Q-2SG

— *Дуула-гши-б.*
 слышать-PC-1SG

'— Вы знаете, что такое телевизор? — [Да уж] слышал / слыхивал'.

В этой функции спектр возможностей формы на *-гшиА* несколько шире: она может выражать и реальные, и потенциальные события, с ней возможно отрицание, она употребляется по отношению ко всем трем временным планам; она может использоваться для выражения опасения / предостережения (17), пожелания (20), возражения (15), а также поиска поддержки со стороны слушающего (22).

В роли сказуемого без сопровождения частиц форма на *-гшиА* чаще всего передает реальное действие, временной план которого понимается (в зависимости от контекста и аспектуальных характеристик глагола) как предшествование или одновременность по отношению ко времени нарратива / дискурса, т. е. как прошедшее (13) или расширенное настоящее (14)–(15).

(14) *Намайе өөр-нөө-мни үлүүгээр мэдэ-гшиэ ха юм-та...*
 я:ACC сам-ABL-POSS1SG сверх знать-PC PCL PCL-2PL

'[Вы ведь] знаете меня гораздо лучше, чем я сам себя'.

- (15) *Түрэг-шьегүй-гөөр гэрлэ-һэн айл-нууд хайн хуу-гша.*
 свадьба-PCL-NEG-INS жениться-PC.PST семья-PL хорошо сидеть-PC
 ‘[Ведь] и без [большой] свадьбы поженившиеся пары [бывает, что] хорошо живут’
 (говорящий не хочет пышной свадьбы и приводит аргументы против нее).

В роли сказуемого может выражаться также потенциальное действие / событие (16); при этом привлечение к ним внимания слушающего может прочитываться как опасение и предупреждение (17):

- (16) *Хэр холо харба-гша ааб!*
 насколько далеко стрелять-PC PCL
 ‘[Интересно,] как далеко [эти стрелы] стреляют!’
- (17) — *Лёшка, морин-һоо буу, — гэгэ-бэ Петромаан, — гэнтэ*
 Л. конь-ABL слезать-IMP говорить-PST П. вдруг
үргэ-жэ унагаа-гша-б.
 пугаться-CVB ронять-PC-PCL
 ‘— Лешка, слезай с коня, — сказал Петроман, — вдруг он, испугавшись, (тебя) сбросит’.

При необходимости точно определить временную соотнесенность события, представленного формой на *-гша*, используются различные частицы. Отнесенность к прошедшему времени передают частицы *һэн* и *бэлэй*:

- (18) *Би таанад-та хэлэ-гшэ һэн гү-би!*
 я вы-DAT говорить-PC PCL Q-1SG
 ‘Говорил же я вам!’
- (19) *Сэдэн эрэлхэг нютагаархин-ай-нгаа эмниг мори*
 С. мужественный земляки-GEN-REFL необъезженный конь
һурга-х-ые-нь ехэ-л һонирхо-жо, бахарха-жа
 обучать-PC.FUT-ACC-POSS3 большой-PCL интересоваться-CVB восторгаться-PCL
хара-гша бэлэй.
 смотреть-PC PCL[3]
 ‘{Даже когда был совсем маленьким,} Сэдэн [уже] с большим интересом и восторгом смотрел на то, как его мужественные земляки объезжали диких коней’.

Для выражения (желаемого) действия в будущем используется частица оптиматива *хай*:

- (20) *Арбан таба, хорин жэл бол-оод бай-ха юум-ые*
 десять пять двадцать лет проходить-CVB AUX-PC.FUT вещь-ACC
хара-гша хай-б.
 видеть-PC PCL-1SG
 ‘Вот бы посмотреть на то, что будет через пятнадцать, двадцать лет’.

Отрицание с причастием на *-гша* выражается частицей-суффиксом *-гүй*:

- (21) *Урданай саг-та үнээн-эй дэлэн шобтор-оод, иимэ үндэр*
 старый время-DAT корова-GEN вымя тянуть-CVB такой высокий
хайра-да хүрт-өө гэгжэ дуулда-гша-гүй хааб даа.
 награда-DAT удостоиться-PC.PRS COMP слышаться-PC-NEG PCL PCL
 ‘Раньше и не слыхивали, чтобы удостоивались такой высокой награды, (всего лишь) подоив корову’.

Используется также контрастная отрицательная частица *бэшэ*, однако только в вопросительных предложениях, требующих поддержки со стороны слушающего:

- (22) *Тэжээбэри шоно яа-гаа-шьегэ хаа, хүбиэ руу-гаа*
 вскормленный волк Q-PC.PRS-PCL PCL лес B-REFL

буялалда-гши бэшэ гү?
вырваться-PC NEG Q

‘Разве не рвется вскормленный волк в свой лес, что бы вы ни делали?’

1.3. Форма на -гшиА как *nomen actoris*

Использование причастий без определяемого имени для прямого обозначения участника действия, часто с последующей лексикализацией, встречается во многих языках (ср. *морозженое, трудящийся* и т. п.); в англоязычной литературе используется также термин «*headless relatives*», т. е. определительные конструкции без именной вершины. В бурятском языке в таком употреблении встречены причастия прошедшего времени на -*hAn* [Скрибник 1988: 88], формы на -*гшиА* и -*ААшА* [ГБЯФМ: 274, 276]. В целом для причастий, включая причастие на -*hAn*, более характерно в таком случае использование номинализаторов — имен абстрактного значения, таких как *хүн* ‘человек’, *юумэн* ‘вещь’, *хэрэг* ‘дело’; и только формы на -*гшиА* и -*ААшА* (о ней см. 2.3) на этом фоне выделяются. Сочетаний причастия на -*гшиА* с номинализаторами в корпусе не так много (пять с *юумэн* ‘вещь’, 42 с *хүн* ‘человек’, ни одного с *хэрэг* ‘дело’, при том, что общее число употреблений в определительных конструкциях превышает 4000).

Форма на -*гшиА* с предметной референцией относится, как правило, к субъекту действия / состояния, названного глагольной основой (23), — отсюда именование «*nomen actoris*», — однако может относиться и к другим актантам (24). Как видно из последующих примеров, эта форма и с предметной референцией сохраняет функцию фокуса внимания:

(23) ... нэгэн-ишнь, үнэгэн-эй арһа асара-гшиа-нь ...
один-POSS3 лиса-GEN шкура приносить-PC-POSS3
үүдэн тээшэ шэглэ-бэ.
дверь к направляться-PRST[3]

‘...один из них, [а именно] тот, кто принес лисью шкуру, (...) направился к двери’.

(24) Энэ бар-яад бай-гшиа-ини мин саарһан бэшэ.
этот держать-СВВ лух-PC-POSS2SG простой бумага NEG

‘Вот это, что ты держишь, — не просто бумага’.

Образования от глаголов типа ‘говорить’ и ‘думать’ обычно обозначают содержание информации (чаще всего встречаются формы от глаголов *хэлэ-* ‘говорить’ и *асуу-* ‘спрашивать’ в значениях ‘сказанное’, ‘то, о чем спросили’):

(25) Энээн-эй-ини тугаарай хэлэ-гшиэ — шал худал... — гэ-нэ Дулма.
этот-GEN-POSS2SG недавно говорить-PC PCL ложь говорить-PRS[3SG] Д.

‘— Вот это самое, что этот твой сказал недавно, — абсолютная ложь... — говорит Дулма’.

Формы на -*гшиА* часто лексикализуются в качестве наименований профессий, рода занятий, например *туруүүлэ-гшиэ* ‘председатель’, *тулөөлэ-гшиэ* ‘представитель, делегат’ и т. п.; формы *хэлэ-гшиэ* ‘то, что сказано’ и *үйлэдэ-гшиэ* ‘тог, кто действует’ лексикализованы в качестве лингвистических терминов ‘сказуемое’ и ‘субъект’.

Предметная референция у аналогов формы на -*гшиА*, как и лексикализация, отмечена уже в старописьменном монгольском (термин «*agentive participle*», [Janhunen 2003: 50]). Неясно, когда развивается значение «фокус внимания», — детальных описаний этой формы в других монгольских языках и в их истории пока нет. Однако с учетом данного значения в современном бурятском представляется обоснованным выбор именно этой формы, а не других причастных форм, для названия профессий: *туруүүлэ-гшиэ* ‘председатель’, от *туруүүлэ-* ‘быть первым, быть во главе’, — это ‘именно тот, кто во главе’ (хотя

в принципе для этого могли бы подойти и формы со значением постоянного или многократного действия: ‘тот, кто постоянно во главе’, либо генерализованной одновременно или потенциального действия: ‘тот, кто во главе / может быть во главе’). В этом контексте еще раз обращает на себя внимание неадекватность традиционного именованя: если бы это было причастие «однократное», то было бы нелогично использовать его как название профессий.

Отдельно нужно отметить форму *гэшиэ* от вспомогательного глагола говорения *гэ-*: она превратилась практически в частицу со значением ‘так называемый, тот самый; что называется’ и употребляется после существительных (чаще всего имен собственных), принимая на себя показатели нужных по функции падежей:

(26) *Поль де-Кок гэши-ын зохёол.*
П. К. PCL-GEN сочинение

{Просматривая книги в шкафу:} ‘Сочинение [кого-то] по имени Поль де Кок’.

* * *

Таким образом, мы считаем форму на *-шиА* («причастие фокусное») в разных вариантах употребления и семантики одной полифункциональной формой: во всех своих функциях — определения или финитного сказуемого, а также в качестве прямого обозначения участника ситуации — она кодирует фокус внимания: говорящий предлагает слушающему новый фокус внимания, которым могут являться как новые референты, так и уже активированные. При этом временные и аспектуальные характеристики действия, названного глагольной основой, а также синтаксическая функция и коммуникативный статус ОИ нерелевантны; причастное действие является, как правило, информацией, новой для слушающего.

2. Форма на *-АишА*

В традиционном бурятоведении форма на *-АишА* трактуется как причастие постоянное, выражающее «действие, совершение которого является обычным, постоянным и легко осуществимым или доступным для какого-нибудь предмета» [ГБЯФМ: 274]. Ц.-Ж. Ц. Цыдыпов относит ее к группе видовых (аспектуальных) причастий вместе с многократным на *-даг* и «однократным» на *-шиА*: «...основное наиболее распространенное значение всех указываемых здесь причастий заключается в обозначении многократности и постоянства действия» [Цыдыпов 1972: 120]. Кроме того, указывается, что форма на *-АишА* может иметь предметную референцию и субстантивироваться: *бэш-ээшэ* ‘писарь’ от *бэшэ-* ‘писать’, *зур-аиша* ‘художник’ от *зур-* ‘рисовать’ и т. п.; по этому параметру форма на *-АишА* сходна с формой на *-шиА*.

Синтаксические функции у формы на *-АишА* по сравнению с другими причастиями существенно ограничены: она встречается прежде всего в определительной функции (2.1). Как финитное сказуемое эта форма в письменном языке встречается очень редко и обычно в сочетании с утвердительной частицей *юм* (2.2). С предметной референцией, без определяемого имени, она функционирует как имя существительное (2.3).

Форма на *-АишА* встречается значительно реже, чем форма на *-шиА* (соответственно, 975 и 5940 употреблений в Бурятском корпусе, без учета частиц, грамматикализованных на их базе); отдельные наши консультанты предполагают региональный ее характер (регулярно употребляется в языке унгинских бурят — Л. Б. Бадмаева). Однако в Бурятском корпусе представлены примеры и из литературного языка; кроме того, на базе этого

причастия грамматикализована чрезвычайно частотная частица *гээшэ* (от вспомогательного глагола речи *гэ-*, см. ниже 2.4).

2.1. Форма на *-АашА* в определительной функции

Как показывает наш материал и работа с информантами, в определительной функции форма на *-АашА* имеет то же значение подчеркнутого фокуса внимания на референте ОИ, что и *-гшА*: ‘именно тот, который’. Аналогичным образом, ей свойственна незаданность временных и аспектуальных характеристик причастного действия — сравним (27) с однократным действием в прошлом и (28) с одновременным длительным процессом в настоящем:

- (27) *Нёдондо асар-ааша буруу-нь томо хашараг*
 в_прошлом_году приносить-РС теленок-POSS3 большой бычок
бол-оод яба-на.
 становиться-CVB AUX-PRS[3SG]

‘А вот тот теленок, которого [он] привел в прошлом году, стал большим двухгодовалым бычком’.

- (28) *Хары-ш тээ тэрэ ялар-ааша сэгээн гал-хан-ше,*
 смотреть:IMP.2SG вон тот светиться-РС голубой огонь-DIM-ACC
тэрээн шэнги сэлмэг, сэбэр бай-най ажабайдал-най
 он как чистый светлый быть-ОРТ жизнь-POSS1PL

‘Посмотри вон на тот голубой огонек, который [ярче всех] сияет, и пусть наша жизнь будет такой же, как он, светлой и чистой’.

Причастие на *-АашА* не имеет также фиксированной ориентации: в (28) ОИ — это релятивизованное подлежащее, субъект действия, названного причастием, в (27) это прямое дополнение, объект действия (на его субъект может указывать притяжательное оформление на определяемом имени, см. (27), (44)).

Специфику формы на *-АашА* как второй «фокусирующей» формы мы видим в следующем: ее использованием говорящий также задает новый фокус внимания на референте ОИ, но подчеркивает, что референт и описывающая его ситуация известны и говорящему, и слушающему: либо оба одновременно это наблюдают (28), либо уже некоторое время разговаривают на эту тему (27), либо же слушающему предлагается об этом вспомнить (29)–(30). Иными словами, к переводу обоих примеров (27)–(28) можно добавить комментарий «как мы оба видим / знаем / обсуждаем».

Поскольку речь идет об общем знании, референт ОИ может быть названным впервые, но только если он входит в уже известную или непосредственно наблюдаемую группу либо же связан с уже активированным референтом отношениями партитивности, посесивности и т. п., т. е. относится к информации доступной¹⁰. Определение на *-АашА* чаще всего задает характеристики, отличающие этот референт от других членов группы (рестриктивная функция¹¹, (28), (30)–(31)), но есть и нерестриктивные, описательные употребления — например, в (29) говорящий соотносит то, что он видит, с тем, что он и его адресаты знают / о чем они вместе слышали, осуществляя идентификацию объекта:

¹⁰ Ср. термины «accessible information» [Chafe 1987], «inferable» [Prince 1992], а также «associative definiteness» в грамматиках английского языка.

¹¹ Типы определений по [ЛЭС 1990: 349]: рестриктивные (выделительные, ограничительные) и нерестриктивные (описательно-распространительные, аппозитивные).

- (29) — *Эдэ-мнай Дамба Бальжинмаевич-ай хэл-ээшэ хур үбһэн-эй*
 эти-POSS1PL Д. Б.-GEN говорить-PC прошлогодний сено-GEN
сомоон-ууд гү?
 стог-PL Q

‘Вот эти, что перед нами (букв. эти наши), — это и есть стога прошлогоднего сена, о которых говорил Дамба Бальжинмаевич?’

Именные группы с определением на *-АишА* могут иметь любую синтаксическую функцию, вплоть до именного сказуемого (29). Они часто входят в тему, что хорошо соотносится со значением ‘общее знание’; однако они могут входить и в рему. Интересно, что в последнем случае нередко наблюдается изменение порядка слов с выносом такой конструкции в абсолютный конец предложения, что не допускается в письменном языке, но встречается в разговорном (прямое дополнение после финитного глагола — (28), (30)).

Для *-АишА* также важно различие между диалогом и нарративом. Для диалога одновременный фокус внимания и общее знание более естественны, чем для нарратива; при этом обычно речь идет о ситуациях, одновременно воспринимаемых в момент речи, — отсюда регулярны, например, презентативные выражения типа *тээ тэрэ* ‘вот это вот’ (с указательным жестом — кивок, палец и т. п., см. выше (28)–(29)). Однако общее знание может относиться и к прошлому (30):

- (30) *Тиигээд, хана-на гү-ш, Тан-шин именинэ үдэр ер-ээшэ, тии-гээд*
 затем помнить-PRS Q-2SG Т.-GEN именины день приходить-PC DIST-CVB
тэрэ-нэй һүүлдэ Тани-да хоёр дахин сэсэг асар-ааша гусар-ые?
 тот-GEN после Т.-ДАТ два снова цветы приносить-PC гусар-ACC

‘И потом, ты помнишь [того самого] гусара, приходившего в день именин Тани и после этого два раза приносившего Тани цветы?’ (и говорящий, и слушающий непосредственно это наблюдали в прошлом).

В нарративе речь идет об общем фокусе внимания и общем знании рассказчика и слушающего / читающего, что обеспечивается предыдущим контекстом:

- (31) ... *тугаар хар-ааша зураг-ай-нгаа ойро ошо-бо*
 недавно смотреть-PC картина-GEN-REFL близко идти-PST[3]

‘[Он] близко подошел к [той самой] картине, которую недавно рассматривал’.

Таким образом, для формы на *-АишА*, как и для формы на *-гшиА*, также не релевантны ни ТАМ-характеристики, ни синтаксическая функция ОИ. Что касается коммуникативного и информационного статуса ОИ, то благодаря семантике ‘общее знание’ наблюдается предпочтительное (но не исключительное) употребление ОИ как данного в составе темы.

Мы предлагаем для формы на *-АишА* именование «причастие фокусное (общее знание)» и глоссу PC.FOC.COMM (common knowledge).

Форма на *-АишА* сочетается с суффиксальным отрицанием *-гүй* (32); с отрицательной частицей *бэшэ* оно не встречено. Отрицательная форма встречается в определительной функции крайне редко — возможно, поскольку коммуникативные ситуации, подразумевающие неосуществившиеся общие ожидания, достаточно редки:

- (32) *Ойро тойрон һуу-гша-д дуул-ааша-гүй янза*
 близко вокруг сидеть-PC.1AG-PL слышать-PC.FOC.COMM-NEG вид
үз-үүл-бэ-д.
 видеть-CAUS-PST-PL

‘Сидящие вокруг делают (букв. показывают) вид, [как будто] не слышат’.

2.2. Форма на *-АишА* в роли финитного сказуемого

В традиционных грамматиках подчеркивается аспектуальное значение этой формы в финитном употреблении, а также ее возможный региональный характер: «Постоянное причастие употребляется в роли сказуемого в сопровождении предикативных частиц и выражает при этом действие или состояние, являющееся обычным для данного периода времени: *Бадмаевтан Коммунистическэ үйлсэдэ хуу-гаашиа юм* ‘Бадмаевы живут на Коммунистической улице’. В литературном бурятском языке это причастие почти не встречается в качестве сказуемого, а в западно-бурятских говорах оно в этой функции употребляется весьма часто» [ГБЯС: 40].

Корпусный материал подтверждает редкость такого употребления: в нем имеется всего два примера плюс еще три в сопровождении утвердительной частицы *юм*, придающей высказыванию дополнительную ассертивность. Все примеры объединяет значение «усиленный фокус внимания на базе общего знания»: говорящий сигнализирует слушающему, что на событие, о котором идет речь, нужно обратить особое внимание, при этом данное событие известно не только самому говорящему, но и слушающему (например, наблюдается / наблюдалось одновременно говорящим и слушающим):

- (33) *Үсэгэлдэр-эй тэрэ катер. Ойхон-ой хажууда яб-аашиа.*
 вчера-GEN тот катер О.-GEN рядом идти-PC.FOC.COMM
Шэбээ руу оро-жо хор-оо гээбы
 укрытие в входить-CVV прятаться-PC.PRS PCL

‘Тот катер вчерашний. [Помните же, мы вместе вчера видели, как он] шел возле Ольхона. Видимо, спрятался в укрытии’.

Сочетание с частицей *юм*:

- (34) — *Март-аад хуу-гаашиа-м юм, — Петромаан хард бод-оод...*
 забывать-CVV сидеть-PC.FOC.COMM-POSS1SG PCL П. PCL вставать-CVV
 ‘— Что же я это забыл и сию, — подскочил Петроман...’

Как видим, значение формы на *-АишА* и в этой функции соответствует тому, что было выявлено при анализе определительных конструкций.

2.3. Форма на *-АишА* с предметной референцией

Конструкции с *-АишА*, как и с *-гшА*, могут использоваться без ОИ с самостоятельной предметной референцией: ‘(именно) тот, кто’ / ‘(именно) то, что’. Здесь также налицо подчеркнутое выделение референта, выводимого в фокус внимания на базе либо общего знания, либо общего восприятия, ср.:

- (35) *Энэ бай-гаашиа Кормон-ой зураг.*
 этот быть-PC.FOC.COMM К.-GEN картина
 {Контекст: это картина не Брюллова и не Федотова.} ‘Вот это, что здесь находится, — это картина Кормона’ (мы вместе ее рассматриваем и обсуждаем).

Причастие на *-АишА*, как и причастие на *-гшА*, не чисто агентивное, но может кодировать и других участников события: в (36) это объект, в (37) — место:

- (36) *Асар-аашиа-мни биш гу?*
 приносить-PC.FOC.COMM-POSS1SG есть Q
 ‘Есть еще то, что я принес? (что мы оба видели и о чем мы оба знаем)’ (инф.).

- (37) *Иван Алёша хоёр-ой тугаар хасар-ые-ини альгад-ааша*
 И. А. два-GEN недавно щека-ACC-POSS2SG дать_пощечину-PC.FOC.COMM
хордо-но гү?
 щипать-PRS Q

‘Щиплет ли то [место, по которому] недавно Иван с Алешей дали тебе пощечину?’

Во всех этих примерах фокус базируется на общем знании, *-гшА* здесь невозможно.

Как и в случае с причастием на *-гшА*, многие формы лексикализованы, например *барилда-* ‘бороться’ — *барилд-ааша* ‘борец’, *зура-* ‘рисовать’ — *зур-ааша* ‘художник’, *тари-* ‘сеять’ — *тар-яаша-н* ‘земледелец’ и т. д.

2.4. Грамматикализация на базе *-АашА*

Форма на *-АашА* от вспомогательного глагола говорения *гэ-* грамматикализована в качестве частицы (*гээшэ*); грамматики называют ее «показателем подлежащего и сказуемого» [ГБЯС: 30–32, 225], частицей «подтверждения с нейтральной или иронической окраской» [ГБЯС: 225] или служебным словом со значением ‘значит, следовательно, стало быть, ведь и т. п.’ [Скрибник, Даржаева 2016: 243]. Эта частица, оформляя один из главных членов предложения, объединяет значения обеих своих составляющих — фокус на название, именование чего-то (часто под новым углом зрения) и ‘общее знание’ (‘именно то, о чем мы говорили / что мы вместе наблюдали / что является общеизвестным’).

В контексте примера (38), где данная частица оформляет подлежащее, обсуждается проблема преподавания иностранных языков; в фокус выводится самый значимый результат обсуждения:

- (38) *Хоёр хэлэ мэдэ-хэ гээшэ үе саг-ай-мнай эрилтэ.*
 два язык знать-PC.FUT PCL пора время-GEN-POSS1PL требование
 ‘[Именно] знание двух языков [что мы вместе только что обсудили] — требование нашего времени’.

Сопровождая сказуемое, эта частица также чаще всего оформляет заключительное высказывание, подводящее итог разговора, выражая значение типа ‘можно сказать, что X, и мы все это знаем’:

- (39) *Тэрэ үйлэ Ошор-хай-тан-ише дайра-ба гээшэ.*
 тот беда О.-брат-PL-ACC задевать-PRST PCL[3]
 ‘Значит, и семью брата Очира задела та беда’.

Таким образом, причастие на *-АашА* можно охарактеризовать как выводящее референта определяемого имени в фокус внимания на основе общего знания говорящего и слушающего; в силу такой специализированной семантики частотность его невысока.

3. Сопоставление семантики *-гшА* и *-АашА*

Причастия на *-гшА* и *-АашА* мы сопоставляем в их ведущей, определительной функции. Общей для них является задача выведения референта ОИ в фокус внимания (референты могут быть и новыми, и уже данными / реактивированными, но у *-гшА* они чаще новые, а у *-АашА* чаще данные). Различие между ними состоит в доступе к информации об этом референте и действии / состоянии, названном причастием. Как было показано, форма на *-АашА* задает новый фокус внимания, базирующийся на общем знании о референте

и причастном действии / состоянии (ср. (30)) либо на совместном его восприятии (ср. (28)): информация доступна как говорящему, так и слушающему (пресуппозиция ‘мы оба знаем, помним, видим и т. п.’). Форма же на *-гшиА* задает новый фокус внимания, ориентированный на знания только говорящего: либо сам референт и информация о причастном действии / состоянии являются новыми для слушающего, либо же речь идет о контрасте мнений (ср. (12)). Соответственно, данное ему выше именование нужно уточнить: «причастие фокусное (знание говорящего)» и глосса PC.FOC.SP (speaker’s focus).

Подобное противопоставление не ново в лингвистической литературе; собственно, одной из аксиом практически всех теорий информационной / коммуникативной структуры является положение об обязательной оценке говорящим знаний слушающего¹². У Арутюновой [1982] говорится о референтной идентифицирующей (объект известен и говорящему, и слушающему) и интродуктивной (объект известен только говорящему); Падучева [1985] различает у референтных употреблений именных групп сильно определенные (объект известен и говорящему, и слушающему) и слабо определенные (объект известен только говорящему). Своеобразие бурятского языка состоит в том, что данное противопоставление выражается не артиклями либо местоименными словами, а специальными формами причастий, что позволяет ввести в именную группу и сведения о характеризующем референта действия / ситуации. Сравним:

- (40) *Юундэб гэ-хэ-дэ, нөөхи наһа бар-ааһа*
 почему говорить-PC.FUT-DAT тот_самый жизнь кончать-PC.FOC.COMM
Дулсан-ай-мнай үхибүүн тэрэ-нэй ха юм.
 Д.-GEN-POSS1PL ребенок он-GEN PCL PCL
 ‘Потому что ребенок той самой умершей нашей Дулсан — его [сын]’.

Здесь причастие на *-АаһА* задает фокус внимания через общее знание, поскольку и человек, и произошедшее с ним известны и говорящему, и слушающему.

- (41) *Фёдор Дамбаевич, маанар нөөхи наһа бара-гшиа хөөрхы*
 Ф. Д. мы тот_самый жизнь кончать-PC.FOC.SP бедный
Дулсан-ай-нгаа үхибүү-е Улаан-Үд-ын Нарай хүүгэ-д-эй
 Д.-GEN-REFL ребенок-ACC У.-У.-GEN младенец ребенок-PL-GEN
гэр-һээ аба-ха гэ-лсэ-бэ-бди.
 дом-AVL брать-PC.FUT говорить-SOC-PST-1PL
 ‘Федор Дамбаевич, мы решили забрать из детского дома в Улан-Удэ ребенка нашей бедной Дулсан, той самой, умершей’.

Здесь причастие на *-гшиА* выводит в фокус референта, скорее всего, неизвестного слушающему Федору Дамбаевичу (либо же говорящий предполагает, что слушающий не обязан о ней помнить).

Для всех рассмотренных в статье и многих корпусных примеров мы проверяли с носителями языка возможность замены формы на *-гшиА* формой на *-АаһА* и наоборот; во всех случаях значение менялось на противоположное и часто приходилось конструировать другой предшествующий контекст (в ряде случаев была необходима и лексическая замена). Например, замена причастия в примере (3) дает следующее прочтение:

- (42) *Минии-л һан-ааһа юумэн боло-жсо бай-на.*
 я:GEN-PCL думать-PC.FOC.COMM вещь становится-CV AUX-PRS[3SG]
 ‘Начинается [именно] то, о чем я думал [и тебе об этом рассказывал, ты в курсе, о чем именно]’ (инф.).

¹² Ср.: «When communicating a proposition, a speaker may realise it by means of different sentential structures according to his/her beliefs about the hearer’s knowledge and attentional state with respect to that proposition» [Vallduví 1994: 2].

Замена формой на *-гшА* в примере (29) возможна, только если предложение не вопросительное, а утвердительное; новое прочтение — информацию получал только говорящий, адресатов данного сообщения при этом не было (43).

- (43) *Эдэ-мнай Дамба Бальжинимаевич-ай хэлэ-гшэ хур*
 эти-POSS1PL Д. Б.-GEN говорить-PC.FOC.SP прошлогодний

үбһэн-эй сомоон-ууд.
 сено-GEN стог-PL

‘Вот эти, что перед нами (букв. эти наши), — это стога прошлогоднего сена, [о них мне] говорил Дамба Бальжинимаевич’ (инф.).

Невозможна замена без существенной смены лексики, например, в (30) — «ты поминишь?» автоматически подразумевает общее знание, форма на *-гшА* невозможна; в (31) — «только что рассматривал», т. е. читающий уже про это знает; и т. п.

Соответственно, различаются и результаты грамматикализации этих форм от вспомогательного глагола речи *гэ-*: фокусная частица *гээшэ* ‘именно; следовательно’, подчеркивающая общий фокус внимания, например результат совместного обсуждения (сопровождает либо подлежащее, либо сказуемое), — и фокусная же частица *гэгшэ* ‘так называемый, тот самый; что называется, как говорится’ (сопровождает любое именное словосочетание: новый для слушающего референт / концепт).

В нарративе, с ориентацией не на говорящего и слушающего, а на персонажей нарратива либо на читающего, подобные значения должны дополнительно подкрепляться контекстом; при этом для *-АашА* нужно гораздо более существенное подкрепление, и определяющее действие / событие, а часто и референт определяемого имени должны вводиться в предыдущем контексте, тогда как для *-гшА* это не обязательно. Видимо, поэтому *-АашА* считается характерной для диалогической речи и многие примеры с *-АашА* в Бурятском корпусе относятся к прямой речи персонажей: «Что касается постоянного причастия, то его с трудом можно найти в художественных произведениях. Видимо, так же редко употребляется в бытовой речи» [Цыдыпов 1972: 126]. Если с первым положением можно согласиться, то второе — несколько сомнительно; по нашим наблюдениям, это причастие достаточно распространено в живой разговорной речи.

Интересно, что благодаря значению ‘общее знание’ названные причастием на *-АашА* действия обычно являются реальными, наблюдаемыми либо уже осуществившимися (ср. [Цыдыпов 1972: 126]); примеры со значением будущего времени или потенциальности отсутствуют в Бурятском корпусе, а сконструированные нами примеры отвергались информантами. Причастие же на *-гшА* значение потенциальности допускает, но только в роли финитного сказуемого (см. примеры (16)–(17)).

Что касается рестриктивности / нерестриктивности, анализ корпусных примеров показал, что причастия *-гшА* и *-АашА* могут реализовать обе возможности, хотя у формы на *-гшА* наблюдается тенденция к нерестриктивному употреблению, а у формы на *-АашА* — к рестриктивному; тем самым значение фокуса внимания и значение рестриктивности друг с другом связаны не жестко.

Собственно временным причастиям эти формы противопоставлены по параметру ‘подчеркнутый фокус внимания’; сравним (44а) с формой прошедшего времени на *-һАн* и (44б) с формами на *-АашА* и *-гшА*:

- (44) а. *Мүнөөдэр асар-һан һүн-ини ээдэ-ш-оо.*
 сегодня приносить-PC.PST молоко-POSS2SG киснуть-INTENS-PC.PRS
 ‘Молоко, которое ты принес сегодня, скисло’ (инф.).

- б. *Мүнөөдэр асар-ааша һүн-ини ээдэ-ш-оо.*
 сегодня приносить-PC.FOC.COMM молоко-POSS2SG киснуть-INTENS-PC.PRS
 ‘[То самое] молоко, которое ты принес сегодня, скисло’ (инф.).

в. <i>Усэгэлдэр</i>	<i>асара-гшиа</i>	<i>хүн-ини</i>	<i>амтатай</i>	<i>бай-гаа,</i>
вчера	приносить-PC.FOC.SP	молоко-POSS2SG	вкусный	быть-PC.PRS[3]
<i>мүнөөдэр</i>	<i>асар-ааша</i>	<i>хүн-ини</i>	<i>ээдэ-ш-оо.</i>	
сегодня	приносить-PC.FOC.COMM	молоко-POSS2SG	киснуть-INTENS-PC.PRS	

‘Молоко, которое ты принес вчера, было вкусным, а которое принес сегодня, —кисло’ (инф.).

Первый пример — это нейтральное сообщение; во втором примере, как подчеркивают информанты, молоко получал лично говорящий, т. е. налицо общее знание (в случае с *-hAn* это не обязательно). Наконец, пример с *-гшиА* грамматичен только при наличии контраста (поскольку действие, исполненное самим слушающим, быть неизвестным этому слушающему может только в ситуации потери контроля).

Что касается остальных функций, характерных для бурятских причастий, то у данной пары форм они весьма ограничены: в роли сказуемого обстоятельственного придаточного причастие на *-ААшА* не используется вообще, а причастие на *-гшиА* — только в сравнительных конструкциях с послелогом типа *орходо*. В качестве имени действия (вершины изъяснительных придаточных) эти причастия также существенно ограничены. Наконец, они практически не участвуют в создании аналитических форм.

В роли финитного сказуемого (в стандартном случае совпадающего с ремой) причастие на *-гшиА* употребляется регулярно, что хорошо соотносится с его значением ‘фокус внимания со знанием говорящего, т. е. новым для слушающего’; причастие же на *-ААшА* так используется крайне редко, поскольку его значение ‘фокус внимания с общим знанием’ не вполне соответствует ожидаемой ремагичности сказуемого (выражение информации, новой для слушающего).

Еще одна важная характеристика этих двух форм в системе причастий — именно они регулярно встречаются с предметной референцией, прежде всего как имена деятеля (все остальные причастия обычно требуют использования номинализаторов — имен абстрактной семантики типа ‘человек’, ‘вещь’, ‘дело’, ‘место’), а также регулярно лексикализируются в качестве названий профессий (ср. *хүдэлмэрилэ-гшиэ* ‘работник’, *дуул-ааша* ‘певец’ и т. п.) Однако употребление причастий, аналогичных бурятскому на *-гшиА*, в качестве попен *actoris* описано для многих монгольских языков и лексикализуется оно еще в старописьменном монгольском языке (*-үчи / -gči*, [Рорре 1964: 93; Санжеев 1963: 77]); Ю. Янхунен даже отмечает, что статус этой формы — словозменение или словообразование — неоднозначен [Janhunen 2003: 50]. Что касается бурятского причастия на *-ААшА*, то в халха-монгольском и калмыцком ему соответствуют словообразовательные суффиксы существительных: монг. *зур-аач* ‘художник’, *талий-гаац* ‘покойник’, калм. *мэд-эче* ‘знаток’ (ср. [Харчевникова 2003: 128]). Ойратскую форму «WO (= Written Oirat) *-ААci* > SO (= Spoken Oirat) *-Ac* (after vowels / *gh-Ac*)» А. Бирталан называет вариантом агентивного причастия «WO *-qci* > SO *-kc*», существовавшим уже в старописьменном монгольском, но полностью превратившимся в словообразовательный суффикс, тогда как вариант *-qci* может использоваться и как глагольная форма [Birtalan 2003: 224]. Описание функций этой пары, подобное тому, что мы зафиксировали для бурятского, не представлено ни для старописьменного монгольского, ни для современных монгольских языков.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что система бурятских причастий в дополнение к ТАМ-характеристикам демонстрирует редкий системообразующий параметр, до сих пор практически не учтенный в типологических исследованиях. Рассматриваемая пара причастных форм характеризует действие / состояние, названное глагольной основой,

не по ТАМ-характеристикам, а по доступу к знанию о нем: знание только говорящего (-*гшА*) либо же общее знание говорящего и слушающего (-*АшшА*). К тому же, в ведущей функции определения оно характеризует статус референта определяемого имени в дискурсе; передаваемое значение — подчеркнутый фокус внимания на референте ОИ с дальнейшим противопоставлением по доступу к знанию о нем и о причастном действии. В описаниях причастий других монгольских языков подобные характеристики (пока?) отсутствуют, так что не исключен вопрос, не обусловлено ли их возникновение в бурятском языковыми контактами.

Обобщающая работа по типологии причастий [Shagal 2019] сосредоточена на ориентации и ТАМ-характеристиках как наиболее частотных параметрах; однако в качестве примера нетривиальных систем К. Шагал [Ibid.: 234] приводит систему причастий юагирского языка по описанию [Nagasaki 2013]. Выбор одного из трёх причастий в этом языке связан не только с ориентацией, но и с определенностью / неопределенностью (*definiteness / indefiniteness*) ОИ, а тем самым и с прагматическим статусом причастной конструкции; так, с неопределенными ОИ используется только JE-форма, тем самым ассоциируясь с информацией, неизвестной слушающему [Nagasaki 2013: 95]. С определенными ОИ могут употребляться все три формы, различаясь далее ориентацией, но L- и ME-формы используются исключительно с ними, тем самым ассоциируясь с выражением информации, известной и слушающему; L-форма к тому же может выражать значение контраста [Ibid.: 96–97]. Как видим, параметры юагирской системы сопоставимы с тем, что демонстрирует бурятский: в обоих случаях значим доступ к знанию у слушающего, хотя для бурятского мы говорим не об определенности, а о фокусе внимания, т. е. о несколько ином статусе референта ОИ в дискурсе (он может быть и только что введенным, т. е. новым / «неопределенным», и уже (ре)активированным / «определенным»).

Юагирский в настоящее время представлен двумя идиомами, находящимися на грани исчезновения (колымский и тундренный); географически они весьма отдалены от Прибайкалья, и даже если ранее этот язык мог быть распространен на значительно большей территории¹³, непосредственное влияние его на бурятский представляется маловероятным. Для бурятского — самого северного из монгольских языков — предполагаются, помимо очевидных тунгусских [Бураев, Шагдаров 2004: 229–232], и другие субстратные и адстратные влияния (ср. понятие «Циркумбайкальский языковой союз», [Наделяев 1986]). Однако это тема отдельного исследования, тем более что семантика причастий в других сибирских языках остается пока недостаточно изученной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

AVL — исходный падеж

ACC — винительный падеж

AUX — вспомогательный глагол

CAUS — каузатив

COM — совместный падеж

COMP — изъяснительный союз

CVB — дееспричастие

DAT — дательный-местный падеж

DM — уменьшительный аффикс

DIST — дальнейшее указание

FUT — будущее время

GEN — родительный падеж

IMP — императив

INS — орудный падеж

INTENS — интенсивность

NEG — отрицание

NOM — неопределенный падеж

OPT — опатив

PASS — пассивный залог

PC.FOC — фокусное причастие

PC.FOC.COMM — фокусное причастие общего знания

¹³ Ср.: «В пространстве от Прибайкалья до Нижней Лены А. А. Бурыкин выявил очаг топонимов юагирского, чукотского и корякского происхождения [Бурыкин 2011]» [Широбокова 2018: 123].

PC.FOC.SP — фокусное причастие (знание говорящего)
 PCL — частица
 PL — множественное число
 POSS — личное притяжание

PROX — ближайшее указание
 Q — вопросительная частица
 REFL — субъектное притяжание
 SG — единственное число
 SOC — совместный залог

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1982 — Арутюнова М. Д. Лингвистические проблемы референции. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIII. М.: Прогресс, 1982, 3–22. [Arutyunova M. D. Linguistic problems of reference. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. No. 13. Moscow: Progress, 1982, 3–22.]
- Бобровников 1835 — Бобровников А. *Грамматика монгольского языка*. СПб.: В тип. Святейшего Правительствующего Синода, 1835. [Bobrovnikov A. *Grammatika mongol'skogo yazyka* [Grammar of Mongolian]. St. Petersburg: Synod Typography, 1835.]
- Бураев, Шагдаров 2004 — Бураев И. Д., Шагдаров Л. Д. Бурятский язык и его диалекты. *Буряты*. Абаева Л. Л., Жуковская Н. Л. (отв. ред.). М.: Наука, 2004. [Buraev I. D., Shagdarov L. D. The Buryat language and its dialects. *Buryaty*. Abaeva L. L., Zhukovskaya N. L. (eds.). Moscow: Nauka, 2004.]
- Бурыкин 2011 — Бурыкин А. А. *Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник*. Автореф. дис. ... докт. истор. наук. СПб.: Ин-т восточных рукописей РАН, 2011. [Burykin A. A. *Inoyazychnaya onomastika russkikh dokumentov XVII–XIX vv., odnosyashchikhsya k otkrytiyu i osvoeniyu Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii, kak istoricheskii istochnik* [Non-Russian onomastics in Russian documents of the 17th–19th centuries concerning discovery and settlement of Siberia and Far East of Russia as a historical source]. Doctoral diss. abstract. St. Petersburg: Institute of Oriental Manuscripts, 2011.]
- Бурятский корпус — *Бурятский корпус / Buryat Corpus*. <http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/>.
- ГБЯС — Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б. *Грамматика бурятского языка. Синтаксис*. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. [Bertagaev T. A., Tsyendambaev Ts. B. *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis* [Buryat grammar: Syntax]. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 1962.]
- ГБЯФМ — Санжеев Г. Д. (отв. ред.). *Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология*. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. [Sanzheev G. D. (ed.). *Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Buryat grammar: Phonetics and morphology]. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 1962.]
- Кибрик 2003 — Кибрик А. А. *Анализ дискурса в когнитивной перспективе*. Дис. ... докт. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2003. [Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive* [Analysis of discourse in cognitive perspective]. Doctoral diss. Moscow: Institute of Linguistics, 2003.]
- ЛЭС 1990 — *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990.]
- Наделяев 1986 — Наделяев В. М. Циркумбайкальский языковой союз. *Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири*. Новосибирск: Наука, 1986. [Nadelyaev V. M. Circum-Baikalic Sprachbund. *Issledovaniya po fonetike yazykov i dialektov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1986.]
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. *Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*. М.: Наука, 1985. [Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [Utterance and its relation to reality: Referential aspects of pronoun semantics]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Поппе 1938 — Поппе Н. Н. *Грамматика бурят-монгольского языка*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. [Poppe N. N. *Grammatika buryat-mongol'skogo yazyka* [Buryat-Mongol grammar]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1938.]
- Рассадин 2011 — Рассадина В. И. *Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков*. 2-е изд. Элиста: Изд-во КГУ, 2011. [Rassadin V. I. *Ocherki po morfologii i slovoobrazovaniyu mongol'skikh yazykov* [Essays in Mongolic morphology and word-formation]. 2nd edn. Elista: Kalmyk State Univ. Press, 2011.]
- Рассадин 2012 — Рассадина В. И. О системе причастий в монгольских и тюркских языках. *Вестник БНЦ СО РАН*, 2012, 1: 161–175. [Rassadin V. I. On the system of participles in Mongolic and Turkic. *Vestnik of the Buryat Research Center of the Siberian Branch of RAS*, 2012, 1: 161–175.]

- Санжеев 1963 — Санжеев Г. Д. *Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол*. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. [Sanzheev G. D. *Stavnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. Glagol* [Comparative grammar of Mongolic languages. Verb]. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 1963.]
- Скрибник 1988 — Скрибник Е. К. *Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке*. Новосибирск: Наука, 1988. [Skribnik E. K. *Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v buryatskom yazyke* [Polypredicative synthetic sentences in Buryat]. Novosibirsk: Nauka, 1988.]
- Скрибник, Даржаева 2016 — Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. *Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения*. Т. I. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. [Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis slozhnogo (polipredikativnogo) predlozheniya* [Buryat grammar. Syntax of polypredication]. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryat Research Center, 2016.]
- Цыдыпов 1972 — Цыдыпов Ц.-Ж. Ц. *Аналитические конструкции в бурятском языке*. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1972. [Tsydyrov Ts.-Zh. Ts. *Analiticheskie konstruktсии v buryatskom yazyke* [Analytic constructions in Buryat]. Ulan-Ude: Buryat Publishing House, 1972.]
- Харчевникова 2003 — Харчевникова Р. П. К вопросу о семантико-грамматическом статусе причастий в калмыцком языке. *Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка*. Вып. 2. Харчевникова Р. П., Есенова Т. С., Бадмаев Б. В. (ред.). М.: Элиста: Изд-во Калмыцкого гос. ун-та, 2003, 120–144. [Kharchevnikova R. P. On the semantic-grammatic status of participles in Kalmyk. *Voprosy teoreticheskoi grammatiki kalmytskogo yazyka*. No. 2. Kharchevnikova R. P., Esenova T. S., Badmaev B. V. (eds.). Moscow; Elista: Kalmyk State Univ. Press, 2003, 120–144.]
- Широбокова 2018 — Широбокова Н. Н. Языковые контакты в истории якутского языка. *Сибирский филологический журнал*, 2018, 4: 122–126. [Shirobokova N. N. Language contacts in the history of Sakha. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2018, 4: 122–126.]
- Aissen 2015 — Aissen J. Documenting topic and focus. Presentation at the 4th International Conf. on Language Documentation and Conservation, Univ. of Hawai'i, 2015. <http://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/handle/10125/25401/25401.pdf?sequence=2>.
- Birtalan 2003 — Birtalan Á. Oirat. *The Mongolic languages*. Janhunen J. (ed.). London: Routledge, 2003, 210–226.
- Chafe 1976 — Chafe W. L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view. *Subject and topic*. Li C. N. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 25–56.
- Chafe 1987 — Chafe W. L. Cognitive constraints on information flow. *Coherence and grounding in discourse*. Tomlin R. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1987, 21–51.
- Gundel 1999 — Gundel J. K. Topic, focus, and the grammar–pragmatics interface. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 1999, 6(1): Article 14.
- Gundel et al. 1993 — Gundel J. K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse. *Language*, 1993, 69(2): 274–307.
- Halliday 1967 — Halliday M. A. K. Notes on transitivity and theme in English. *Journal of Linguistics*, 1967, 3: 31–81 (Part 1), 199–244 (Part 2).
- Haspelmath 1994 — Haspelmath M. Passive participles across languages. *Voice: Form and function*. Fox B., Hopper P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1994, 151–177.
- Janhunen 2003 — Janhunen J. Written Mongol. *The Mongolic languages*. Janhunen J. (ed.). London: Routledge, 2003, 30–56.
- Krifka 2008 — Krifka M. Basic notions of information structure. *Acta Linguistica Hungarica*, 2008, 55: 243–276.
- Kuno 1972 — Kuno S. Functional sentence perspective: A case study from Japanese and English. *Linguistic Inquiry*, 1972, 3: 269–320.
- Lambrecht 1994 — Lambrecht K. *Information structure and sentence form. A theory of topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Li (ed.) 1976 — Li C. N. (ed.). *Subject and topic*. New York: Academic Press, 1976.
- Matsumoto et al. 2017 — Matsumoto Y., Comrie B., Sells P. Introduction. *Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries*. Matsumoto Y., Comrie B., Sells P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2017, 3–22.
- Nagasaki 2013 — Nagasaki I. Relative clauses in Kolyma Yukaghir. *Asian and African Languages and Linguistics*, 2013, 8: 79–98.
- Poppe 1964 — Poppe N. *Grammar of Written Mongolian*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964.
- Poppe 1987 — Poppe N. *Introduction to Mongolian comparative studies*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987.

- Prince 1992 — Prince E. The ZPG letter: Subjects, definiteness, and information-status. *Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text*. Mann W. C., Thompson S. A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1992, 295–326.
- Rybatzki 2003 — Rybatzki V. Intra-Mongolic taxonomy. *The Mongolic languages*. Janhunen J. (ed.). London: Routledge, 2003, 364–390.
- Shagal 2019 — Shagal K. *Participles: A typological study*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2019.
- Tomlin 1995 — Tomlin R. S. Focal attention, voice, and word order. *Word order in discourse*. Downing P. A., Noonan M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1995, 517–554.
- Vallduví 1994 — Vallduví E. The dynamics of information packaging. *Integrating information structure into constraint-based and categorial approaches*. Engdahl E. (ed.). Amsterdam: Institute for Logic, Language and Computation, 1994, 1–27.

Получено / received 12.07.2021

Принято / accepted 21.09.2021

[Рец. на: / Review of:] **О. Каган. *The semantics of case***. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 304 p. ISBN 9781108271325.

Федор Владимирович Байков

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
baykov3105@mail.ru

Fyodor V. Baykov

Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia; baykov3105@mail.ru

Благодарности: Автор рецензии выражает признательность анонимному рецензенту за важные замечания, способствовавшие устранению некоторых неточностей, и указание на несколько релевантных работ по данной теме.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.155-164

Монография Ольги Каган «Семантика падежа» является очередным (восьмым) выпуском в серии «Ключевые вопросы семантики и прагматики» («Key Topics in Semantics and Pragmatics»), которая, как следует из предисловия, стремится к преодолению разрыва между учебниками и научными работами по формальной семантике и каждый из выпусков которой представляет собой краткое введение в определенную исследовательскую область. Рецензируемая монография, как указывает ее название, рассматривает связь между падежом именной группы и ее семантической интерпретацией. Автор книги известна своими работами по семантике генитивных прямых дополнений в русском языке [Kagan 2013a] и русских глагольных и адъективных префиксов [Kagan 2011; 2013b; 2016], выполненными в рамках формальной семантики.

Вопрос о наличии у грамматической категории падежа семантики получает порой диаметрально противоположные ответы в работах представителей различных направлений современной лингвистики (что упоминается в первой главе рецензируемой книги). Если с точки зрения сторонников функциональных и когнитивных подходов граммема падежа обладает значением (пусть и довольно абстрактным) [Janda 1993; Luraghi 2008], то для многих генеративных лингвистов падеж (прежде всего синтаксический, или абстрактный) представляет собой неинтерпретируемый признак, необходимый для описания дистрибуции именных групп в предложении [Ura 2001; Pesetsky, Torrego 2011] и не влияющий на семантику¹. О. Каган рассматривает ряд явлений, ставящих под сомнение стандартный генеративный подход, и представленные в существующей литературе способы их анализа, в том числе с позиций генеративного синтаксиса и формальной семантики.

Рецензируемая монография, таким образом, представляет собой обзор тех случаев, когда выбор падежного оформления именной группы обусловлен ее семантико-прагматическими характеристиками. При этом книга О. Каган — монография сравнительно небольшого объема — не претендует на полноту, поскольку падежу и, в частности, его семантике посвящено значительное количество работ [Blake 2001; Butt 2006; Malchukov, Spencer (eds.) 2008]. Поэтому выборочный подход к рассматриваемым явлениям и языкам вряд ли можно считать серьезным недостатком.

¹ Как справедливо отмечает рецензент, вопрос о наличии семантики у падежа в генеративной парадигме не столь однозначен: во-первых, существуют падежи, приписывание которых связано с определенной тета-ролью; во-вторых, довольно распространен подход к анализу семантических (в частности, пространственных) падежей как приписываемых фонетически нулевыми, но семантически полноценными адлогами. В обоих случаях можно считать, что некоторый падеж соответствует определенной интерпретации. Эти явления обсуждаются, соответственно, в первой (раздел 1.6) и третьей (раздел 3.5) главах рецензируемой монографии.

Содержащая не так уж много оригинальных анализов, рецензируемая книга представляет собой систематический обзор подходов, представленных в уже имеющихся работах. Поэтому она хорошо подходит для знакомства с соответствующей предметной областью, но, безусловно, не может полностью заменить оригинальные работы. Хотя основное внимание уделяется генеративным подходам, в книге содержатся и отсылки к работам сторонников функционального и когнитивного направления [Hopper, Thompson 1980; Janda 1993; Smith 1995]. Учитывается материал большого числа языков, включая австралийские, дравидийские и т. д., но больше всего примеров приводится из индоевропейских (преимущественно русского) и уральских (особенно прибалтийско-финских) языков. В частности, подробно обсуждаются получившие широкое освещение в литературе аспекты морфосинтаксиса и семантики падежей в русском языке: генитивно-аккузативная альтернатива (генитив отрицания, интенциональный генитив, партитивный генитив; глава 6) и конкуренция номинатива и инструменталиса в качестве падежа именного предиката (глава 7).

В соответствии с общим форматом серии книга содержит также ряд задач и упражнений. Некоторые из них — сравнительно простые вопросы (с. 26, 87, 169, 173), направленные на проверку понимания изложенного и сопровождающиеся подсказками, а другие — сложные исследовательские проблемы (с. 59, 85, 141), пока не получившие в литературе общепринятого решения. Каждая глава завершается списком рекомендуемых для дальнейшего чтения работ с их краткой аннотацией, что позволит читателю при желании получить более подробную информацию. Еще одна особенность книги состоит в том, что, хотя в ней обсуждается много формально-семантических подходов, сложных формул и технических подробностей практически нет. Поэтому ей могут пользоваться и те, кто не владеет (или владеет в недостаточной степени) особенностями принятой в формальной семантике нотации.

В первой, вводной, главе («**Introduction**») автор рассматривает вопрос о том, можно ли вообще приписывать падежу (точнее, той или иной граммеме этой категории) какое-либо значение. Во многих формальных подходах (вроде классической теории падежа [Chomsky 1981] или минималистского подхода, связывающего падеж с согласованием [Chomsky 2000]) падеж рассматривается как неинтерпретируемый признак, необходимый для лицензирования именных групп (ИГ) и связанный с определенными позициями в синтаксической структуре предложения². При этом связь падежа со значением либо отсутствует вообще (в случае структурных падежей вроде номинатива или аккузатива), либо присутствует в весьма ограниченной степени (в случае приписывания ингерентного падежа предлогом или глаголом своему complementу одновременно с тета-ролью).

Однако случаи падежных альтернатив вроде дифференцированного маркирования объекта (DOM), включая альтернативу партитива и аккузатива в качестве падежа объекта в прибалтийско-финских языках, свидетельствуют, наряду со многими другими явлениями в различных языках мира, о наличии связи между падежом ИГ и ее семантико-прагматическими характеристиками. Например, в хинди подлежащее при ряде глаголов может маркироваться и абсолютивом, и эргативом (дифференцированное маркирование подлежащего, DSM), но во втором случае появляется дополнительное значение намеренности действия. Как справедливо отмечает О. Каган, корреляции между падежным маркированием ИГ и ее семантическими свойствами отнюдь не обязывают нас признавать наличие определенного значения у самой граммы падежа: связь между морфосинтаксическим кодированием и интерпретацией ИГ может быть опосредована позицией этой ИГ в синтаксической структуре, как часто предполагается в генеративной грамматике.

Первая глава также содержит общее введение в проблематику падежа в контексте генеративной лингвистики: различие между морфологическим и абстрактным (синтаксическим) падежом, падежный синкретизм, типология падежных систем, противопоставление структурного,

² Теория зависимого падежа [Marantz 2000] рассматривает падеж как исключительно морфологическое явление, т. е. не считает его лицензором ИГ в синтаксисе, но и в этом подходе непосредственная связь падежа с семантической интерпретацией ИГ также отрицается.

ингерентного и лексического падежа. В заключение рассматривается вопрос о связи падежного маркирования ИГ с ее тета-ролью: так, инструменталис обычно получают ИГ с семантикой каузатора, по каким-либо причинам не ставшие подлежащим, а оформление субъектной ИГ эргативом в ряде языков указывает на контролируемость и намеренность действия.

Две следующие главы посвящены семантике отдельных падежей, которыми обычно маркируются ИГ с определенными семантическими ролями. Во второй главе («**Dative case**») рассматриваются различные употребления дательного падежа. Наиболее типичными дативными ИГ являются косвенные дополнения, но во многих языках встречаются также дативные зависимые предлоги и дативные подлежащие, причем дативное маркирование в различных языках связано с похожим набором семантических ролей, таких как Цель, Реципиент, Бенефактив, Малефактив и Экспериенцер. О. Каган кратко обсуждает разницу в значениях между предложениями *Маша спокойна* и *Маше спокойно* (во втором случае Маша является Экспериенцером и в меньшей степени контролирует ситуацию) и упоминает, что в ряде языков вопрос о наличии или отсутствии подлежащего статуса у дативных ИГ при некоторых предикатах пока не получил общепринятого ответа. Кроме того, дативом в различных языках мира маркируются аргументы модальных предикатов типа русск. *надо*, внешние посессоры, а в некоторых языках и посессивные ИГ в предикативных посессивных конструкциях (ср. лат. *mihī est* 'у меня есть' или лтш. *man ir* 'то же'), а также различные неаргументные ИГ, ср. *dativus ethicus* или «корреферентный датив» вроде русского *Маши, гуляла себе, по городу*.

В той же главе обсуждаются синтаксические подходы, моделирующие присваивание дательного падежа ИГ (приписывание датива аппликативной вершиной Appl [Pylkkänen 2008] или фонетически нулевым предлогом [Landau 2010]), и семантико-ориентированные подходы, подчеркивающие схожесть тета-ролей у ИГ в дательном падеже и опирающиеся на их признаковую декомпозицию (Дь. Ракоши [Rákosi 2006], основываясь на тета-системе Т. Рейнхарт³ [Reinhart et al. 2016], связывает присвоение дательного падежа с отсутствием у референта ИГ характеристик каузатора ситуации; параметр ментальной вовлеченности в событие может принимать любое из трех возможных значений: «+», «-» и «не определено»). О. Каган предлагает оригинальный анализ датива в русском языке, в соответствии с которым его получают одушевленные ИГ, чьи референты ментально вовлечены в ситуацию, но не обладают свойствами каузатора. Этот подход охватывает значительную часть употреблений датива, но, как признает сам автор, плохо сочетается с семантикой предлогов, приписывающих датив своим зависимым, а также с семантикой ряда модальных предикатов и дативных субъектов инфинитивных клауз. Все эти подходы, однако, не являются взаимоисключающими и могут описывать употребление датива в различных конструкциях и разных языках.

Третья глава («**Spatial cases**») отведена семантике пространственных падежей, которые встречаются в различных языках мира: уральских, нахско-дагестанских, дравидийских и др. Их значение автор рассматривает как сумму компонентов локализации (*configuration / location*) и ориентации (*directionality / path*). Первый указывает на расположение одного объекта относительно другого (внутри, на поверхности и т. д.), а второй — на то, когда именно имеет место указанная локализация (на всем протяжении описываемого события, только в его начале или конце и т. д.). Возможные значения параметра ориентации включают место, цель, источник, а также более сложные понятия, такие как движение в сторону чего-либо или от чего-либо (непрямые версии цели и источника соответственно) и по чему-либо (комбинация источника и цели). Обращаясь к типологии систем пространственных падежей, О. Каган отмечает, что различия в локализации отражаются в падежных системах только в том случае, если в них противопоставлены различные значения ориентации, а более сложные значения ориентации — в том случае, если отражаются более простые. Автор упоминает один из способов формализации такой декомпозиции семантики пространственных падежей [van Riemsdijk, Nuybregts 2007], при котором

³ Обзор этого подхода к тета-ролям см. в недавней рецензии М. Ю. Князева [Knyazev 2018].

вершины, отвечающие за локализацию, располагаются ближе к корню существительного, чем вершины, отвечающие за ориентацию, что подтверждается порядком аффиксов существительных в нахско-дагестанских языках.

Затем О. Каган рассматривает вопрос о том, как лучше анализировать системы пространственных падежей в нахско-дагестанских языках, которые, как иногда считают, насчитывают несколько десятков граммем. Столь значительные цифры получаются в том случае, если отдельной граммемой падежа считается любая возможная комбинация аффикса, указывающего на локализацию, и аффикса, описывающего ориентацию. Однако существует и другой подход, считающий граммемами пространственных падежей только различные аффиксы с пространственной семантикой (т. е. количества аффиксов локализации и ориентации при таком подходе не перемножаются, а суммируются), и в этом случае в нахско-дагестанских языках пространственных падежей не более полутора десятков. Каждый из этих подходов, как показывает О. Каган, имеет свои достоинства и недостатки.

Пространственные падежи могут употребляться и в непространственных значениях: ими может оформляться обладатель в посессивных конструкциях или агенс в пассивных, а также маркироваться субъект для указания на меньшую степень агентивности, что можно объяснить метафорическим переносом пространственных значений в область более абстрактных понятий. Кроме того, О. Каган упоминает проблему, которую представляют собой пространственные падежи для стандартной генеративной модели: они явно оказывают влияние на семантику клаузы и далеко не всегда могут считаться ингерентными падежами, приписываемыми глаголом. Подход, связывающий их приписывание с нулевыми адлогами, также имеет ряд недостатков (по крайней мере, применительно к нахско-дагестанским языкам).

Наконец, в конце главы рассматриваются случаи, когда падеж может быть связан с пространственным значением даже при наличии адлога: один и тот же предлог может выражать разные значения параметра ориентации в зависимости от падежа ИГ-комплемента (*в городе vs. в город, за домом vs. за дом*; для русского языка эта проблема обсуждается в [Pesetsky 2013]), а другие предлоги с близкими значениями (в частности, включающие компонент 'источник') могут приписывать зависимому один и тот же падеж — так, русск. *из, от, из-за, из-под* и *с* (в значении источника) управляют генитивом.

Следующие три главы посвящены случаям вариативного падежного оформления объектной ИГ, обусловленного семантическими характеристиками прямого дополнения или всей клаузы в целом. В четвертой главе («**Case and aspect**») рассматривается взаимодействие падежного маркирования ИГ с аспектуальными характеристиками клаузы. Хотя в большинстве формальных подходов аккузатив считается структурным падежом, получаемым ИГ в определенной позиции и не зависящим от ее семантики, партитивно-аккузативная альтернатива в финском, оформление аккузативом адьюнктивных ИГ в различных языках [Эршлер 2009] и близость значения предлогов, управляющих аккузативом, в ряде индоевропейских языков свидетельствуют в пользу наличия у аккузатива определенной семантики, связанной с ограниченностью (*boundedness*). В прибалтийско-финских языках, как известно, выбор падежного оформления прямого дополнения (аккузатив *vs.* партитив) зависит от аспектуальных характеристик клаузы. О. Каган кратко рассматривает различные подходы к решению ряда вопросов, связанных с партитивно-аккузативной альтернативой: стоит ли рассматривать ее как единое явление (или же описывать партитивное маркирование объекта, обусловленное собственными характеристиками ИГ, предельностью предиката и полярностью клаузы, как три независимых явления) и какой именно падеж следует считать семантически немаркированным (приписать аккузативу семантику ограниченности или же партитиву семантику неограниченности). В заключение О. Каган упоминает проблему стивных предикатов вроде 'владеть', 'знать' и 'видеть', приписывающих аккузатив своим объектам в финском языке (но не в эстонском), и рассматривает формально-семантические подходы к ее решению, связывающие аккузативное маркирование объекта с неградуируемостью предиката или наличием пресуппозиции существования объекта.

Кроме того, О. Каган рассматривает случаи выражения некоторых типов адьюнктов аккумулятивными ИГ в отсутствие выраженного предлога или послелого⁴. Это адьюнкты, указывающие на длительность ситуации (*неделю*), длину преодоленного расстояния (*<бежал> сотню километров*) и количество повторений ситуации (*тысячу раз*). Такая ситуация встречается в различных языках — например, в финском, корейском и русском⁵. В языках, не имеющих морфологического падежа (например, в английском), такие адьюнкты обычно выражаются беспредложными ИГ. Эти адьюнкты, в отличие от других, функционируют в качестве ограничителей ситуации: модифицируя исходно неопределенный предикат, они превращают его в предельный. Свидетельством в пользу того, что аккумулятив у таких адьюнктов является структурным падежом (а не ингерентным), является то, что в корейском и финском языках они получают номинатив в тех случаях, когда объектная ИГ должна получить номинатив вместо аккумулятива (например, при пассивизации), а в русском и финском могут оформляться, соответственно, генитивом и партитивом при наличии в клаузе отрицания. Автор упоминает формальный анализ этого явления [Pereltsvaig 2000]: такие адьюнкты порождаются в спецификаторе AspP и получают там аккумулятив, как и передвигающиеся туда объектные ИГ с признаком [+Bounded]. Если же объект не имеет такого признака, он остается в SpecVP и получает дефолтный объектный падеж: партитив в финском и аккумулятив в русском.

Наконец, О. Каган рассматривает некоторые пространственные предлоги в различных индоевропейских языках (русском, немецком, древнегреческом), которые способны приписывать зависимым различные падежи с разницей в значении (*в школу vs. в школе*), причем при оформлении зависимой ИГ аккумулятивом она получает семантическую роль Цели. Такие ИГ с семантической ролью Цели, наряду с указанными выше адьюнктами, задают естественный предел для ситуации, которая в отсутствие такой ИГ была бы неопределенной⁶. Таким образом, хотя аккумулятив в этом случае является ингерентным падежом, который ИГ получает одновременно с тета-ролью Цели, он, как и в предыдущих случаях, связан с семантикой ограниченности. Автор обсуждает формальные подходы вроде [van Riemsdijk 2007], связывающие приписывание аккумулятива с передвижением комплемента предлога в спецификатор функциональной вершины, ответственной за направление, и выполненный в рамках когнитивной грамматики анализ [Smith 1995], в соответствии с которым аккумулятивная ИГ в комплементе предлога обозначает место, в котором оказывается движущийся объект в результате перемещения.

В пятой главе («**Differential object marking**») рассматривается асимметричное дифференцированное маркирование объекта. В этом случае выраженным показателем маркируются ИГ в роли прямого дополнения, характеризующиеся большей степенью индивидуализации. Последняя, в свою очередь, может быть обусловлена влиянием таких факторов, как определенность, референтность и одушевленность, причем в некоторых языках важными оказываются сразу несколько признаков. Кратко описав примеры дифференцированного маркирования объекта на материале иврита, каталанского, турецкого, узбекского и канада (дравидийская семья), автор переходит к функционально-типологическим подходам, стремящимся объяснить, почему именно определенные и одушевленные ИГ чаще получают выраженное оформление. Первый из них [Nopper, Thompson 1980] связывает присвоение прямому дополнению выраженного маркирования с более высокой степенью переходности всей клаузы в целом (т. е. предполагает, что объект прототипической переходной клаузы должен быть маркирован), а второй [Comrie 1979] — с отклонением ИГ-объекта от прототипа прямого дополнения и наличием у нее некоторых свойств, характеризующих

⁴ Эта и предыдущая проблемы рассматриваются в монографии [Baker 2015]; см. также обзор этой работы [Лютюкова 2017].

⁵ Более полные типологические сведения об оформлении аккумулятивом ИГ, не являющихся прямым дополнением, см. в статье [Эршлер 2009].

⁶ Случаи, когда сочетающийся с такой предложной группой глагол движения уже сам по себе является предельным (например, *уехать ~ уехать в Москву*), О. Каган не упоминает.

прототипическое подлежащее (т. е. наличие выраженного маркирования свидетельствует об отклонении от прототипа переходной клаузы). Обсуждая влияние семантики глагола на маркирование прямого дополнения, О. Каган показывает, что во многих случаях оно опосредовано свойствами самой ИГ-объекта [Serdobolskaya, Toldova 2006]: дополнения некоторых глаголов (например, ‘пригласить’) могут чаще получать выраженное маркирование (по сравнению, скажем, с объектом предиката ‘прочитать’), потому что в первом случае они практически всегда будут одушевленными, а во втором — неодушевленными.

Формальные подходы к анализу дифференцированного маркирования объекта, которые рассматривает О. Каган, опираются на инструментарий теории оптимальности. Например, Дж. Айсен [Aissen 2003] связывает возможность и/или обязательность маркирования объектной ИГ с ее положением на шкале одушевленности и на шкале определенности / референтности. Хотя в разных языках граница между маркированными и немаркированными прямыми дополнениями может проходить в разных точках каждой из шкал и зависеть от положения ИГ только на одной из шкал или сразу на обеих, более индивидуализированные (т. е. референтные, определенные и/или одушевленные) ИГ чаще получают выраженное маркирование. П. де Зварт [de Swart 2003] отмечает, что в некоторых языках оформление объектной ИГ выраженным показателем определяется соотношением характеристик прямого дополнения и подлежащего, а не только свойствами самого объекта. Прямое дополнение получает выраженное маркирование в том случае, если обладает не меньшим числом свойств прототипического подлежащего, чем ИГ-подлежащее, т. е. маркирование объекта позволяет однозначно установить, какая из аргументных ИГ является подлежащим, а какая — прямым дополнением. А. Мальчуков [Malchukov 2008] предлагает подход, объясняющий дифференцированное маркирование как прямого дополнения, так и подлежащего действием двух конкурирующих тенденций. Если в языке преобладает тенденция последовательного маркирования ИГ с определенными семантическими ролями, то маркирование получают одушевленные объекты (считающиеся прототипическими в соответствии с работой [Horreg, Thompson 1980]) при DOM и одушевленные же (наиболее близкие к прототипу) подлежащие при DSM. Если же дифференцированное маркирование направлено на избегание неоднозначности, то маркирование появляется на одушевленных объектах при DOM (поскольку они больше похожи на подлежащие) и неодушевленных (наиболее сильно отличающихся от прототипа) подлежащих при DSM. Другие варианты анализа, связывающие маркирование объекта с занимаемой им позицией в синтаксической структуре [Baker, Vinokurova 2010] или с категориальным статусом именной группы [Лютикова, Перельцвайг 2015], подробно не обсуждаются.

В шестой главе («**The genitive / accusative alternation in Balto-Slavic**») обсуждаются генитив отрицания, интенциональный генитив (возможность выражения дополнения при интенциональных глаголах вроде *ждать* или *заслуживать* как генитивной, так и аккумулятивной ИГ независимо от наличия в клаузе отрицания) и партитивный генитив в балто-славянских языках (основное внимание уделяется русскому). Эти явления, по мнению О. Каган, можно рассматривать как случай симметричного дифференцированного маркирования объекта (прямое дополнение может выражаться одной из двух маркированных форм⁷) в противоположность асимметричному (при котором объектная ИГ маркируется некоторым показателем в одних случаях и остается немаркированной в других). Генитив отрицания и интенциональный генитив О. Каган объединяет под общим названием ирреального генитива⁸ (Irrealis Genitive) и предлагает единый анализ этих явлений. Осно-

⁷ При этом, как показано в статье [Корнакова и др. 2016], предложения с генитивом отрицания оцениваются носителями в синтаксических экспериментах ниже даже при т. н. генитивных глаголах (термин Е. В. Падучевой).

⁸ Как указано на с. 198, термин О. Каган предложила по аналогии с ирреальным наклонением (irrealis mood).

ванием для этого является высокая степень корреляции между обязательностью, факультативностью или полным отсутствием генитива отрицания и соответствующим статусом интенционального генитива в различных славянских языках.

Генитивное маркирование внутреннего аргумента глагола, в соответствии с анализом О. Каган, лицензируется неверидикативным оператором, причем как в случае генитива отрицания, так и в случае интенционального генитива на выбор падежного оформления влияет ряд факторов: определенность и референтность ИГ, грамматическое число, принадлежность существительного к абстрактным или конкретным именам и др. Обсуждая три подхода к анализу ирреального генитива, связывающие выбор между генитивом и номинативом / аккузативом, соответственно, с референтностью ИГ (specificity), ее семантическим типом (свойство $\langle e, t \rangle$ для генитивных ИГ vs. индивид $\langle e \rangle$ или обобщенный квантор $\langle \langle e, t \rangle, t \rangle$ для аккузативных) и наличием пресуппозиции существования (existential commitment), автор подчеркивает, что они вполне могут быть совместимы друг с другом, но при этом приводит ряд аргументов в пользу последнего. Ирреальный генитив, по мнению О. Каган, сближается с описанными в предыдущей главе случаями дифференцированного маркирования объекта, поскольку также зависит от степени индивидуализированности референта прямого дополнения.

Рассматривая партитивный генитив, автор отмечает ряд существенных отличий от ирреального генитива: более широкое распространение первого в различных балто-славянских языках, его независимость от пресуппозиции существования, несовместимость с исчисляемыми существительными в единственном числе и невозможность при глаголах несовершенного вида. Распространенным подходом к анализу этого явления является постулирование нулевого квантора, приписывающего (наравне с выраженными кванторами типа *пять* или *много*) генитив зависимой ИГ и обуславливающего ее нереферентное прочтение и значение неопределенного количества. [Khrizman 2011] отказывается от постулирования нулевого квантора и считает значение неопределенного количества результатом применения к партитивной ИГ типа $\langle e, t \rangle$ (свойство) функции измерения MEAS($\lambda x.NP(x)$), позволяющей получить ограниченное прочтение, требуемое глаголами совершенного вида (а только они допускают партитивные ИГ в качестве дополнения). Указывая на ряд отличий партитивного генитива от классических случаев дифференцированного маркирования объекта, О. Каган отмечает, что, как и в случае с ирреальным генитивом, его можно рассматривать как отражение низкой степени индивидуализированности соответствующей ИГ. Это позволяет объяснить, почему генитивом маркируются ИГ в роли прямого дополнения, находящиеся в нижней части шкалы одушевленности.

Если предшествующие главы были посвящены падежному маркированию аргументных и адьюнктивных ИГ, то глава 7 («**Predicate case**») рассматривает падежные характеристики предикативных ИГ. Основное внимание уделяется конкуренции между номинативными и инструментальными именными предикатами в славянских языках (в первую очередь в русском и польском) и эссивом и транслативом в уральских (особенно в финском). Кратко затрагиваются также различия между семантикой краткой и полной форм прилагательных в предикативной функции в русском языке, между номинативными и инструментальными депиктивами, относящимися к подлежащему, и «свободными адьюнктами» (free adjuncts) вроде выделенных ИГ в предложении *Студентка, / Студенткой я ходила в музей бесплатно*.

Указывая на существование корреляции между номинативным или инструментальным маркированием и постоянным или временным характером обозначаемой именной предикатом характеристики, О. Каган отмечает, что полностью свести данную альтернативу к различию в морфосинтаксическом оформлении предикатов индивидного и стадияльного уровня⁹ соответственно все же нельзя. Такой анализ (предполагающий, что предикаты

⁹ Предикаты стадияльного уровня вроде *уставший* верны для данного индивида в конкретной ситуации в течение относительно непродолжительного отрезка времени, а предикаты индивидного

каты индивидуального уровня кодируются номинативом, а стадияльного — инструментализмом) был бы неполон, в частности, потому, что прилагательное в предикативной позиции в русском языке может быть выражено тремя способами¹⁰ (краткой формой, инструментальной полной формой и полной формой в номинативе), каждый из которых обладает семантическими особенностями, отличающими его от двух других.

Из-за этого оказывается необходимым рассмотреть также другие подходы. Один из них связывает противопоставление номинативных и инструментальных предикатов с наличием релятивизации обозначаемого предикатом свойства относительно конкретного события, временного периода, места или возможного мира. Другой противопоставляет обязательное номинативное маркирование предиката в идентифицирующих предложениях (где предикат является референтной ИГ, имеющей семантический тип <e>: *Зорро — это дон Диего де ла Вега*) и возможность альтернативы в характеризующих (в которых предикатом является нереперентная ИГ семантического типа свойства <e,t>: *Вася был хороший врач / хорошим врачом*). Наконец, рассматривается возможный подход к формальному моделированию инструментально-номинативной альтернативы через различие в категориальном статусе ИГ-предиката (инструментальные NP vs. номинативные DP) и структуре малой клаузы (наличие vs. отсутствие функциональной вершины, ответственной за приписывание инструментализма ИГ-предикату).

Дистрибуция эссива в уральских языках в целом сходна с дистрибуцией инструментальных предикатных ИГ в славянских: предикат маркируется эссивом, если приписывание обозначаемой им характеристики субъекту релятивизируется относительно временного интервала или некоторого возможного мира. Употребление же транслатива в качестве падежа именного предиката связано с понятием изменения, однако транслативное маркирование в финском языке получают также и предикатные ИГ при некоторых глаголах со значением ‘оставлять’ и ‘оставаться’, которые как раз отрицают наличие изменений. Решение этого противоречия О. Каган формулирует в рамках силовой динамики (*force dynamics*): предикат маркируется транслативом в том случае, если наличие у субъекта соответствующего свойства является результатом действия некоторой силы (т. е. в отсутствие этой силы данного свойства у субъекта бы не было).

В заключительной, восьмой главе («**Generalizations and conclusions**») О. Каган подводит итоги обзора явлений, рассмотренных в предшествующих главах, и предлагает список семантических коррелятов ряда падежных граммем. Падежное оформление ИГ, как свидетельствует материал различных языков, может быть связано с тремя семантическими зонами: (i) семантической ролью и связанными семантическими характеристиками; (ii) индивидуализированностью ее референта; (iii) видо-временными свойствами клаузы в целом.

В целом выбранный автором подход — довольно подробное, но в то же время не слишком пространное изложение существующих анализов тех или иных явлений и выделение проблемных мест — представляется оправданным и соответствует основной цели книги. Это позволило О. Каган избежать чересчур субъективного или слишком поверхностного изложения, в чем упрекали авторов монографий [Воецкx 2012] и [van Gelderen 2013] из похожей серии «Ключевые вопросы синтаксиса» («*Key Topics in Syntax*»), также выпускаемой издательством Кембриджского университета, их рецензенты [Ott 2014; Áfarli 2014].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гращенко 2018 — Гращенко П. В. *Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности*. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. [Grashchenkov P. V. *Grammatika*

уровня типа *высокий* или *деревянный* независимы от ситуации, характеризуют индивида в течение более протяженного отрезка времени и обозначают свойства, изменение которых маловероятно.

¹⁰ Критическое обсуждение существующих анализов представлено в работе [Гращенко 2018].

- prilagatel'nogo. Tipologiya ad'ektivnosti i atributivnosti* [Grammar of adjective: Typology of adjectivity and attributivity]. Moscow: YaSk Publishing House, 2018.]
- Корнакова и др. 2016 — Корнакова Е. В., Лютикова Е. А., Гращенко П. В. Лицензирующие свойства отрицания в русском языке. *Рема*, 2016, 4: 58–82. [Kornakova E. V., Lyutikova E. A., Grashchenkov P. V. Licensing properties of Russian negation. *Rhema*, 2016, 4: 58–82.]
- Лютикова 2017 — Лютикова Е. А. Конфигурационный падеж в параметрической модели. *Вопросы языкознания*, 2017, 5: 92–122. [Lyutikova E. A. Configurational case in a parametric model. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 5: 92–122.]
- Лютикова, Перельцвайг 2015 — Лютикова Е. А., Перельцвайг А. М. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность. *Вопросы языкознания*, 2015, 3: 52–69. [Lyutikova E. A., Peretsvaig A. Noun phrase structure in articleless languages: universality and variation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2015, 3: 52–69.]
- Эршлер 2009 — Эршлер Д. А. К типологии непацентивных значений аккузатива. *Вопросы языкознания*, 2009, 3: 32–49. [Erschler D. A. Towards a typology of non-patient meanings of accusative. *Voprosy Jazykoznanija*, 2009, 3: 32–49.]
- Áfarli 2014 — Áfarli T. *Clause structure* by Elly van Gelderen (review). *Language*, 2014, 90(4): 986–989.
- Aissen 2003 — Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2003, 21: 435–483.
- Baker 2015 — Baker M. *Case: Its principles and parameters*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015.
- Baker, Vinokurova 2010 — Baker M. C., Vinokurova N. Two modalities of case assignment in Sakha. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2010, 28(3): 593–642.
- Blake 2001 — Blake B. *Case*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Boeckx 2012 — Boeckx C. *Syntactic islands*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Butt 2006 — Butt M. *Theories of case*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
- Chomsky 1981 — Chomsky N. *Lectures on government and binding: The Pisa lectures*. Dordrecht: Foris, 1981.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step: Essays on Minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Martin R., Michels D., Uriagereka J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2000, 89–155.
- Comrie 1979 — Comrie B. Definite and animate direct objects: A natural class. *Linguistica Silesiana*, 1979, 3: 13–21.
- de Swart 2003 — de Swart P. *The Case Mirror*. MA thesis, Univ. of Nijmegen, 2003.
- Geist 2006 — Geist L. Copular sentences in Russian vs. Spanish at the syntax-semantics interface. *Proc. of Sinn und Bedeutung 10*. Ebert Ch., Endriss C. (eds.). Berlin: Zentrum für Allgemeine Sprachwissenschaft, 2006, 99–110.
- Hopper, Thompson 1980 — Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse. *Language*, 1980, 56(2): 251–299.
- Janda 1993 — Janda L. *A geography of case semantics: The Czech Dative and the Russian Instrumental*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Kagan 2011 — Kagan O. The scale hypothesis and the prefixes *pere-* and *nedo-*. *Scando-Slavica*, 2011, 57(2): 160–176.
- Kagan 2013a — Kagan O. *Semantics of genitive objects in Russian: A study of genitive of negation and intensional genitive case*. Dordrecht: Springer, 2013.
- Kagan 2013b — Kagan O. Scalarity in the domain of verbal prefixes. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2013, 31(2): 483–516.
- Kagan 2016 — Kagan O. Measurement across domains: A unified account of the adjectival and the verbal attenuative *po-*. *Journal of Slavic Linguistics*, 2016, 24(2): 301–336.
- Khrizman 2011 — Khrizman K. *Imperfective aspect and partitive case in Russian*. MA thesis, Bar-Ilan Univ., 2011.
- Knyazev 2018 — Knyazev M. Yu. [Review of:] T. Reinhart (auth.), M. Everaert, M. Marelj, E. Reuland (eds.). *Concepts, syntax and their interface: The Theta System*. Cambridge (MA): MIT Press, 2016. *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 1: 130–137.
- Landau 2010 — Landau I. *The locative syntax of experiencers*. Cambridge (MA): MIT Press, 2010.
- Luraghi 2008 — Luraghi S. Case in Cognitive Grammar. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008, 136–150.
- Malchukov 2008 — Malchukov A. L. Animacy and asymmetries in differential case marking. *Lingua*, 2008, 118: 203–221.

- Malchukov, Spencer (eds.) 2008 — Malchukov A., Spencer A. (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Marantz 2000 — Marantz A. Case and licensing. *Arguments and Case: Explaining Burzio's Generalization*. Reuland E. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2000, 11–30.
- Ott 2014 — Ott D. *Syntactic Islands* by Cedric Boeckx (book review). *Language*, 2014, 90(1): 287–291.
- Pereltsvaig 2000 — Pereltsvaig A. On accusative adverbials in Russian and Finnish. *Adverbs and adjunction*. Alexiadou A., Svenonius P. (eds.). Potsdam: Univ. of Potsdam, 2000, 155–176.
- Pereltsvaig 2007 — Pereltsvaig A. *Copular sentences in Russian. A theory of intra-clausal relations*. Berlin: Springer, 2007.
- Pesetsky 2013 — Pesetsky D. *Russian case morphology and the syntactic categories*. Cambridge (MA): MIT Press, 2013.
- Pesetsky, Torrego 2011 — Pesetsky D., Torrego E. Case. *The Oxford handbook of linguistic minimalism*. Boeckx C. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011, 52–72.
- Pylkkänen 2008 — Pylkkänen L. *Introducing arguments*. Cambridge (MA): MIT Press, 2008.
- Rákosi 2006 — Rákosi Gy. *Dative experiencer predicates in Hungarian*. Utrecht: LOT, 2006.
- Reinhart et al. 2016 — Reinhart T. (auth.), Everaert M., Marelj M., Reuland E. (eds.). *Concepts, syntax and their interface: The Theta System*. Cambridge (MA): MIT Press, 2016.
- Serdobolskaya, Toldova 2006 — Serdobolskaya N., Toldova S. *Direct object marking in Finno-Ugric and Turkic languages: Verb semantics and definiteness of direct object NP*. Paper presented at the Workshop on Presupposition Accommodation, 13–15 October 2006, Ohio State Univ., Columbus, Ohio.
- Smith 1995 — Smith M. Semantic motivation vs. arbitrariness in grammar: Toward a more general account of the dative/accusative contrast with German two-way prepositions. *Insights in Germanic linguistics I: Methodology in transition*. Rauch I., Carr G. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1995, 293–323.
- Ura 2001 — Ura H. Case. *The handbook of contemporary syntactic theory*. Baltin M., Collins C. (eds.). Oxford: Blackwell, 2001, 334–373.
- van Gelderen 2013 — van Gelderen E. *Clause structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.
- van Riemsdijk 2007 — van Riemsdijk H. Case in spatial adpositional phrases: The dative-accusative alternation in German. *Pitar Moş: A Building with a View: Papers in Honour of Alexandra Cornilescu*. Alboiu G., Avram A., Avram L., Isac D. (eds.). Bucharest: Bucharest Univ. Press, 2007.
- van Riemsdijk, Huybregts 2007 — van Riemsdijk H., Huybregts R. Location and locality. *Phrasal and clausal architecture*. Karimi S., Samii V., Wilkins W. K. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2007, 339–364.

Получено / received 08.02.2021

Принято / accepted 16.03.2021

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 01.06.2022 Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5

Тираж 300 экз. Зак. 5/3а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

